

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2015

№ 4

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013

Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, университет Хельсинки, Финляндия
Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Зайцева Ольга Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь
Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

EDITORIAL BOARD

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larissa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Helsinki, Finland*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

Редакторская колонка (Д.А. Функ)	6
--	---

НАРОДЫ СЕВЕРА И СИБИРИ: ИСТОРИЯ, ГЕНЕАЛОГИИ И ИМЕНА

Бакиева Г.Т. «Быть в Тобольске в татарских головах...» (из истории рода служилых татар Кульмаметьевых)	10
Опарин Д.А. Современные ономастические представления азиатских эскимосов	30

ИНДИГЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗА РУБЕЖОМ

Орнелас Таварес Г.Э., Солдатова А.Е. Автохтонные паззлы долины Мехико: основные подходы к антропологическому изучению	47
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. <i>Urban Geography: A Critical Introduction</i> . Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4 (Е.Г. Трубина)	64
Emma Gilberthorpe and Gavin Hilson (eds.): <i>Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization</i> . Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. ISBN 978-1-4094-3777-2 (hardback); ISBN 978-1-4094-3778-9 (ebook); ISBN 978-1-4094-7268-1 (epub) (В.В. Поддубиков)	73
Надь З. <i>Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках</i> / Перевод с венгерского Дианы Пушкаш. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2011. 294 с. ISBN 978-5-89428-560-3 (В.И. Харитонова)	86
Шолпан. Алматы: Ак Арыс, 2010. 440 с. ISBN 978-601-7130-91-6 (Г.А. Жанысбекова, Г.К. Отарбаева, Д.А. Функ)	93
Susanne Germann. <i>Erwin von Baelz (1849–1913) – Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie</i> . Ubstadt-Weiher, Heidelberg, Basel, Verlag Regionalkultur, 2014. 504 s. ISBN 978-3-89735-795-2 (Н.С. Любимова)	97

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	102
---------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	105
------------------------------	-----

CONTENTS

Editor's note (D.A. Funk)	8
--	---

PEOPLES OF SIBERIA AND THE NORTH: HISTORY, GENEALOGIES AND NAMES

Bakieva G.T. "To Be in Tobolsk among Tatar Chiefs..." (From the Family History of the Tatar Servicemen Kulmametev)	10
Oparin D.A. Contemporary Onomastic Perceptions of the Asian Eskimo	30

INDIGENOUS ETHNIC GROUPS ABROAD

Ornelas Tavarez G.E., Soldatova A.E. Autochthonous Pueblos of the Valley of Mexico: Main Approaches to Anthropological Research	47
---	----

BOOK REVIEWS

Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. Urban Geography: A Critical Introduction. Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4 (E.G. Trubina)	64
Emma Gilberthorpe and Gavin Hilson (eds.): Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. ISBN 978-1-4094-3777-2 (hardback); ISBN 978-1-4094-3778-9 (ebook); ISBN 978-1-4094-7268-1 (epub) (V.V. Poddubikov)	73
Nagy Z. The Khanty of Vasyugan. The Change in the Religion in the 19 th to the 21 st Century / Translated from Hungarian by Diana Pushkash. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publishing House, 2011. 294 p. ISBN 978-5-89428-560-3 (V.I. Kharitonova)	86
Sholpan. 1922–23 zh. Almaty: Ak Arys, 2010. 440 c. ISBN 978-601-7130-91-6 (G.A. Zhanysbekova, G.K. Otarbaeva, D.A. Funk)	93
Susanne Germann. Erwin von Baelz (1849–1913) – Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie. Ubstadt-Weiher, Heidelberg, Basel, Verlag Regionalkultur, 2014. 504 s. ISBN 978-3-89735-795-2 (N.S. Lyubimova)	97

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	102
-------------------------------------	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	105
-------------------------------	-----

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

DOI: 10.17223/2312461X/10/1

Уважаемые читатели!

Подходит к концу третий год существования журнала *Сибирские исторические исследования*. Думается, есть смысл подвести основные итоги работы.

Как и в 2014 г., когда нами были предприняты кардинальные изменения в политике журнала, в этом году удалось сохранить принцип максимально широкого представительства наших авторов. Лишь немного меньшим оказалось число зарубежных авторов: в 2015 г. всего порядка 20% (против 26% в 2014 г.), но при этом мы существенно расширили географию российских исследователей – процент авторов журнала не из Томского государственного университета вырос с 54 до 66.

Довольно успешной можно считать и активную политику по продвижению журнала в международные базы и системы индексирования. Кроме престижной международной базы EBSCO, журнал *Сибирские исторические исследования* был включен также в крупнейшую европейскую базу журналов в области гуманитарных и социальных наук ERIH PLUS (своего рода аналог российского списка ВАК, но с более жесткими критериями отбора) и в директорию журналов открытого доступа DOAJ, в которой, напомним, обеспечивается индексирование лишь высококачественных рецензируемых журналов открытого доступа. В марте 2015 г. была подана заявка на включение журнала в базу Scopus.

Журнал по-прежнему сохранил изначально заявленную ориентацию на сибирскую тематику. Семь опубликованных в 2015 г. статей были построены именно на сибирских, в широком понимании этого термина, материалах. Вместе с тем, в соответствии с политикой журнала, мы старались приглашать к сотрудничеству авторов, занимающихся близкими нам в теоретическом плане, но территориально далекими от Сибири сюжетами. Так, в журнале появились статьи о Великобритании и Индонезии, США и Балканах, Украине и Мексике, в которых анализировались проблемы идентичности (в том числе в музыке), интеграции беженцев и иммигрантов в принимающее большинство, сохранения и воспроизводства культурной специфики индигенных этнических групп в условиях мегаполиса. Безусловным украшением журнала в этом году стала публикация теоретических работ о философских проблемах в

изучении динамики и политики идентичности людей и неживых предметов (статья Сергея Соколовского в № 1) и о причинах современного европейского кризиса (концептуальная статья Ричарда Саквы в № 3).

Кроме собственно научных статей, в журнале были опубликованы также интервью Ларисы Дериглазовой с С.В. Вольфсоном (в № 3) и воспоминания об ушедших от нас коллегах (подготовленный Ириной Нам блок мемориальных текстов об Э.Л. Львовой в № 2).

Сохранилась и упрочила свое положение и значимость рубрика «Рецензии». В журналах 2015 г. нашими авторами было опубликовано 12 рецензий на научные работы, опубликованные в 2010–2014 гг. на английском, русском, немецком, испанском и казахском языках. Кстати, в представлении потенциальным читателям целого ряда новых ярких и важных исторических и антропологических работ важную роль сыграли усилия не только наших известных коллег (например, Елены Трубиной или Владимира Поддубикова), но также молодых авторов, аспирантов профильных кафедр вузов.

Журнал постепенно переходит от исключительно тематических выпусков, как это было в 2014 г., к попыткам представления различных тем и проблем на страницах одного номера. Процесс наполнения портфеля журнала идет, как представляется, вполне успешно, поэтому отмеченные изменения выглядят абсолютно логичными, во всяком случае предсказуемыми.

В следующем году журнал, уверен, не потеряет своей научной привлекательности. Мы намерены не только активно приглашать к сотрудничеству наших российских и зарубежных коллег, но и задействовать такие формы публикации, как обзоры и дискуссии, разумеется, при безусловном сохранении специальных тем журналов и особом внимании к регулярной публикации рецензий на новую литературу.

От имени редакционного совета журнала хочу поблагодарить за активную работу всех членов редколлегии и особенно всех наших авторов. Именно благодаря вашей бескорыстной помощи журнал шаг за шагом превращается в качественную и востребованную площадку для публикации и обсуждения академических работ по широкому кругу вопросов сибиреведения и гуманитарного знания в целом. Уверен, что в наступающем 2016 г. журнал *Сибирские исторические исследования* станет еще более привлекательным как для авторов, так и для наших читателей!

Д.А. Функ

EDITOR'S NOTE

Dear Readers!

The third year of the *Siberian Historical Research* journal is coming to an end and I would like to briefly summarize what has been achieved so far.

As in 2014, when we made some substantial changes in the policy of the journal, this year we managed to retain the principle of the broadest possible representation of our authors. There have been a bit fewer international authors' contributions published: in 2015 they constituted only around 20% of the journal compared to 26% in 2014 but we have significantly expanded the geographical representation of Russian researchers – Russian research fellows who are not affiliated with TSU now comprise 66% of all authors of the journal compared to 54% last year.

We believe the policy of promoting the journal in international databases and index systems proved quite successful as well. In addition to entering the prestigious international database EBSCO the *Siberian Historical Research* has been included in the largest European journal database in social sciences and the humanities ERIH PLUS (in a way, it is similar to the Russian list of the Higher Commission for Academic Degrees and Titles but with stricter selection criteria) and in the Directory of Open Access Journals (DOAJ) in which, we should note, only high quality open access peer-reviewed journals are indexed. In March 2015, we applied for the inclusion of the journal in the Scopus database.

The journal has kept the originally set focus on Siberia. 7 articles published in 2015 drew on Siberian materials, in the broadest sense of the term. However, according to the policy of the journal we sought to invite for co-operation authors who deal with research cases similar to ours in theoretical terms regardless of how far away from Siberia those may take place. And so, we published articles on Great Britain and Indonesia, USA and the Balkans, Ukraine and Mexico which explore issues of identity (including in music), integration of refugees and immigrants in the host majority, as well as preservation and reproduction of cultural specificities of indigenous ethnic groups in big cities. Undoubtedly, such contributions as the theoretical article by Sergey Sokolovskiy on philosophical issues in the study of dynamics and politics of identity of people and inanimate objects (issue # 1) and the conceptual article by Richard Sakwa on the causes of modern European crisis (issue # 3) are of special value for the journal.

Apart from research articles, we published an interview by Larisa Deriglazova with renowned Siberian researcher Saveliy V. Volfson (issue # 3)

and some memories of our colleague who passed away this year – Eleonora L. Lvova (a set of memorial texts prepared by Irina Nam for issue # 2).

The section ‘Reviews’ has been retained and enhanced. To journal issues of 2015 our authors contributed 12 reviews of research works published in 2010–2014 in English, Russian, German, Spanish and Kazakh. It is noteworthy that a great part in this regard was played not only by our well-known colleagues such as Elena Trubina or Vladimir Poddubikov but also by young authors and postgraduate students from specialized departments of our universities so that our readers could learn about a whole range of new, brilliant and important historical and anthropological work.

The journal is gradually moving away from purely thematic issues as was the case almost throughout 2014 to introduce various topics and problems on the pages of one issue. The portfolio of the journal is being enriched quite successfully, we believe, and that is why the changes mentioned seem to be absolutely logical or anyway predictable.

Next year, I am convinced the journal will not lose its research potential. We intend not only to actively attract our Russian and international colleagues for collaboration but to introduce such forms of publications as overviews and discussions as well, along with keeping issues’ special themes and paying particular attention to publishing reviews of new literature on a regular basis.

On behalf of the Editorial Board I would like to thank all of the Editorial Collegium members and especially all of our authors for cooperation. It is due to your dedication that the journal is turning step by step to a high quality sought-after platform for publications and discussions of academic works on a wide spectrum of issues of Siberian research and the humanities on the whole. I am sure that in the coming year 2016 the journal *Siberian Historical Research* will become ever more interesting both for authors and our readers!

Dmitri A. Funk

НАРОДЫ СЕВЕРА И СИБИРИ: ИСТОРИЯ, ГЕНЕАЛОГИИ И ИМЕНА

УДК 929.52

DOI: 10.17223/2312461X/10/2

«БЫТЬ В ТОБОЛЬСКЕ В ТАТАРСКИХ ГОЛОВАХ...» (из истории рода служилых татар Кульмаметьевых)*

Гульсифа Такиюлловна Бакиева

Аннотация. На основе анализа архивных материалов рассматриваются биографии представителей рода сибирских татар Кульмаметьевых. С конца XVII до первой трети XIX столетия они занимали должность головы тобольских служилых татар. В статье детально показано, как происходило постепенное усиление позиций Кульмаметьевых, превращение их должности в наследственную. Анализируются события, характеризующие непростые взаимоотношения с властью и подчиненными, а также внутри клана Кульмаметьевых. Впервые реконструирована генеалогия мурз Кульмаметьевых.

Ключевые слова: Кульмаметьевы, Тобольск, служилые татары, казачья команда, генеалогия

Введение

Этническая общность, называемая сибирскими татарами, сформировалась в южной части Западной Сибири на обширной территории от Зауралья до Барабинских степей. В XIV–XVI вв., в период существования Тюменского, а позже Сибирского ханства, локальными территориями внутри этих государств управляли представители привилегированных социальных групп населения – «тарханы», «князцы», «ясаулы». Население ханств разделялось на феодальную знать (служилых людей) и плательщиков ясака (чёрных людей). После захвата власти в Сибирском ханстве выходцем из Средней Азии ханом Кучумом местные тарханы вынуждены были подчиниться ему. После бегства Кучума в 1598 г. они снова стали полновластными правителями своих территорий (Бахрушин 1955: 155; Бояршинова 1960: 113; Сатлыкова 1986: 118; Вершинин 1998: 61–63; Бакиева 2003: 68–69).

Особым периодом в истории сибирских татар можно назвать время с XVII по первую треть XIX в., когда центральная власть практически не

* Современное написание фамилии Кульмаметьевы, с мягким знаком. В документах – Кульмаметевы (ср.: современное Шереметьевы – изначальное Шереметевы).

вмешивалась в их внутренние дела. Сохраняя традиционные органы управления и суд, исторически сложившиеся у сибирских татар, русская администрация умело использовала их в своих интересах. Опираясь на авторитетных лиц татарской общины как на своих ставленников на местах, власти предоставляли некоторым из них значительные полномочия.

В XVII–XVIII вв. в Тюменском и Тарском уездах Тобольской губернии сбором ясака, рассмотрением жалоб и спорных вопросов ведали «князцы» и «старшины» из числа местной сибирско-татарской знати (Бакиева 2003: 68). Уникальная ситуация сложилась в самом большом по территории и численности населения Тобольском уезде. В конце XVII в. власть над служилым и ясачным сибирско-татарским населением была передана здесь бухарцу Авазбакею Кульмаметьеву. Судя по документам, он вместе со своим отцом Кульмаметом прибыл в Российскую империю из пределов Бухарского ханства незадолго до восшествия на престол царей Петра и Иоанна Алексеевичей. Сын Авазбакея Сабанак, единственный из представителей знати, управлявшей сибирскими татарами, был возведён в дворянское достоинство и стал именоваться мурзой¹. Его потомкам удавалось в течение 150 лет занимать должность головы тобольского иррегулярного легкого казачьего войска, фактически превратив её в наследственную.

Опираясь на немногочисленные опубликованные источники и работы историков, привлекая вновь выявленные архивные документы, автору статьи удалось внести уточнения в датировку важных событий в жизни представителей рода Кульмаметьевых, проанализировать их непростые взаимоотношения с властью, подчиненными и родственниками. Впервые составлена родословная Кульмаметьевых, наглядно показывающая всех известных его представителей. Благодаря генеалогическому древу, обнаружена преемственность в семье Кульмаметьевых именование от деда к внуку, а также установлена их родственная связь с известным религиозным деятелем и писателем XVIII в. Амдами.

Что известно о Кульмаметьевых?

Немногие историки уделяли в своих работах внимание роду служилых татар Кульмаметьевых. В статье В.В. Рабцевич исследуется проблема формирования землевладения клана Кульмаметьевых. Опираясь на архивные материалы, автор проследила хронологию земельных поступлений, выявила виды земельных сделок, с помощью которых складывалось родовое землевладение Кульмаметьевых. По данным исследовательницы, «источниками обогащения Кульмаметьевых» являлись общинные землевладения ясачных, захребетных и служилых татар (Райцевич 1985: 33–44).

В публикациях Ф.Т. Валеева, З.А. Тычинских, И.В. Белича нашли отражение сведения о биографии представителей Кульмаметьевых, за-

нимавших должность головы тобольских татар, рассмотрены их функции и обязанности, права и привилегии. Несмотря на то что указанные авторы пользовались преимущественно одними и теми же источниками, у них имеются некоторые неточности и разночтения в датах. К примеру, исследователями называются разные годы определения на должность головы Кульмаметьевых, возведения Сабанака в дворянство и др. (Валеев 1993; Тычинских 2007, 2010; Белич 2009).

Затрагивалась в литературе и проблема происхождения рода Кульмаметьевых, причем высказывалась точка зрения об их среднеазиатских корнях (Рабцевич 1985: 44; Белич 2009: 182). В подтверждение данной позиции В.В. Рабцевич и И.В. Белич приводят документы, в которых содержатся слова самих представителей рода о том, что их предок был выходцем из Бухарского ханства². В одном источнике указано, что *«мурза Кульмамет, услышав чрез... высочайшие грамоты к вызову иноземцев... с довольно дарованными им... свободами и выгодами, оставя в отечестве своем родственников и всякие заводы и промыслы, самоохотно выехал в Российское подданство»* (ГБУТО ГАТ. Ф. ИЗ29. Оп. 13. Д. 7; Белич 2009: 181–182). В другом документе, выявленном автором данной статьи, говорится, что *«Кулмаметьевых предки, вышедшие из Большой Бухареи... по грамотам Великих Всероссийских Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича определены в службу к тобольским служилым казакам и захребетным (что ныне ясаиные)»* (РО ТИАМЗ. Инв. № 30800. Л. 1; Белич 2009: 182; Закон, обычай, шариат 2013: 13–69).

У нас нет оснований сомневаться в информации, содержащейся в указанных источниках, поскольку она исходила от самих представителей Кульмаметьевых; точка зрения, высказанная сторонниками среднеазиатского происхождения, представляется вполне обоснованной.

Некоторые авторы связывают предков Кульмаметьевых со сподвижником хана Кучума, князем Бегишем, относящимся к казанской знати (Алишина, Ниязова 2004: 26–28). Весьма неопределённо высказывается по этому поводу З.А. Тычинских. Она пишет, что род Кульмаметьевых берет начало от «большого князя Бегиша», имевшего либо казанское, либо бухарское происхождение. Здесь же автор отмечает, что «пока трудно определить, насколько можно связывать князя Бегиша конца XV в. с владельцем Баишева городка князем Бегишем второй половины XVI в.» (Тычинских 2007: 137–138; 2010: 77).

Новые материалы

Выявленные автором статьи архивные материалы, хранящиеся как в центральных архивах (РГАДА, РГВИА, РГИА, ЦГИА РБ), так и в местном, Тобольском государственном архиве (ГБУТО ГАТ), дают

возможность дополнить, а в некоторых случаях уточнить имеющиеся сведения из жизни представителей династии Кульмаметьевых. Кроме того, эти материалы дают возможность реконструировать генеалогию семьи Кульмаметьевых в период с XVII до конца XIX в.

Особую ценность для исследователей этого периода может представлять обнаруженный мною в Российском архиве древних актов документ, относящийся к 1710 г. Он содержит сведения о служилых, «захребетных» татарах и бухарцах, живущих в волостях и деревнях, расположенных по рекам Тобол и Иртыш. Сведения эти были собраны Тобольским дворянином Степаном Никитичем Фефиловым, который был откомандирован в татарские юрты по приказу стольника и воеводы И.Ф. Бибикова, чтобы *«переписывать... людей мужеска и женска пола от мала до велика и до последнего работника в лета и поименное не обходя никого всех что ни на есть»*. В самом начале документа указаны Авазбакеевские юрты Ялуторовского уезда и в них «дворы татарского головы Сабанака Авазбакеева». Таким образом, становится ясно, что местом жительства Кульмаметьевых первоначально являлись не Сабанаковские юрты в Тобольском уезде, как это ранее указывалось исследователями, а юрты Авазбакеевские в Ялуторовском уезде. Указанный источник содержит также сведения, касающиеся состава семьи Сабанака Кульмаметьева, с указанием возраста (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 223. Л. 1–4 об.), что позволило включить эти данные в генеалогическую схему, приведенную ниже на рис. 2.

Для составления генеалогии последующих поколений Кульмаметьевых были использованы сведения из других источников. Это три документа, хранящиеся в Тобольском архиве: первый из них – материалы ревизской переписи 1782 г., второй – «Ведомости о состоящих Тобольской иррегулярной из магометан казачьей команды» (1807 г.) и третий – первичные листы Первой Всероссийской переписи 1897 г. по юртам Сабанаковским (ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 4; Ф. И329. Оп. 13. Д. 7; Ф. И417. Оп. 2. Д. 611).

Для характеристики земельных и семейных тяжб Кульмаметьевых было привлечено несколько впервые выявленных документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве г. Тобольска (РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5632; Оп. 4. Д. 3865; Оп. 6. Д. 296; ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 12. Д. 11. Л. 1–4).

Эмигранты в Западной Сибири

Как уже было отмечено, родоначальником Кульмаметьевых являлся Кульмамет, выходец из Бухарского ханства, вероятно, принадлежавший к торговому сословию, добровольно переселившийся в Тобольск в середине XVII в.³ Именно в этот период русское правительство, заинтересо-

ванное в развитии торговли, стимулировало различными льготами переселение торговых людей из восточных стран. Грамотой Михаила Фёдоровича от 3 ноября 1644 г. бухарцев «с тобольскими и посадскими людьми в тягло их приписывать не велели, потому что они иноземцы и напреж сего в тяглах не бывали. И с пашен их, которые пашни пашут они на их земле и у татар, на их татарских займищах выдельного хлеба имать... не велели, чтоб им бухарцам, в том оскорбленья не было и смотря б на то иные бухарцы, выезжая из Бухари и иных земель, в Тобольску жить оставались, и наши б сибирские города всякими приезжими торговыми людьми полнились» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 134. Л. 198).

Многие бухарцы, воспользовавшись благоприятной ситуацией, устремились в сибирские города. По данным О.Н. Вилкова, в г. Тобольске в 1646 г. числились 32 бухарца, «лучших», «опричь молодых людей». Непосредственное участие в торговле на тобольском рынке в 1644–1645 гг. вели – 24 чел., а в 1647–1648 гг. – 14 чел. (Вилков 1990: 72).

Имя сына Кульмамета, Авазбака Кульмаметьева, впервые упоминается в 1680 г. в отчете митрополита Тобольского и Сибирского Павла в Сибирский приказ. В документе отмечено, что тобольские «иноземцы Авазбакей Кулмаметьев с товарищи к его преосвященству приходят и говорят, чтоб ему иноземцев не крестить и называет их своими дворовыми людьми» (РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 258. Л. 4 об.). Указанный документ подтверждает «иноземное» происхождение Авазбакея, а также и то, что он являлся состоятельным человеком, так как имел дворовых людей. О том, что Авазбакей относился к торговому сословию, говорит тот факт, что еще в 1681 г. местная администрация поручила ему покупку и мену китайских товаров (Бахрушин 1955: 76).

В XVII в. русская администрация поручала сибирскому бухарскому купечеству различные задания финансового, торгового и дипломатического характера. Они несли службу в сибирских таможах, принимали участие в оценке и продаже казенной мягкой рухляди на ярмарках, им поручали торговлю казенными, а также государственными таможенными товарами, они выступали в качестве переводчиков в дипломатических посольствах русских в Среднюю Азию и Китай (Вилков 1990: 78).

Торговые бухарцы, обосновавшиеся в Тобольске, также не оставались в стороне от выполнения различных поручений царской власти, а Авазбакей Кулмаметьев, кроме того, проявил еще большее усердие. Не случайно, когда Авазбакею 30 апреля 1692 г. была предоставлена должность головы тобольских служилых и «захребетных» татар, указывалось, что она дается ему «в вознаграждение его службы и купно с тем за сообщение всяких известий» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 18; Тычинских 2010: 117)⁴.

Должность головы предусматривала следующие функции: чтобы «удерживать татар от обид русским и ограждать от притеснения сих последними, производить между татарами всякую расправу, а за

малые вины самому наказывать», а также исправно собирать подати (ясак) с татар. Обязанности в отношении служилых татар заключались в наблюдении, чтобы они *«состояли всегда в полном числе и неспособных из них к службе переменять с ведома начальства другими из татарских детей»*. Кроме того, ему вменялось в обязанность *«докладывать о важных делах боярину и воеводе Салтыкову, прекращать всякие непозволенные связи их (татар. – Г.Б.) с заграничными народами»* (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 18–18 об.; Тычинских 2010: 117). Таким образом, Авазбакей получил единоличную власть над вверенным ему населением, осуществляя управление, суд и исполнение наказаний и одновременно являясь его защитником и заступником.

«Служба и радение» Авазбакея Кульмаметьева не остались без внимания монаршей власти. Уже через несколько месяцев после того, как он занял должность головы, 22 декабря 1692 г., *«объявлено ему Великих государей милостивое слово и... прислано от государыни царицы и великой княгини Прасковьи Фёдоровны⁵ на кафтан сукна 5 аршин»*. Несколько позже, в мае 1695 г.⁶, Авазбакей и его сын Сабанак были вновь вознаграждены центральной властью. Им были отданы в Тобольском уезде вверх по рекам Тоболу и Иртышу пашенные земли, сенные покосы, рыбные ловли и прочие угодья по поступным записям⁷ (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 16, 18 об.). Кроме того, они получили живущих на этих землях 238 человек дворовых людей в деревнях Авазбакеевой и Кулюк Ялуторовского уезда. Лишь к 1807 г. потомкам этих людей удалось доказать неправомерность их закабаления и, по решению Тобольской палаты гражданского суда, их перевели в казенное ведомство, а Сенат утвердил данное решение (ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 13. Д. 7. Л. 107 об.).

В 1698 г.⁸, уже после смерти Авазбакея, его сыновья, Сабанак и Нематулла, получают должности татарских голов – первого и второго класса соответственно. Как было отмечено, *«быть в Тобольске на его (Авазбакея. – Г.Б.) месте в татарских головах сыну его Сабанаку в том же его денежном, хлебном и соляном окладе, а в его Сабанакове месте и в окладе быть сыну Нематуллаю»* (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 16).

О том, чтобы эта должность перешла именно к сыну, Авазбакей, видимо, предчувствуя близкую смерть, написал обращение к вышестоящей власти. В нем он напоминает о своих заслугах и, главное, о заслугах сына Сабанака, который был *«двукратно послан для поимки некрещеных калмыков вольных и дворовых людей, бежавших в Калмыцкую степь»* (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 17).

Признавая за Авазбакеем его заслуги и непререкаемый авторитет, в 1705 г. боярин и воевода М. Черкасский подтвердил за Кульмаметьевыми звание голов. С 1712 г. Сабанак Кульмаметьев по определению губернатора Матвея Гагарина получает право взыскивать с татар и бухарцев денежные сборы и «представлять оные в приказную палату и в боль-

шую канцелярию» (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 16). В 1714 г. «за верные усердные службы» Сабанак получает от царя Петра I тесак булатный, *«чернь каменной яшмовой, оправлен серебром с чернью турецкого дела, и от бывшего в Тобольске губернатора князя Гагарина седло с прибором, стоящие немалой суммы»* (ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 12. Д. 11. Л. 1 об.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 16 об.; Тычинских 2010: 80).

Дела семейные

По данным за 1710 г., Сабанак Кульмаметьев вместе с семьей проживал в Авазбакеевских юртах Ялуторовского уезда. Сабанак, по его словам, было 58 лет, вместе с ним проживали жена Сейдя 34 лет, сыновья: Нематулла 24 лет, Назар 23 лет, Акафий 21 год, Авазбака 3 лет; дочери: Зория 14 лет, Бика 12 лет, Фатыма 8 лет, Айша 5 лет, Бичалик 2 года. Также с ними проживала «сноха вдова Аспан 57 лет». Ниже перечислялись дворовые люди Сабанака с их семьями (поименно с указанием возраста). Также было отмечено, что у Сабанака *«дворовые и крепостные люди живут на заимках вверх по рекам Тоболу, Агитке и Таре, в юртах Чечкинских, а сколько дворов их то имеетца... дворовых людей не сказали»* (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 223. Л. 1–4 об.).

В тех же Авазбакеевских юртах, но в другом хозяйстве, был отмечен племянник Сабанака – Баба Кульмаметьев 28 лет. Вместе с ним проживали его мать Рухия 47 лет, жена 29 лет, дети (имена не указаны) – сыновьям по 7 и 5 лет, дочери – 3 года, брат (имя не указано) 24 лет, сестра Харича 22 лет, а также дворовые люди (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 223. Л. 6). Следовательно, у Сабанака был брат, имя которого пока не установлено, возможно, умерший к тому времени. Баба Кульмаметьев являлся сыном этого брата, а сноха, вдова Аспан, которая проживала у Сабанака, возможно, была его первой женой.

Итак, перед нами документ, благодаря которому мы располагаем наиболее полной информацией о членах семьи Сабанака Кульмаметьева. Ранее в литературе встречались сведения лишь о двух его сыновьях – Нематуллае и Авазбакее, которые в разное время занимали должность головы. Кстати, сопоставляя возраст жены Сабанака Сейди и детей, заметим, что, по крайней мере, три старших сына Сабанака не могли являться ее детьми. Следовательно, у Сабанака до Сейди была другая жена (другие жены?), от которой и были рождены Нематуллай, Назар и Акафий.

Далее, после описания семьи Сабанака, в тех же Авазбакеевских юртах указан ахун⁹ Хачим Шугур Авазбакеев, 45 лет, и его дворовые люди (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 223. Л. 5–5 об.). Фамилия (отчество) Авазбакеев позволяет высказать предположение, что Хачим Шугур приходился братом (судя по возрасту, младшим) Сабанака. Интересно, что Г.Ф. Миллер в своих «Путевых описаниях» упоминает некоего

Тайчима, который около 1741 г. был ахуном, а «его предок был из рода Сабанак». Возможно, Хачим Шугур и Тайчим – это одно и то же лицо (Сибирь XVIII в... 1996: 76; Тычинских 2010: 121).

Благодаря изысканиям татарского учёного конца XIX – начала XX в. Ризы Фахрутдина, определено, что тобольским ахуном в XVIII в. был Худжа Шукур Гавас-бай. По данным этого автора, в 1694 г. Худжа Шукур окончил медресе Даулатшаха ибн Габдулвагапа Ал-Хасани, служил ахуном в Тобольской соборной мечети, был мударрисом-профессором. Кроме того, он автор поэмы «Насихатнамэ» (Книга наставлений), которую написал под псевдонимом Амдами (Яхин 2002: 601). Имя тобольского ахуна, на которое указывает Р. Фахрутдин, обнаруживает сходство с отмеченным выше Хачимом Шугуром.

Согласно архивному источнику Сабанак умер в июле 1730 г. (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 16 об.). После него должность головы тобольских и уездных служилых и ясашных татар и бухарцев перешла к его сыну Нематуллаю, который, правда, вскоре умер (1732 г.), и обязанности головы «по выбору татар» стал исправлять рядовой служилый татарин Чюра Кутумов (Л. 17). Однако уже в 1736 г. эта должность вновь перешла к представителю рода Кульмаметьевых, другому сыну Сабанака – Авазбакею (второму)¹⁰. Отстранение Кутумова от должности не обошлось без происков Авазбакея, не желавшего упускать власть из своих рук. В 1736 г. он написал «доношение» в Губернскую канцелярию, в котором обвинял Кутумова в притеснениях татар, а также недвусмысленно заявлял о том, что татары желают определить к ним головой его, т.е. Авазбакея. Несмотря на отсутствие в «доношении» каких бы то ни было доказательств неправомерных действий Кутумова в отношении татар, власти отстранили его от должности. В итоге Авазбакей стал головой 1-го класса, а его сын Сабанак (второй) с 1756 г. – головой 2-го класса, *«чтоб чинил расправу между татарами в долгах и во всяких мирских нуждах и положенный на них ясак збирал бездоимочно»* (Л. 16 об.).

В 1763 г. Сабанак получил должность, на сей раз *«у служилых татар при отце своем товарищем»*, т.е. заместителя Авазбакея, чтобы *«вообще с отцом ведал их судом и расправою и виновных штрафовал по своему усмотрению, а с захребетных татар взыскивал положенный на них вместо подводной гоньбы ясак»*. Таким образом, Сабанак еще при жизни своего отца сумел сосредоточить в своих руках огромную власть не только над служилыми и захребетными татарами, но и над ясачными. Отметим, что Сабанак ко времени назначения его в должности успел проявить себя в военных походах, был послан с командой *«для охранения пограничных слобод от башкирцов»*. Позже, после 1763 г., *«находился во многих экстренных посылках по случаю усмирения бунтовавших башкирцов, был командирован для разъезду и поимки беглых»* (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 17).

Остановимся на составе семьи Авазбакея (второго). По данным 4-й ревизии (1782 г.), в юртах Сабанаковских (Носовских) отмечен голова Авазбакей Кульмаматьев. По предыдущей ревизии (1763 г.) ему было 55 лет, а умер он в 1777 г. Его жена «четверобрачная» – Зяута, 50 лет, взятая в д. Исеновой у бухарца Абдрахмана Ибрагимова. Далее указаны его дети: Сабанак 44 лет, Исмадулла 34 лет, Хоцамшугур 30 лет, Якуп 24 лет, Юсуп 23 лет, Исхак 17 лет, Муса 13 лет, Ильяс 10 лет, Салиха 21 год, Сеида 18 лет, Алима 15 лет. Здесь же отмечены жены и дети сыновей Авазбакея: у Сабанака жена Зююра 42 лет, дети: Рахматулла 16 лет, Исмадулла 15 лет, Мустафа 7 лет; у Исмадуллы жена Анифа 40 лет, дети: Кулмамет 6 лет, Алмамет 5 лет, Шаим 15 лет, Бибицамал (возраст не указан), Услицамал 1 год; у Якупа жена Регима 23 лет, дети: Авазбаки 2 лет, Абдулкарим (умер в 1782 г.); у Юсупа жена Регима 20 лет (ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 4. Л. 976–976 об.).

После смерти Авазбакея в 1777 г. специальным предписанием сибирского губернатора Д.И. Чичерина Сабанак был определён на место отца. Позже, 27 июня 1779 г., по представлению светлейшего князя Г.А. Потёмкина он был произведен в татарскую команду головой 1-го класса, а его брат Исмадулла – головой 2-го класса (Тычинских 2010: 121). Высочайшею грамотой Екатерины II 25 апреля 1796 г. Сабанак был возведен в дворянское достоинство *«с рожденными и впредь рождаемыми детьми и потомством их по нисходящей линии»* (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Л. 17 об.). С этого момента к имени Сабанака Кульмаматьева и его потомков прибавлялся титул мурза и был учреждён их родовой герб (Гербовед 2003: 434).

Рис. 1. Герб рода мурз Кульмаматьевых.

Копия из открытого источника: Информационное агентство России IslamNews
<http://www.islamnews.ru/news-141862.html>

Сабанак Кульмаматьев занимал должности голов сначала 2-го, а затем 1-го класса в общей сложности более 50 лет. По данным за 1812 г., в Тобольской татарской казачьей команде Сабанак, достигший к тому времени почтенного возраста – 73 лет, имел чин майора, наивысший в иерархии чинов служилых татар. У его сына Рахматуллы был чин капитана (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3758. Л. 1).

Земля и доля

К XIX в. мурзы Кульмаматьевы становятся крупными землевладельцами в Западной Сибири. По подсчетам В.В. Рабцевич, за период с 1688 по 1773 г. Кульмаматьевы совершили 37 сделок, в результате которых им удалось приобрести 54 десятины обработанной пашни, 430,5 десятин залежей под пашню, 111,5 десятин выпасов, покосов на 8 450 копен, рыбную ловлю в Куларовском озере, звериные угодья, рыболовные места, промышленные заросли хмеля, «дворовые и лавочные места» в г. Тобольске. Большинство из этих сделок Кульмаматьевы совершали с общинами ясачных и служилых татар (Рабцевич 1985: 36–37).

Следует обратить внимание на то, что первую «данную» грамоту Кульмаматьевы получили в 1688 г., когда Авазбакей (первый), основатель рода, ещё не был головой тобольских татар. Это еще раз подтверждает среднеазиатское происхождение Кульмаматьевых, так как в Сибири только бухарцам было дано право покупки земли. Однако в XIX в. правительство стало придерживаться иной политики, считая все земли собственностью государства, и препятствовало формированию частного владения на государственных землях (Рабцевич 1985: 40, 43). Это коснулось и Кульмаматьевых. В 1811 г. Сабанаку Кульмаматьеву пришлось выступать в суде ответчиком по иску общины татар юрт Митькинских и Сулеймановских Уватской волости Тобольского уезда из-за земельных угодий. Татары жаловались, что Сабанак, завладев их землей, требовал с них оброк. Уездный суд признал незаконными действия Кульмаматьева и принял решение освободить татар указанных юрт от платежа оброка (РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 3865. Л. 2–3 об.; Валеев 1993: 59).

Другое судебное дело, связанное с земельной тяжбой, было начато по иску родного брата Сабанака – атамана поручика Мусы Кульмаматьева – и длилось более 10 лет, с 1812 по 1823 г. В мае 1812 г. Муса обратился в Тобольский уездный суд о разделе родовых земель между всеми наследниками Авазбакея – братьями Сабанакон, Мусой, Ильясом и племянниками их Ташмаметом и Исхаком (сыновьями умершего брата Якупа). По заявлению истца, Сабанак чинил другим наследникам «предобихждение» – сенокосные и рыбопромышленные места выделял им «часть весьма обидную», а кроме того, без согласия Мусы и других наследников, Сабанак заложил родовые земли, пользовался в течение

16 лет деньгами в сумме 1 000 руб. для собственных нужд. Суд вынес решение о полюбовном разделе родового имения. Однако раздела не последовало и, по истечении двух лет, Муса подал апелляционное прошение в палату гражданского суда. Вышестоящий судебный орган вынес решение, опираясь на указ 1786 г., который гласил: *«буде в котором роде или семье окажутся столь развращенные права что по ябеде и беспокойству участвующих в двухгодовой срок дележа и окончить не могут тогда на все имение наложить запрещение и взять в призрение дворянской опеки и от оной определить опекунов и уездному суду чинить дележ по законам»*. Было предписано двум свидетелям дворянского происхождения, коллежскому асессору Никифору Сильмицкому и титулярному советнику Александру Путковскому, совместно с членом суда и секретарем отправиться для *«приведения в известность земель»* в деревню Носовскую (Сабанакские) и в Ялutorовский округ, где находились родовые угодья Кульмаметьевых (ГБУТО ГАТ. Ф. ИЗ29. Оп. 12. Д. 11. Л. 1–4).

Указанное выше дело является примечательным и в связи с тем, что в нем имеются косвенные данные о времени смерти Сабанака. В ходе расследования дела Сабанак Кульмаметьев в октябре 1814 г. написал рапорт по распоряжению судебных органов о сведениях относительно родовых угодий. Второй документ – обращение к императору Александру Павловичу, написанный Сабанак, датируется 23 июля 1815 г. Следующее прошение на имя царя написано вдовой Ильяса Кульмаметьева Ребикой 30 августа 1816 г. В нем Ребика отмечает, что родовое имущество утверждено за *«предками покойного мужа и братовой его старшего покойного майора мурзы Сабанака»* (выделено мной. – Г.Б.). Кстати, вдова Ильяса Кульмаметьева, обращаясь к государю, жаловалась уже не на Сабанака, а на Мусу, который обделил ее с сыновьями при дележе наследственного имущества (ГБУТО ГАТ. Ф. ИЗ29. Оп. 12. Д. 11. Л. 4).

Как показывают материалы дела, пока шло судебное разбирательство, скончались Сабанак и Ильяс Кульмаметьевы. Сопоставляя даты, имеющиеся в материалах данного дела, можно утверждать, что Сабанак умер между августом 1815 и августом 1816 г. в возрасте около 77 лет. Замечу, что должность головы мурза Сабанак исполнял до конца жизни, хотя еще в 1811 г. власти, в лице сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, попытались отстранить Кульмаметьева от управления, считая незаконным передачу по наследству должности головы тобольских татар (РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5632. Л. 1–2, 21–22 об.; Тычинских 2010: 122–123).

После смерти Сабанака должность головы ясачных и служилых татар переходит к его старшему сыну Рахматулле, с которым он делил власть еще при жизни. Кстати, другие исследователи почти совсем не

касались в своих работах биографии Рахматуллы Кульмаметьева. При Сабанаке Рахматулла, являясь головой 2-го класса, отвечал за сбор ясака с ясачных татар Тобольского уезда. В ведении Сабанака и Рахматуллы Кульмаметьевых в конце XVIII в. находились сибирские татары (ясачные и служилые), жившие в 77 населенных пунктах Тобольского округа (Бакиева 2003: 207–208, 210–212). В Тобольской татарской казачьей команде, имея чин капитана, Рахматулла был правой рукой своего отца. По данным за 1812 г., капитан мурза Рахматулла Кульмаметьев состоял «при наблюдении в городе команды» (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3758. Л. 1 об.). Другой сын Сабанака – Мустафа, состоявший также в татарской команде в воинском звании поручика, занимал высокую должность атамана, начальника команды, в руках которого были сосредоточены военные, полицейские и административные функции (ГБУТО ГАТ. Ф. ИЗ29. Оп. 13. Д. 7. Л. 107).

Согласно Уставу о сибирских городских казаках 1822 г. в казачьей иерархии не предусматривалась должность головы. По мнению З.А. Тычинских, ликвидация должности головы знаменовала собой завершение функционирования прежней системы традиционного управления татарским населением бывшего Сибирского ханства (Тычинских 2007: 140). Хотя Рахматулла Кульмаметьев и после принятия Устава продолжал исполнять прежние обязанности по управлению тобольскими служилыми татарами, однако уже в звании атамана, а не головы. По данным о казаках в Тобольской губернии за 27 ноября 1823 г., в татарской команде из офицеров указан один капитан, два поручика и два подпоручика (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 546. Л. 4).

Благодаря выявленному автором данной статьи в РГИА «Делу по жалобе казаков Сибирского татарского полка на командира Сабанакова», представленному ниже, стали известны новые факты из жизни Рахматуллы Кульмаметьева. Как показывают имеющиеся в настоящее время материалы, в 1825–1827 гг. тобольские служилые татары во главе со своим поверенным, отставным казаком Ниясом Тохтасыновым, совершили попытку свержения власти Кульмаметьева. Обращаясь к вышестоящей власти, представитель Сибирского татарского казачьего полка просил разрешить им составить станицу на правилах о сибирских городских казаках. Следует заметить, что по Уставу 1822 г. казаки действительно имели право перейти на станичное положение, что, к примеру, сделали служилые татары Томской команды (Тычинских 2010: 125).

Как видно из дела, просители избрали из своей среды урядников, голову Тажбулата Реимгулова, старшину Алима Кармышакова и назначили юрты Саусканские центром станицы. Служилые татары утверждали, что переход их на станичное положение будет выгоден казне, так как довольства от казны они получать не будут, хотя служ-

бу продолжат. При этом казаки жаловались на Кульмаметьева, что от него *«они претерпевают различные притеснения удерживанием у них фуража и прочих довольствий»*. На выпады казаков Кульмаметьев ответил письмом в Общее управление Тобольской губернии, в котором указал, что желание татар-казаков перейти в станичные основано на их стремлении *«избавиться от службы»*, так как *«они привыкли заниматься извозом кладей и мелочною торговлею»*. Тобольский губернатор Д.Н. Бантыш-Каменский, внимательно изучив оба прошения, отклонил просьбу служилых татар, считая, что *«Тохтасынов не привел основательных причин, побуждающих к обращению на станичное положение»*. Тем самым власти сочли целесообразным оставить татар-казаков на прежнем положении, т.е. под управлением Кульмаметьева. Реагируя на жалобы казаков на притеснения Кульмаметьева, чиновник, однако, ограничился лишь внушением: *«чтоб он (Рахматулла Кульмаметьев. – Г.Б.) не делал ни малейшего стеснения сим просителям, кроме исправления ими настоящей их обязанности по службе и с наблюдением очередей, о чем наблюдать также за сотенными командирами»* (РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 71. Л. 11 об.).

У нас нет точных данных относительно того, как долго после указанных событий Рахматулла Кульмаметьев управлял служилыми татарами. Дело, отложившееся в фонде Оренбургского магометанского духовного собрания, косвенно указывает на то, что не позже 1833 г. Не вдаваясь в подробности этого дела, отметим лишь то, что майор мурза Рахматулла Кульмаметьев указан здесь как *бывший* полковой атаман Сибирского татарского казачьего полка (ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1084. Л. 5–8; Бакиева 2011: 84–85).

В 1843 г. имя майора Рахматуллы встречается в материалах следственного дела о спорной сенокосной земле, называемой Саусканским лугом. Из дела видно, что Рахматулла Кульмаметьев отстаивал свое право на указанный участок, ссылаясь при этом на закладную, выданную Авазбакею Кульмаметьеву предками тобольских юртовских татар и казаков за 60 руб. Правительствующий Сенат, исследуя документы, которые представил Кульмаметьев, пришел к выводу, что они не подлинные, а копии не засвидетельствованы установленным порядком, поэтому вынес определение: сенокосный луг *«предоставить во владение означенных инородцев»*, а Кульмаметьеву отказать (РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 296. Л. 21–21 об.).

Имеющиеся архивные источники позволяют проследить родословную и потомков Рахматуллы. Согласно «ведомости о состоящих Тобольской иррегулярной из магометан казачьей команды» за 1807 г. у Рахматуллы было два сына: Авазбаки 10 лет, Ниматулла 2 лет и две дочери – Мамастан 16 лет и Шаим 5 лет. У его брата Мустафы был сын

Хоцамшугур 10 лет и две дочери – Алима и Кулбана 4 лет и 1 года соответственно (ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 13. Д. 7. Л. 108).

Следующие поколения потомков Рахматуллы удалось проследить по Первой Всероссийской переписи 1897 г. по юртам Сабанаковским (Мурза-Юршак, Носовские) Тобольского округа. Согласно данным переписных листов в юртах Сабанаковских в это время числилась 21 семья Кульмаметьевых. В сословном отношении все мужчины Кульмаметьевы, независимо от возраста, были указаны как потомственные дворяне. Следовательно, все они являлись прямыми потомками Сабанака Кульмаметьева и его родных братьев. В графе «основное занятие» многих из них указано земледелие и что они являются землевладельцами нераздельного родового имения. Некоторые из них были отмечены как приказчики, плотники, ямщики. Четыре человека получали государственную пенсию – Кульмаметьев Шаяхмет Нигматуллович 68 лет, Кульмаметьев Нацметдин Хоцамшугурович 77 лет, а также Кульмаметьева Бадигуль-Жамал Шихудзиева 49 лет, вдова отставного капитана Кульмаметьева Мухаметкарима, Шамшукамар Давлетшина 68 лет, вдова хорунжего Нигматуллы Кульмаметьева (ГБУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 611. Л. 3 об.–37 об.).

Пенсия в то время назначалась только отставным военным и гражданским чиновникам, прослужившим не менее 20 лет, а также их вдовам (Из наставления 1907: 238). Судя по отчеству указанного выше Шаяхмета, его отцом был Нигматулла / Ниматулла (сын Рахматуллы). Вместе с Шаяхметом Нигматулловичем проживали его сыновья Ибрагим 42 лет, Абубакир 30 лет и Абдул-Басыр 28 лет (с женами). Что касается потомков Мустафы, брата Рахматуллы, то, вполне вероятно, его внуком являлся указанный Нацметдин Хоцамшугурович. В тех же юртах, но выделенная в отдельное хозяйство семья во главе с Хоцамшугуром Нацметдиновичем, имела непосредственное отношение к Нацметдину, внуку Мустафы.

Продолжая генеалогическую линию Мустафы, отмечу, что согласно Переписи Хоцамшугуру было 48 лет (1849 г.р.), его сыновьям – Сатретдину 19 лет (1878 г.р.), Хисаметдину 14 лет (1883 г.р.) и Абдул-Хамиду 10 лет (1887 г.р.). Следовательно, прямые потомки служилых татар, ведущие свою родословную от татарских голов Кульмаметьевых (рис. 2), продолжали жить в Сабанаковских юртах в конце XIX – начале XX в. Кроме дворян Кульмаметьевых, в юртах проживали также «соседские инородцы», большинство из которых носило фамилию Сайдашевы (Сайташевы) (ГБУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 611. Л. 3 об.–37 об.; Д. 665. Л. 1–7 об.).

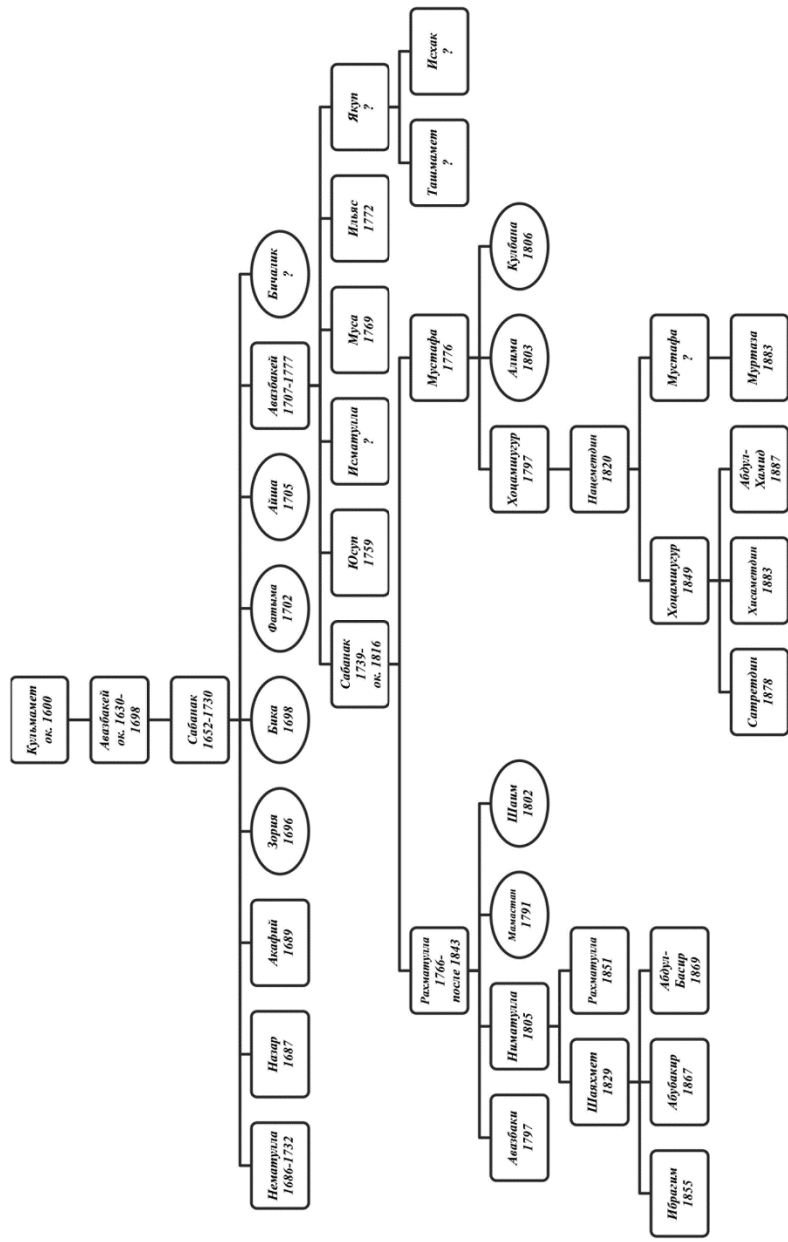

Рис. 2. Родословная сибирско-татарских музр Кульмаметьевых

Заключение

В течение полутора столетий Кульмаметьевы удерживали в своих руках власть над служилыми и ясачными татарами Тобольского уезда, передавая должность головы от отца к сыну. Данная ситуация является уникальной в системе управления и самоуправления, сложившейся у сибирских татар в конце XVII – первой половине XIX в. Должность головы тобольского иррегулярного легкого казачьего войска последовательно занимали представители рода Кульмаметьевых – Авазбакей, Сабанак, Нематулла, Авазбакей (второй), Сабанак (второй), Рахматулла.

С прекращением права занимать должность головы династия Кульмаметьевых не прервалась, многие из них продолжали служить в Сибирском татарском полку, а с 1849 г. – в Тобольском конном полку, иррегулярном войсковом формировании для несения конвойно-охранной службы, и носили при этом офицерские чины. В Сибирском татарском полку во главе сотен, за исключением Тюменской (5-й сотни), стояли представители мурз Кульмаметьевых (ГБУТО ГАТ. Ф. И152. Оп. 30. Д. 66; 99).

Кроме того, Кульмаметьевы продолжали занимать привилегированное социальное положение среди сибирских татар, благодаря сохранению за ними звания потомственных дворян. Еще раз отмечу, что они являлись единственными представителями правящей верхушки сибирско-татарского населения, имевшими дворянский титул. Кроме того, к концу XIX – началу XX в. Кульмаметьевым удалось сохранить за своим родом и право собственности на родовое землевладение.

В настоящее время в родовом селении Кульмаметьевых – деревне Сабанак Тобольского района Тюменской области – продолжают жить их потомки, которые носят эту знаменитую фамилию. Как и на протяжении всей трехсотлетней истории этого селения, оно и сейчас остается мононациональным, все жители являются сибирскими татарами. Представители рода проживают и в других регионах России, а также в Германии и Казахстане. В августе 2014 г. в г. Тобольске состоялось знаменательное событие – встреча потомков дворянского рода. На неё из разных концов страны и из-за рубежа приехали более 200 потомков Кульмаметьевых.

Примечания

¹ Мурза (от перс. *amir-zad* – принц).

² Бухарское ханство (1500–1920) – государство, располагавшееся, по современной географической терминологии, на территории центральной части Узбекистана, юго-западного Таджикистана и узкой полосы на востоке Туркменистана. Население ханства составляли узбеки, таджики, каракалпаки, туркмены, казахи, уйгуры и др.

³ Причиной переселения некоторых бухарцев в Россию в XVII в. стало ослабление власти бухарских ханов, вызвавшее хозяйственный и культурный упадок ханства при

Аштарханидах, потомках астраханских ханов, которые сменили Шейбанидов на ханском престоле в 1599 г. (см.: Агеева 2000: 240–241).

⁴ Некоторые исследователи, ссылаясь на данный документ, ошибочно указывают другую дату получения Авазбакеем должности – 30 апреля 1700 г. (Валеев 1993: 58; Белич 2009: 182). Кстати, в документе указан 7200 г. от сотворения мира, а не 1700 г. по новому летоисчислению, введённому Петром I с 1 января этого года.

⁵ Супруга царя Ивана Алексеевича, царица до 1696 г.

⁶ В документе указан 7203 г. от сотворения мира, а Ф.Т. Валеев (1993: 59) и З.А. Тычинских (2007: 139) ошибочно переводят его на современное летоисчисление как 1703 г.

⁷ Поступная запись, или поступное письмо, – род купчей, совершённой частным образом, или дарственная.

⁸ В документе указан 7206 г. от сотворения мира, З.А. Тычинских ошибочно переводит его на 1705 г. (2010: 118).

⁹ Ахуны (перс. *ахун*, *ахунд*; аналог араб. *кади* – судья, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата) относились к элите мусульманского духовенства. В начале XVIII в. ахун осуществлял связь между администрацией и приходским духовенством, с 1789 г. эти функции перешли к Оренбургскому духовному собранию мусульман (см.: Азаматов 1999: 91).

¹⁰ У сибирских татар и бухарцев повсеместно была распространена традиция давать мальчикам имена умерших дедов.

Источники

- ГБУТО ГАТ. Ф. И152. Оп. 30. Д. 66. Формулярные списки о службе и достоинстве классных чинов Сибирского татарского казачьего полка (1846 г.).
- ГБУТО ГАТ. Ф. И152. Оп. 30. Д. 99. Формулярные списки о службе и достоинстве офицеров Сибирского татарского казачьего полка (1849 г.).
- ГБУТО ГАТ. Ф. И154. Оп. 8. Д. 4. Ревизские сказки о крестьянах и ясачных татарах Тобольского округа (1782 г.).
- ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 13. Д. 7. Дело об образовании городских казачьих команд (1797 г.).
- ГБУТО ГАТ. Ф. И329. Оп. 12. Д. 11. Дело по рапорту Тобольского уездного суда о землях и имуществе, оставшихся после смерти предков братьев Кульмаметевых (1814–1823 гг.).
- ГБУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 611. Переписные листы Первой Всероссийской переписи 1897 г. по юргам Сабанаковским.
- ГБУТО ГАТ. Ф. И417. Оп. 2. Д. 665. Переписные листы по юргам Сабанаковским (1897 г.).
- РГАДА. Фонд Сибирского приказа. Ст. 134; Ф. 214. Оп. 4. Д. 223. Переписная книга татар и бухарцев Тобольского уезда (1710 г.).
- РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3758. Месячные рапорты тобольской иррегулярной легкой из магометан казачьей команды (1812 г.).
- РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 296. Дело по жалобе ясачных татар и казаков Иртышатских юрт об отыскании сенокосной земли, называемой сенокосный луг (1843 г.).
- РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 3865. Дело по указу Правительствующего Сената о земле и мельнице ясачных татар деревень Миткинской и Сулейманской и инородца Бакшиева с наследниками майора Сабанака Кульмаметева (1841 г.).
- РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5632. Дело по указу Правительствующего Сената о Саусканском сенокосном луге спорном между ясашными татарами и казаками Иртышатских юрт с майором Кульмаметевым (1843 г.).
- РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 258. Дело о тобольских, тарских и тюменских татарах, которых обвиняют во всякого рода противоправных поступках (1755 г.).

- РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 347. Дело по жалобе тобольского иррегулярного легкого казачьего войска ясашных магометан майора и мурзы Кульмаметева на удаление его от должности головы (1811 г.).
- РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 71. Л. 11 об. Дело по жалобе казаков Сибирского татарского полка на командира Сабанакова (1827 г.).
- РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 546. Дело о формировании Томского, Тобольского и Сибирского татарского казачьих полков (1823–1824 гг.).
- РО ТИАМЗ. Инв. № 30800. Л. 1. Описание быта, обычаев и верований татар, бухарцев и других народностей Тобольского наместничества и Сибири (1785 г.).
- ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 1084. Дело по прошению Сибирского татарского казачьего полка бывшего полкового атамана майора мурзы Рахматуллы Кульмаметева (1833 г.).

Литература

- Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М.: Academia, 2000.
- Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Гилем, 1999.
- Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия сельских поселений сибирских татар. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004.
- Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Москва; Тюмень, 2003.
- Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX в. Новосибирск: Гео, 2011.
- Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. II. С. 153–175.
- Белич И.В. Письменные источники 80-х годов XVIII – первой четверти XIX века о правовых традициях сибирских татар // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2009. Т. 11. С. 170–195.
- Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960.
- Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Татар. книжн. изд-во, 1993.
- Вершинин Е.В. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке // Родина. 1998. № 1. С. 61–63.
- Вилков О.Н. Сибирские бухарцы и их торговля в XVII в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1990. С. 70–90.
- Гербовед / сост. и вступ. ст. О.Н. Наумова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003.
- Закон, обычай, шариат. Материалы по правовой культуре сибирских татар (XVIII – начало XX в.) / сост. и отв. ред. Г.Т. Бакиева. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013.
- Из наставления господам пехотным офицерам о доблести и мужестве // Военный сборник. 1907. № 7. С. 238.
- Рабцевич В.В. Генезис дворянского землевладения на землях местных народов Сибири (по материалам тобольских татар) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX века): Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 33–44.
- Сатлыкова Р.К. Татары Среднего Прииртышья (Хозяйственный уклад, общинная организация и семейные отношения в конце XVIII – начале XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 6.
- Тычинских З.А. Татарские казаки Кульмаметьевы (XVII–XIX века) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. Т. 6, вып. 1: История. 2007. С. 135–140.

Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Изд-во Фэн АН РТ, 2010.

Яхин Ф.З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнамэ» («Книга наставлений») // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 601–602.

Сокращения

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске».

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РО ТИАМЗ – Рукописный отдел Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2015 г.

Bakieva Gulsifa T.

TO BE IN TOBOLSK AMONG TATAR CHIEFS... (From the family history of the Tatar servicemen Kulmametev)

Abstract. Drawing on archival materials, the article explores biographies of members of the family of Siberian Tatars – the Kulmametevs. From the end of the 17th to the first third of the 19th century they occupied the position of the head of the Tobolsk Tatar servicemen. The article shows in detail how the Kulmametevs' position was gradually getting stronger to eventually become hereditary. The analyzed events reveal the complex relationships with the authorities and subordinates as well as within the Kulmametev family itself. For the first time the genealogy of the Kulmametev murzas has been reconstructed.

Keywords: Kulmametev, Tobolsk, Tatar servicemen, Cossack military unit, genealogy

DOI: 10.17223/2312461X/10/2

References

Ageeva R.A. *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by. Slovar'-spravochnik*. [Where do we come from? The peoples of Russia: the names and fates. Glossary]. Moscow: Academia, 2000.

Azamatov D.D. *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII–XIX vv.* [The Orenburg Muhhamadan spiritual assembly in the end of the 18th to the 19th century]. Ufa: Izd-vo Gilem, 1999.

Alishina X.Ch., Niiazova G.M. *Nazvaniia sel'skikh poselenii sibirskikh tatar* [The names of rural settlements of Siberian Tatars]. Tiumen': Izd-vo TiiumGU, 2004.

Bakieva G.T. *Sel'skaia obshchina tobolo-irtyshskikh tatar (XVIII – nachalo XX v.)* [The rural community of Tobol-Irtysh Tatars (the 18th to the early 20th century)]. Moscow-Tiumen', 2003.

Bakieva G.T. *Obychai i zakon. Ocherki pravovoi kul'tury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX v.* [Custom and law. Essays on the legal culture of Siberian Tatars in the 18th to the early 20th century]. Novosibirsk: Geo, 2011.

- Bakhrushin S.V. Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v., *S.V. Bakhrushin. Nauchnye Trudy [Scientific works]*. Moscow, 1955, Vol. III, Iss. II, pp. 153-175.
- Belich I.V. Pis'mennye istochniki 80-kh godov XVIII - pervoi chetverti XIX veka o pravovykh traditsiiakh sibirskikh tatar, *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archaeological complexes: problems of culture and society]. Omsk: Izd. Dom «Nauka», 2009, Vol. 11, pp. 170-195.
- Boiarshinova Z.Ia. *Naselenie Zapadnoi Sibiri do nachala russkoi kolonizatsii (Vidy khoziaistvennoi deiatel'nosti i obshchestvennyi stroi mestnogo naseleniia)* [The population of Western Siberia before the Russian colonization (Types of economic activities and social organization of the local population)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1960.
- Valeev F.T. *Sibirskie tatory. Kul'tura i byt* [Siberian Tatars. The culture and life]. Kazan': Tatar. knizhn. izd-vo, 1993.
- Vershinin E.V. Nevernost' «brodiachikh tsarevichei». Zaural'skoe stepnoe pogranič'e v XVII veke [The infidelity of 'vagrant tsarevichi'. The beyond Ural steppe borderlands in the 17th century], *Rodina*, 1998, no. 1, pp. 61-63.
- Vilkov O.N. Sibirskie bukhartsy i ikh torgovlia v XVII v., *Obmennye operatsii gorodov Sibiri perioda feodalizma. Sb. nauch. statei* [Exchange operations of Siberian cities during the period of feudalism. A collection of scientific articles]. Novosibirsk, 1990, pp. 70-90.
- Gerboved* [Expert on coats of arms], Compiled by O.N. Naumova. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub, 2003.
- Zakon, obychai, shariat. Materialy po pravovoi kul'ture sibirskikh tatar (XVIII – nachalo XX v.)* [Law, customs, sharia. Materials on the legal culture of Siberian Tatars (the 18th to the early 20th century)], Ed. by G.T. Bakieva. Tiumen': TiumGNGU, 2013.
- Iz nastavleniia gospodam pekhotnym ofitseram o doblesti i muzhestve [From the guidance for infantry officers on valor and courage], *Voennyi sbornik*, 1907, no. 7, p. 238.
- Rabtshevik V.V. Genezis dvorianskogo zemlevladieniia na zemliakh mestnykh narodov Sibiri (po materialam tobol'skikh tatar), *Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri (XVII – nachalo XX veka). Mezhhvuzovskii sb. nauch. trudov* [The agricultural and commercial development of Siberia (the 17th to the early 20th century). An interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1985, pp. 33-44.
- Satlykova R.K. *Tatory Srednego Priirtysh'ia (Khoziaistvennyi uklad, obshchinnaiia organizatsiia i semeinye otnosheniia v kontse XVIII - nachale KhKh v.): Dis. ... kand. ist. nauk* [Tatars of the middle Irtysh (Economy, community organization and family relationships in the end of the 18th to the early 20th century): Candidate of Science (History) thesis]. Moscow, 1986.
- Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniiaakh G.F. Millera, *Istoriia Sibiri. Pervoistochniki* [The history of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk, 1996, Vol. 6.
- Tychinskikh Z.A. Tatarskie kazach'i golovy Kul'mamet'evy (XVII-XIX veka) [Tatar Cossack chiefs the Kulmame'tevs (the 17th to the 19th century)], *Vestnik NGU. Serii Istoriia, filologiiia*, Vol. 6, Iss. 1: Istoriia, 2007, pp. 135-140.
- Tychinskikh Z.A. *Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovanii etnicheskoi obshchnosti sibirskikh tatar (XVII-XIX vv.)* [Tatar servicemen and their role in the formation of the ethnic community of Siberian Tatars (the 17th to the 19th century)]. Kazan': Izd-vo Fen AN RT, 2010.
- Iakhin F.Z. Tobol'skii tatarskii poet Amdami i ego proizvedenie «Nasikhatname» («Kniga nastavlenii») [Tobolsk Tatar poet Amdami and his work 'Nasikhatname' (The guidance book)], *Tiurkskie narody. Materialy V-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»* [The Turkic peoples. Proceedings of the 5th Siberian symposium 'The cultural heritage of the peoples of Western Siberia']. Tobol'sk-Omsk: OmGPU, 2002, pp. 601-602.

СОВРЕМЕННЫЕ ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ*

Дмитрий Анатольевич Опарин

Аннотация. Статья посвящена современной системе имяназечения и вариативности комплекса представлений эскимосов о личном имени. Особенное внимание уделено анализу социальной жизни имени и характеристике «традиционного» имяназечения в современном контексте. Комплекс традиционных представлений эскимосов о личном имени, важнейшей составляющей которого является система имяназечения, продолжает оставаться актуальным практически среди всех групп этого арктического народа на обоих континентах, несмотря на длительную историю таких процессов, как христианизация и паспортизация, а также инкорпорацию европейских имен и введение фамилий. Имяназечение, являющееся частью ритуального пространства, напрямую связано с эскимосскими представлениями о бессмертии души и о взаимодействии мира живых с миром умерших.

Ключевые слова: ономастика, социальная жизнь имени, ритуал, христианизация, эскимосы

Введение

Ономастические представления аборигенных народов циркумполярного региона – распространенная тема современных антропологических исследований. Такое академическое внимание к этой части духовной жизни, на наш взгляд, связано в первую очередь с актуальностью традиции в ономастических практиках (Вахтин 2001: 224; Oosten, Kublu 1999: 62; Laugrand, Oosten 2010: 308). К тому же ономастические практики являются составляющими как ритуального пространства, так и, шире, социального. Несмотря на свою традиционность они чувствительны к процессам, происходящим в обществе, отвечают современным реалиям и служат своеобразным индикатором социальных, религиозных, лингвистических и даже политических (Alia 2007) изменений.

Сейчас большая часть азиатских эскимосов и чукчей помимо официальных «русских» имен греческого, римского, еврейского и славянского происхождения, записанных в паспортах¹, имеет вторые неофициальные, так называемые национальные имена. Эти имена даются де-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Экспедиционное этнографическое исследование современной религиозной составляющей культурной идентичности у народов Севера и Сибири» (грант № 15-01-18111, рук. Д.А. Функ).

тям бабушками или матерями после увиденного ими сна, в котором умерший родственник сообщает о своем желании вернуться. Ребенок получает не только имя «вернувшегося» родственника, но и приобретает, как полагают информанты, вместе с именем его психологические, физические особенности, пристрастия и манеры. Эта упрощенная схема имянаречения имеет множество вариаций в современной жизни азиатских эскимосов. Часто имя дает не родственник, а ребенок может быть назван именем животного или, скажем, озера, иногда имя изменяют, бывает, что ребенок остается без эскимосского имени.

С 1930-х гг. советская власть начала вводить для эскимосского населения фамилии, основанные на их личных эскимосских именах или именах отцов, и давать европейские личные имена:

«Когда я в школу пошла, у меня было три имени. Сначала Наташа. Меня так учительница назвала. Потом через несколько дней она посчитала, что имя Наташа мне не подходит. Назвала меня Галей. Потом сестра вспомнила, что у нас старшую сестру по-русски Галей зовут. И тогда меня называли Людмилой» (ПМА 3. Ж 1934. Провидения)².

Отчества давались в том случае, если человек оказывался включенным в советскую структуру, требовавшую уважительного обращения по имени и отчеству. Например, автор нескольких учебников эскимосского языка, председатель общества эскимосов Чукотки «Юпик» Людмила Айнана, родившаяся в 1934 г., не имеет официального отчества – в паспорте написано «Без отчества». В академических советских структурах она была вынуждена придумать себе отчество. Незнакомые люди и ученики обращаются к ней «Людмила Ивановна». Однако всех остальных Людмила Айнана просит называть ее Айнаной – именем, данным ей при рождении и превратившемся в школе в фамилию. Среди азиатских эскимосов еще живы старики, которые не имеют отчества, или те, которые получили отчество по эскимосскому имени отцов.

До сих пор многие эскимосы выражают недовольство тем, как было русифицировано их личное имя, превратившееся в фамилию. По моим сведениям, на Чукотке среди эскимосов никто не предпринимал попыток официально изменить фамилию, также я не слышал о прецедентах наречения ребенка официально эскимосским именем. На мои предложения зарегистрировать ребенка под эскимосским именем люди отвечали отказом, мотивируя это тем, что «ему будет сложно в школе» или «зачем выделяться». В последнее время некоторые чукчи вписывают в документы «национальные» имена, данные детям при традиционном обряде имянаречения:

«Имя нареченного потом используется среди родственников и друзей. В паспорт обычно вписываются почему-то русское имя и фамилия отца. Я сейчас решил – жена на сносях – дать ребенку чукотское имя. Постараюсь провести обряд. И вписать это имя в паспорт. В итоге

получится, к примеру, *Тымку Владимирович Пуя или Айвана Владимировна Пуя*» (ПМА 3. М 1966. Москва–Конергино).

В Канаде Петр Ирник, глава Нунавута, изменил правописание своей фамилии с *Ernerk* на *Irniq*, поскольку новое написание лучше отражает особенности произношения эскимосского имени (Alia 2007: 28).

Несмотря на отсутствие административных запретов и слабую распространенность христианства среди коренного населения Чукотки, практически никому из моих информантов не приходило в голову официально зарегистрировать своего ребенка под эскимосским или чукотским именем. На Аляске, в Канаде и Гренландии сейчас практически все личные имена имеют библейское происхождение. В Гренландии при повседневном общении европейские личные имена изменяются и получают эскимосские окончания: *David* – *Daaveraq*, *Susan* – *Susaat* (Nuttall 1994: 128). Роберт Вильямсон в своей монографии о канадских эскимосах использует выражение «подпольное имянаречение» (*underground naming*) (Williamson 1974: 7), которое отчасти может быть применено и к чукотской реальности. «Национальное» имя чаще всего известно узкому кругу друзей и родственников индивида. Оно активнее всего используется в семейном ритуальном пространстве. Редко бывает, что человека в шутку односельчане называют эскимосским именем. В таком случае в публичной сфере оно может превратиться в кличку.

В фокусе данного исследования находятся практики «подпольного имянаречения», распространенные в настоящее время среди азиатских эскимосов Чукотки. Статья основана преимущественно на полевых материалах, собранных автором в 2011–2012 гг. в двух селах Провиденского района Чукотского автономного округа – Новое Чаплино и Сиреники.

* * *

Новое Чаплино – национальное село, находящееся в бухте Ткачен в 20 км к северу от районного центра, поселка городского типа Провидения. Село было основано в 1958 г. на месте старых чукотских кочевий. Большая часть жителей Нового Чаплина – выходцы из закрытого в 1958 г. эскимосского села Старое Чаплино (*Ун'азик'*) и их потомки, а также яракыннотские чукчи и чукчи, кочевавшие в районе бухты Ткачен. Старое Чаплино было самым крупным поселением сибирских эскимосов в первой половине XX в., важнейшей точкой соприкосновения жителей Чукотского полуострова и Аляски (о. Святого Лаврентия) (Krupnik, Chlenov 2007: 68). Новое Чаплино – ближайшее к Провидению и аэропорту национальное село в районе. Благодаря близости к районному центру и местоположению в спокойной бухте Ткачен, Новое Чаплино регулярно принимает туристов. В летнее время из-за от-

сутствия морского зверя в бухте Ткачен охотники вынуждены уезжать на специальную базу Инахпак, которая находится в 30 км от села, а с января по апрель охота идет с кромки и в открытом море в районе зимне-весенней базы Ратван, находящейся на расстоянии 12 км от села. В Новом Чаплине население составляют 447 человек³. Из них эскимосов – 321, чукчей – 102, русских – 16, украинцев – 2, марийцев – 2, калмыков – 1, долган – 1, эвенков – 1, болгар – 1. Чукчи составляют значительную часть населения двух номинально эскимосских национальных сел.

Сиреники (*Сиг'иныйк*) – единственное древнее эскимосское село, в котором продолжают жить люди. Оно расположено в 50 км к югу от Providения на берегу открытого моря. Географическое положение позволяет вести круглогодичный промысел. Большая часть жителей Сиреников – выходцы из закрытого в 1930-е гг. села Имтук, а также чукчи из Курупканской тундры. По данным на 1 января 2013 г., в Сирениках проживал 501 человек⁴. Из них эскимосов – 212, чукчей – 186, русских – 93, марийцев – 5, татар – 2, украинцев – 2, якутка – 1 (женщина, глава села). Несмотря на значительный отток населения, приехавшего на Чукотку в 1950–1980-е гг., национальный состав Нового Чаплино и Сиреников стал за последнее время более пестрым. Это связано с миграцией специалистов из Марий Эл и Калмыкии.

Отличительной особенностью Сиреников является богатый локальный культурный ландшафт – каждая сопка, ручей и гора внутри поселка и за его пределами имеют свое эскимосское название, известное практически всем коренным жителям вне зависимости от возраста.

Социальное, ритуальное и хозяйственное пространство Нового Чаплино и Сиреников не ограничено обоими селами, а простирается на много километров дальше, захватывая другие села Providенского района, а также американский остров Святого Лаврентия, находящийся на расстоянии 60 км от азиатского берега. Жители сел ездят поминать предков к покинутым поселениям, ловить рыбу в местных озерах, охотиться за несколько десятков километров, собирать растения и ягоды. Между Новым Чаплино и чукотским национальным селом Янракиннот поддерживаются тесные экономические и социальные связи. В чаплинском интернате учатся и живут чукотские дети из Янракиннота, в котором открыта только начальная школа. Янракиннотские оленеводы поставляют в Чаплино оленину в обмен на морскую зверобойную продукцию, Чаплино служит перевалочным пунктом по пути из Янракиннота в Providение. Каждое лето чаплинские и янракиннотские охотники устраивают совместную охоту на кита. Участвовавшие в 1990-е гг. контакты с островом Святого Лаврентия в последнее время ослабли. Тем не менее отдельные жители регулярно навещают родственников на Аляске – как вновь обретенных американских, так и своих близких, эмигрировавших в США.

Как и кем дается эскимосское личное имя?

Чаще всего ближайшие родственники определяют эскимосское имя ребенка через сон, в котором умерший человек каким-то образом выражает желание «вернуться». В чаплинском диалекте существует глагол *атик'ак'а* – давать новорожденному имя умершего родственника. Родственники и соседи задают беременной или недавно родившей женщине одни и те же вопросы: «Кто он? Кто вернулся? Кто пришел?». В период перед рождением и после появления ребенка на свет ближайшие родственники внимательнее обычного относятся к снам, пытаются прочитать символику сновидений, чтобы не упустить знак и не ошибиться в имени. Несмотря на то что сон считается важнейшим средством коммуникации с умершими, это не единственный способ узнать имя.

«Я была беременна сыном Сергеем. У Ларисы Геннадьевны скончалась мать. Надо ходить, когда скончается человек, что-нибудь принести. И приносишь сигареты и еду, а он умерший, как почта, передаст твоим предкам. Там много людей было. И сначала пошла мама, потом я. Жена Сивухтыкака Айпина сказала маме по-эскимосски: “Здравствуй!”, а когда увидела меня сказала: “А ты чё пришел?”. Я говорю: “Я не пришел, я пришла с мамой”. А мама сразу у нее спросила: “Кто это?”. Айпина говорит: “Это Сивухтыкак вернулся”. Потом она подергала головой и закрыла глаза. Айпина увидела своего умершего мужа в моей одежде. Она еще удивилась, почему это ее муж в женской одежде... У сына Сергея имя Сивухтыкак. У него два имени, но я не помню второе» (ПМА 1. Ж 1968. Новое Чаплино).

Из этого рассказа становится понятно, что имя ребенку может быть дано не родственником и не через сон. Айпина, родившаяся в Киваке, считалась в Новом Чаплино знатоком эскимосской и чукотской традиций, пользовалась большим уважением. Безусловно, к ее мнению прислушивались. «В основном старики давали имена. Они могут увидеть, либо сама беременная женщина увидит кого-нибудь» (ПМА 1. Ж 1975. Новое Чаплино). Эскимосы продолжают прислушиваться к старым жителям сел, к «знающим», как они сами их называют. Часто именно к ним идут рассказать свои сны, к ним же могут обратиться за советом при именнаяречении.

Человек может обговорить с собственными детьми или родственниками детали своего «возвращения» после смерти. Одна женщина приняла решение перед смертью изменить имя, которым ее дети могли бы назвать собственных детей:

«Мама говорила, что когда она умрет и вернется, то не зовите Стулык (“имеющая коготь” на эскимосском языке), а зовите лучше Вагылгын (“имеющая коготь” на чукотском языке). Она сказала, так

и сказала. Я не задумывалась, почему. Мама не стало в 1991 году, Яна у меня родилась в 1992 году, и папа мой был еще жив и сказал: “Ну все, мама вернулась”. И я ее назвала Вагылгын. Моя дочь вернулась моей матерью. Пока мама больше никем не вернулась» (ПМА 2. Ж 1957. Новое Чаплино).

Недавно в Новом Чаплино в течение нескольких месяцев бабушка и прабабушка не могли дать имя родившейся в Анадыре внучке. Прабабушка, старейший член семьи, жаловалась, что ей ничего не снится и обращалась за советом к эскимосскими старухам, имеющим репутацию знатоков традиционных представлений. Одна отказалась давать совет, заявив, что «сейчас все стали современными и всё уже не так, как было раньше». Другая же посоветовала внимательнее относиться к сновидениям. Надо отметить, что чистокровной эскимоской у ребенка является лишь уже умершая прапрабабушка. Несмотря на то, что молодая семья живет в Анадыре и родители не говорят на эскимосском языке, они считают необходимым дать ребенку эскимосское имя, которое, по их мнению, будет служить девочке оберегом. Проблема разрешилась, когда двоюродная бабушка приняла решение назвать внучку Мысьюн'ысяк («косатка» на эскимосском языке) за характерные крики, издаваемые младенцем.

Обычно имянаречение не сопровождается какими-либо ритуалами, за исключением того, что матери следует нашептывать эскимосское имя ребенку на ухо, пока он спит. Однако в некоторых семьях проводится ритуальное «занесение» имени в дом:

«Мне бабушка объясняла, что когда кого-то во сне видишь, выходишь на улицу, берешь камушек, вокруг дома обходишь и поизносишь имя человека: “Это кто-то, кто-то вернулся”. Чтобы ничего не произошло с детьми. Но я забыла, с какой стороны. Через какое-то время камушек сам пропадет. Ты его хранишь, а потом как будто случайно выкинешь. Главное – ты уже занес человека» (ПМА 1. Ж 1975. Новое Чаплино).

Ритуал занесения камушка в дом после имянаречения имеет множество вариаций и различается в разных семьях:

«Я назвала внука своего в честь Эдика Акилькака, которого задавили. Он мне приснился. И еще кому-то приснился, я уже не помню. Сразу двум людям. Я подумала: “Наверное, он хочет вернуться через нас”. Эдик – наш, льякаг'мит (самый многочисленный клан Нового Чаплино). Лыныля его зовут. Эдика назвали в честь его бабушки. Я сказала тете Оле Нуманкау (мать Эдика), что хочу назвать внука так же, как звали Эдика. Она побеспокоилась, попросила, чтобы ей привезли с Инахпака, где его задавили, камушек. И она мне передала этот камушек и сказала, чтобы я положила этот камушек внуку в постель. С именем мы ему угадали, и он не болеет у меня. Надо поискать его камень в крова-

ти и убрать, чтобы никто не выкинул. Нужно придумать сумочку» (ПМА 2. Ж 1963. Новое Чаплино).

В двух приведенных выше примерах камень является временным амулетом, посредством которого новое имя, как и душа умершего человека, заносится в дом. Вероятно, в последнем случае женщина тоже собиралась как будто бы случайно потерять камушек, принесенный с места смерти «вернувшегося» умершего, однако она изменила своё решение и намеревается, как ясно из ее слов, сделать из этого камня личный оберег своего внука.

В другой семье после сна, в котором умерший родственник изъявил желание «вернуться», человек идет к поминальному месту, чтобы забрать камень или травинку, символизирующую душу и имя «вернувшегося» покойника:

«Мы ходим в тундру, чтобы взять камушек и принести его, чтобы он действительно пришел. Я взяла этот камень с поминального места. Я говорю по-эскимосски: “Я тебя нашла. Иди за мной и будь дома”. Можно взять и траву. Я храню камень. Он обязательно лежит дома, как оберег. Это все мои обереги. Я боюсь их даже иногда трогать. Это все люди, которые вернулись кем-то. Если заболит кто-то, то ты берешь его оберег, перышко берешь и сверху по берегу трешь. И на улицу несешь и ветер уберет всю болезнь с человека. Нельзя никому отдавать оберег... Когда родилась Вика (внучка. – Д.О.), я пошла в тундру, я сказала маме: “Спасибо, что нашла” (Вика названа в честь матери информанта. – Д.О.)» (ПМА 1. Ж 1968. Новое Чаплино).

В данном случае камушек не теряется, а, напротив, сохраняется и служит оберегом, с которым может проводиться распространенный ритуал очищения в случае болезни человека. Обереги до сих пор занимают важное место в современном ритуальном пространстве. Обряды, проводимые с ними, и истории появления оберегов относятся к очень закрытой, практически не разглашаемой сфере духовной жизни.

Имянаречение часто сопровождается появлением личных амулетов:

«Если ребенка называют в честь какого-нибудь умершего человека, то ему делают специальный амулет, символизирующий этого человека. Если это был охотник, то делают копье или стрелу, если женщина, то тоже что-то делают. Это не старые вещи, они делаются. Мама делала для моей сестры какую-то шкурку. И сказала, чтобы сестра берегла эту шкурку. У моих детей тоже есть эти вещи. И я делала их, и мама. У нас есть крышечка от стеклянной бутылочки от одеколона. Настя вернулась белым медведем, она – Нанук. Это Настин амулет. Там на крышечке медведь изображен. Это нельзя никому показывать» (ПМА 2. Ж 1950. Новое Чаплино).

Типы эскимосских личных имен

Разнообразны не только форма имянаречения и ритуальное обрамление этого события, но и типы эскимосских личных имен. Одна из моих старейших информантов, жительница села Сиреники, получила имя Амикльюк, что переводится с эскимосского языка как «горностай»:

«Родители уже покрыли шкурами ярангу, и вдруг забежал горностай. А моя мама была беременная мною. И бабушка говорит: “Закрывайте носы и рот”. А мама говорит: “Зачем?”. “Он может забежать в ноздри, в рот”. Отец поймал его и задушил. И когда я родилась в Провиденции, мне дали это имя. Мама вспомнила эту историю. Я в молодости быстро бегала, как горностай» (ПМА 1. Ж 1942. Сиреники).

Она же назвала своего сына Ама («волк» на эскимосском языке). Из воспоминаний пожилых людей, родившихся в первой четверти XX в., становится очевидным, что детям очень часто давали имена по названиям животных (Крупник 2000: 320). Распространены были антропонимы, производные от топонимов. Например, одному мужчине в 1940-е гг. дали имя Ульг'уми, что переводится как «житель чаплинских горячих ключей» (ПМА 1. Ж 1941. Новое Чаплино), или одна моя пожилая информантка носила имя Суляг'ми, так как ее отец, когда она родилась, увидел во сне сопку с таким названием в районе старого поселка Сиклюк (ПМА 1. Ж 1938. Новое Чаплино).

И.И. Крупник и Н.Б. Вахтин отмечали, что в 1990-е гг. эскимосы практически перестали давать своим детям имена по топонимам и видам животных (Krupnik, Vakhtin 1997: 240). Авторы пришли к выводу, что система имянаречения у азиатских эскимосов потеряла былое разнообразие и изобретательность. Действительно, самыми распространенными именами стали имена ближайших умерших родственников, чаще всего бабушек. Тем не менее до сих пор детям продолжают давать имена по названиям животных, хотя уже и не встречаются такие редкие имена, как Наг'уя (чайка) или Кин'ук (червяк).

«У меня дочка младшая родилась, а бабка незадолго до этого умерла. Мне снилось, что я на охоте был и добыл лахтак. Когда я к нему подходил, он повернулся и оказалось, что у него лицо бабушки. Она, наверное, хотела, чтобы я свою дочь назвал Маклъяк – лахтак. Я так ее назвал. Бабушка вернулась через лахтака. Бывает, что я зову ее шутя: “Где мой лахтакчик?”. Она знает, что она Маклъяк» (ПМА 2. 1973. Новое Чаплино).

В данном случае девочка названа именно лахтаком, так как отец считал, что в этом сне бабушка изъявила своё желание – вернуться через внучку, но не со своим именем, а с именем – названием животного. Одна первоклассница в Новом Чаплино имеет три имени: Ных'сяк' (нерпа), Кикмик' (собака) и имя своей прабабушки – Айпина. Библио-

текарь из Нового Чаплино рассказала мне, как она и ее дочь вернулись утонувшими собаками ее двоюродного дедушки:

«Меня зовут К'аг'люлык. Если перевести на русский – “Я в алыке”. Имена просто так не даются. У дедушки моего был брат Кавра, который утонул с двумя передовыми собаками на охоте. Моя мама родилась и вернулась Каврой, я родилась и вернулась одной из собак, а дочка моя вернулась второй собакой – Кикмиш'ыхтак' – “маленькая собака”» (ПМА 1. Ж 1965. Новое Чаплино).

Существует отдельная категория имен, которые В.Г. Богораз охарактеризовал как имена, имеющие «отношение к представлению чукчей о возвращении умерших из иного мира» (Богораз 2011: 179). В качестве примеров Богораз перечисляет такие имена, которые переводятся с чукотского языка как «пришедший», «поднявшийся с земли», «вернувшийся домой», «возвращенный». У эскимосов до сих пор встречаются подобные имена. Например, 20-летняя жительница Нового Чаплино по совету одной бабушки, которая, как она сказала, «делала ей дорогу», т.е. помогала с погодой во время рейсов, назвала своего сына Итхуткак', что переводится как «занесенный» (ПМА 3. Ж 1970. Новое Чаплино). Молодая мать попросила «знающего» пожилого человека дать имя своему ребенку, так как первые месяцы он постоянно болел. По ее словам, после имянаречения «болезнь как рукой сняло».

Имянаречение и исцеление от болезней

В представлениях эскимосов существует тесная связь между исцелением от болезни и имянаречением. Ошибка при имянаречении может привести к смерти ребенка. В эскимосском языке существует даже слово, которое переводится как «неправильно данное имя» – *атых'льик'ак'ук'*. Частые болезни в младенчестве свидетельствуют о том, что ребенку необходимо изменить личное имя. Представление о том, что младенец может не принять данное ему имя и показать своё несогласие ненормально частым плачем, распространено практически среди всех групп эскимосов (Alia 2007: 18; Laugrand, Osten 2010: 126).

Бывает, что имя меняют уже во взрослом возрасте, чтобы победить болезнь:

«Стас (сын) у меня в ноябре со своим другом поехал на “Буране”. Поехали и застряли, потерялись. Они там сутки были, мы их поехали искать. И нашли. Они под снег залезли и пургу переждали. Ему было около 20 лет. Он переохладился, заболел. И тогда мы с Розой решили его назвать Ичульгаг'ми в честь ущелья, где они потерялись. Люди там теряются в плохую погоду. В другом месте потом могут появиться. Плохое место. Вскоре он поправился. Теперь у него два имени – Ичульгаг'ми и Сиг'уналик» (ПМА 1. Ж 1950. Новое Чаплино).

Изменение имени проводится с целью обмана злых духов, так же как, например, во время болезни среди чукчей-мужчин было распространено подражание женщине в «манере заплетать и причесывать волосы» или ношение женской одежды (Богораз 2011: 131).

Передача характера

Вместе с именем человек получает определенные физические или духовные черты, свойственные умершему носителю имени. Если у эвенов и эвенков узнавание умершего в недавно родившемся ребенке происходит до имянаречения (Сирина 2012: 169), то у эскимосов поиск черт «вернувшегося» начинается уже после. Чаще всего окружающие подмечают одну яркую и определяющую особенность, обладателем которой стал нареченный именем.

«Я вернулась Анту. Анту – белый эскимос, высокий, белый. Он аляскинский, наверное. Он хлеб пек и был переводчиком у пограничников. Нарта у него была своя. Он спас мою бабушку Укуну. Она сильно заболела. Есть она не могла и пить не могла. И не знали, чем она заболела. Он ей нерпичье мясо тоненькими кусочками нарезал, поил ее. Эпидемия в Старом Чаплино была. Сын у Укуны в 7 месяцев умер. Она видела, что его хоронят, но ни встать, ничего она не могла. И видела, как на пригорке ее сына вороны клюют. И жить ей не хотелось. Мама ходила беременной мною, и бабушка Укуна поняла, что я вернулась Анту. Бабушка пошла на берег за капустой и вдруг видит гребень для волос – красивый такой, в воде не испортился. Она подняла и говорит: “Это же Анту”. Он его носил. Не испортился, не заржавел. И она решила, что это Анту вернулся. И я с детства очень люблю английский язык. А Анту же был переводчиком. И я тоже хотела стать переводчиком» (ПМА 2. Ж 1961. Провидения).

Несмотря на веру в преемственность определенных качеств, эскимосы не боятся называть ребенка именем человека, погибшего в море или пережившего много испытаний:

«Чаплинские охотники потерялись – их унесло на льдине, но все были живы. Льдина была почти у самого берега, и они возвращались по тонкому льду. Наши умели быстро ходить по тонкому льду. Мой дядя Тухле провалился у самого берега на глазах встречающих и на глазах тех, кто успел спрыгнуть на берег. Тухле вернулся через моего сына Славу. У Славы только одно имя, но он его так оправдывает. Он любит море, у него душа морская» (ПМА 1. Ж 1950. Новое Чаплино).

У эскимосов не было связи между полом ребенка и полом умершего человека, который вернулся через имянаречение этого ребенка. Имена не имели половой принадлежности. С внедрением европейской дифференцированной системы как в Канаде (Alia 2007: 29), так, например и в

Западной Гренландии (Nuttall 1994: 128), люди все чаще стали давать детям имена согласно их полу. На Чукотке также установилась подобная тенденция, хотя я ни разу не слышал ни от одного из своих информантов, что, например, мальчик, получивший имя, принадлежавшее женщине, приобрел женские черты поведения. Чукотское и эскимосское общество было знакомо с практикой смены пола. Иногда юноша, получивший призыв от духов к занятию шаманизмом и смене пола, приобретал женские черты и занимал женское социальное положение в стойбище. Он начинал одеваться в женскую одежду, носить женские прически, даже использовать женское произношение, принимался шить, готовить и нередко заселялся с мужчиной в отдельную ярангу (Богораз 2011: 130–136). Таких людей называли «мягкими мужчинами» или «превращенными шаманами / людьми».

О существовании аг'настик' (женоподобный) пишет и Игорь Крупник. Он отмечает, что люди приписывали им сверхъестественные способности (Krupnik, Chlenov 2013: 184). Но я нигде не встречал, что вместе с изменением поведения, свойственного мужскому или женскому полу, происходила и смена имени или что имя, данное при рождении, диктовало человеку схему поведения, противоречащую его полу. Валери Алиа приводит рассказ девушки из Нунавута Napatchie Akeego MacRae, которая обладает двумя именами (Alia 2007: 26–27). Имя Акеего принадлежало покойной младшей сестре отца. В ее родной семье к ней все относились, по ее словам, как к «принцессе», а отца она называла «брат». Второе имя Napatchie принадлежало умершему мужчине, чья мать была акушеркой при рождении Napatchie Akeego MacRae. Семья Napatchie относилась к ней, как мужчине, его братья приглашали ее охотиться и дарили ей мужскую одежду. Бернар Саладин д'Англюр записал в Иглулике в 1970-е гг. рассказ девушки, вернувшейся своим дедушкой по материнской линии (Saladin d'Anglure 2006: 37–59). Она помнила, как ее душа покинула могилу и вошла в ее будущую мать, как она находилась в матке, похожей на иглу. Там она изменила пол и стала женщиной. В детстве она играла в мальчишеские игры, любила охоту и носила мужские штаны. Лишь с началом менструаций она изменила схему поведения и стала носить женскую одежду, чем была недовольна ее мать, которая хотела, чтобы ее отец, вернувшийся через ее дочь, продолжал одеваться, как мужчина.

Социальная жизнь имени

Имя определяло место человека в социальной структуре, формировало систему родства по реинкарнации, несло за собой многосоставную семейную историю. Имя оказывало влияние на жизнь индивида в кругу семьи и в рамках отдельного поселения, оно могло видоизменяться,

переходить из частной сферы в публичную. Среди отдельных групп эскимосов центральной канадской Арктики был распространен инфантицид. Убийство ребенка могло быть предпринято только до имянаречения (Balıkcı 1989: 148–149). Как только младенец получал имя, он становился частью мира живых и умерших, оказывался связанным нитями кровного родства с членами своей семьи и родства по реинкарнации с родственниками умершего человека, в честь которого был назван.

Среди канадских эскимосов до сих пор имеет широкое распространение практика обращения к человеку по его родству по реинкарнации. Если ребенок получает имя своего покойного деда по материнской линии, то его мать, обращаясь к своему сыну или дочери, будет говорить «отец». Подобные взаимоотношения существовали и среди азиатских эскимосов: *«Меня зовут Мма. Так звали моего дядю. Я знаю, что была женщина, жена сына этого дяди, так когда она меня встречала, всегда радовалась и говорила: “Свекрушка моя”. Я ей приходилась свекром»* (ПМА 1. Ж 1950. Новое Чаплино). В трансформированном виде эта практика сохранилась до наших дней. Сейчас эти обращения воспринимаются как шутка, никто не относится к маленькому ребенку, как к своему умершему брату или деду.

В Новом Чаплино и Сирениках «национальные» имена имеют очень ограниченную сферу использования. Они занимают определенное место в ритуальном пространстве, в частности в обрядах, связанных с излечением от болезни. Истории, связанные с именами, являются частью семейной мифологии. Бывает, что «национальные» имена выходят за пределы семьи в публичное пространство. Там они иногда превращаются в клички. Например, директора клуба (дом культуры) в Новом Чаплино все называют «Анаша» в связи с тем, что она была названа в честь своей бабушки Анашик'. Нину Агнагисьяк односельчане зовут Ацыной. Она вернулась своим дядей Ачиргиным. Пожилые люди часто продолжают обращаться друг к другу, используя эскимосские имена. Большая часть жителей Нового Чаплино называют Валентину Ивановну Селякину (1950 г.р.) по имени и отчеству, но ее сверстницы стараются использовать только ее эскимосское имя Мма. Ольгу Нумынкау в шутку в семье называют на грузинский лад Аймидзе (ее настоящее эскимосское имя – Аймитхаун), а к мальчику, вернувшемуся своим дедом Кутылиным (эскимосское имя, которое не надо путать с фамилией), в семье обращаются на русский манер *Кутыляшка*. В селах ко многим людям «прилипают» различные клички, которые никак не связаны с «национальными» именами, и могут быть как эскимосскими, так и русскими. Главу морских охотников Нового Чаплино Игоря Макотрика (украинская фамилия) зовут Макшиком – производное от эскимосского слова *накшык*, что переводится как «крюк». Его жену называют Макшичкой.

Тенденция переноса традиционных эскимосских представлений о личном имени на «русские» имена становится все более явно выраженной. Например, недавно в одной эскимосской семье заболела девочка. Бабушка решила изменить ей имя, но не эскимосское, а русское. Семье даже пришлось менять свидетельство о рождении. Одного эскимосского подростка по документам зовут Сергей, но его часто называют Алексеем, так как считается, что он вернулся своим родственником, которого «по-русски» звали Алексеем. Эскимосы канадской Арктики интегрировали свои традиционные представления в новую систему именования, появившуюся в связи с христианизацией. Так, например, они начали соотносить себя с библейскими персонажами, носившими то же имя, искать в себе их черты (Laugrand, Oosten 2010: 129).

Представления эскимосов о бессмертии души и реинкарнации тесно связаны с идеей о возрождающейся душе убитого животного. Непрерывность жизни души – ключевая и основополагающая идея, формирующая взаимоотношения людей с животными и людей друг с другом. Подобные представления сохранились и у чукчей-оленьеводов: *«После забоя, во время разделки туши отрезается кончик языка, кусочек печени и кусочек сухожилия на коленном суставе. Эти кусочки (вместилище души оленя) отдаются, возвращаются Narginen, духу внешней среды, во время ритуала жертвоприношения»* (ПМА 3. М 1966. Москва–Конергино).

Христианизация и секуляризация повседневной жизни трансформируют ономастические практики и изменяют представления эскимосов о душе и имени, но не исключают их. Канадские миссионеры находили, что вера эскимосов в бессмертие души соответствует христианским ценностям. Хотя их смущали некоторые представления эскимосов о реинкарнации, в частности идея о возможности переселения человеческой души в животное и наоборот. Канадский антрополог Лиза Стивенсон, долгое время занимавшаяся проблемой самоубийств среди эскимосских подростков Нунавута, приходит к выводу, что физическая смерть воспринимается современной аборигенной молодежью иначе, чем другими. Они не расценивают уход из жизни как конец, а относятся к нему, скорее, как к началу нового пути, новой жизни в иной материальной оболочке (Stevenson 2009: 64; Stevenson 2012: 604).

Заключение

Характеризуя представления эвенков и эвенов о реинкарнации, А.А. Сирина пишет: «Обычно о дальнейшей судьбе умершего человека узнавали из рассказов шаманов. В советское время восприятие традиционных знаний перешло на уровень семейных преданий и рассказов, что еще более способствовало развитию их вариативности и складыванию локальных вариантов» (Сирина 2012: 167). Комплекс представле-

ний о личном «национальном» имени по-своему фокусируется в каждой отдельной семье. Развитию вариативности способствует не только отсутствие шаманов или «знающих» людей, но и современная трансформация системы имянаречения, которая имеет свои особенности в каждой семье. Выбор имени часто зависит от уровня знаний и степени свободы семьи или отдельных ее членов в сфере ритуального пространства. И чем более оно простое в рамках отдельной семьи, тем более упрощается и система имянаречения. Растущая «семейность» традиционных представлений об имени связана также и с практически полной потерей социального значения «национального» имени, которое чаще всего известно лишь ближайшим родственникам. История имянаречения, предыдущая жизнь имени, биография покойного носителя имени становятся составляющими семейной мифологии.

Имя становится важнейшим этническим маркером, одним из столпов личной национальной самоидентификации. Система имянаречения в Новом Чаплино изучается на факультативных уроках по местным традициям. В 2011 г. в коридоре школы висел список восемнадцати детей, посещающих факультатив. В списке были указаны официальные имена и фамилии учеников, а также чукотские и эскимосские имена, из которых все, за исключением одного, принадлежали умершим родственникам. Некоторых жителей села смущали подобная десакрализация и публичное демонстрирование сокровенного, того, что Роберт Вилльямсон назвал *underground naming*. Другие же, напротив, относятся к традиционной системе имянаречения как к игре, а к эскимосскому имени родственника или друга как к поводу по-доброму пошутить над ним, например назвать человека «национальным» именем в несоответствующем публичном месте – в очереди в магазин или в классе.

Изменения представлений эскимосов о «национальном» личном имени проявляются как в упрощении системы имянаречения, так и в проецировании традиционных ономастических практик на «русские» имена, например смена официального имени в случае болезни или обращение к человеку по «русскому» имени покойника, в честь которого тот назван. Увеличивается вариативность ономастических представлений. Люди начинают сами придумывать имена, не дожидаясь какого-нибудь знака или сна, стремятся по-своему воссоздать ритуальное обрамление имянаречения, или, напротив, пренебрегают *underground naming*, ограничиваясь лишь «русским» именем.

Примечания

¹ Канадский антрополог Луи-Жак Дорэ использует термин *public name* («публичное имя») для обозначения официального личного имени публичной сферы (Dorais 2001: 63).

² По этическим причинам в большинстве случаев я не указываю имена и фамилии информантов. Отдельные случаи упоминания согласованы с информантами. Однако чаще

всего я указываю пол, год рождения и место проживания. Если несколько информантов одного пола родились в один и тот же год и проживают сейчас в одном селе, то я ставлю порядковый номер. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Провиденский район Чукотского автономного округа в 2011 г. ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Провиденский район Чукотского автономного округа в 2012 г. ПМА 3 – Полевые материалы автора. Полевая работа в Москве и Санкт-Петербурге среди постоянно проживающего и временно пребывающего чукотского и эскимосского населения в 2012–2013 гг.

³ Данные на 1 декабря 2013 г., предоставлены администрацией Нового Чаплино.

⁴ Данные на 1 января 2013 г., предоставлены администрацией Сиреников.

Литература

- Богораз В.Г. Чукчи. Религия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- Вахтин Н.Б. Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири // Чужое имя / Альманах «Канун». СПб.: Ин-т русской литературы, 2001. Вып. 6. С. 216–231.
- Крупник И.И. Пусть говорят наши старики. Рассказы азиатских эскимосов-юпик. Записи 1975–1987 гг. М.: Институт Наследия, 2000.
- Сурина А.А. Эвенки и эвены в современном мире. М.: Восточная литература, 2012.
- Alia Valerie. Names and Nunavut. Culture and Identity in the Inuit Homeland. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007.
- Balikci Asen. The Netsilik Eskimo. Prospect Heights: Waveland Pr. Inc., 1989.
- Dorais Lois-Jacques. Quaqaq. Modernity and Identity in an Inuit Community. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2001.
- Krupnik I., Chlenov M. The end of «Eskimo land»: Yupik relocation in Chukotka, 1958–1959 // Inuit Studies. 2007. Vol. 31 (1–2). P. 59–81.
- Krupnik I., Vakhtin N. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34, № 1. P. 236–252.
- Krupnik Igor, Chlenov Mikhail. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Laugrand Frédéric, Oosten Jarich. Inuit Shamanism and Christianity. Transitions and Transformations in the Twentieth Century. Montreal and Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2010.
- Nuttall Mark. The Name Never Dies: Greenland Inuit Ideas of the Person // Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief Among the North American Indians and Inuit / ed. Mills Antonia, Slobodin Richard. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
- Oosten J., Kublu A. Changing Perspectives of Name and Identity Among the Inuit of North-east Canada // Arctic Identities. Continuity and Change in Inuit and Saami Societies / ed. Oosten Jarich, Remie Cornelius. Leiden: Research School CNWS, School of Asian, African and Amerindian Studies, 1999.
- Saladin d'Anglure Bernard. Être et Renaître Inuit Homme, Femme ou Chamane. Paris: Galilée, 2006.
- Stevenson Lisa. The Suicidal Wound and Fieldwork among Canadian Inuit // Being there. The Fieldwork Encounter and the Making of Truth. Berkley / ed. Borneman John, Hammoudi Abdallah. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2009. P. 55–76.
- Stevenson Lisa. The Physic Life of Biopolitics. Survival, Cooperation and Inuit Community // American Ethnologist. 2012. Vol. 39, № 3. P. 592–613.
- Williamson Robert. Eskimo Underground: Socio Cultural Change In The Canadian Central Arctic. Uppsala: Institutionen för alimán och jämförande etnografi vid Uppsala Universitet, 1974.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2015 г.

Oparin Dmitri A.

CONTEMPORARY ONOMASTIC PERCEPTIONS OF THE ASIAN ESKIMO*

Abstract. The article deals with the contemporary naming system and the variability of perceptions of the personal name among the Eskimo. Particular attention is paid to the analysis of the social life of the name and to the characteristics of the 'traditional' naming in modern context. The set of Eskimos' traditional perceptions of the personal name, the most important of them being the naming, continues to be relevant practically among all of the groups of this Arctic people on both continents, despite the long history of such processes as Christianization and the introduction of passports as well as incorporation of European names and the introduction of surnames. The name giving as a part of the ritual space is directly linked to Eskimos' perceptions of immortality of the soul and interaction between the world of the living and the world of the dead.

Keywords: onomastics, social life of the name, ritual, Christianization, Eskimos

DOI: 10.17223/2312461X/10/3

* The research is completed within the framework of the project "Ethnographic Field Research of Contemporary Religious Componenta of Cultural Identity of the Small-numbered Peoples of the Russian North and Siberia" (with the support of the Russian Foundation for Humanities, project № 15-01-18111, PI Dmitri Funk).

References

- Bogoraz V.G. *Chukchi. Religiia* [The Chukchi people. Religion]. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2011.
- Vakhtin N.B. Vozvrashchenie umershih i narechenie imen na severo-vostoke Sibiri [The return of the dead and the naming in the north-east of Siberia], *Chuzhoe imia, Al'manakh «Kanun»* [Someone else's name, Almanac 'Eve']. Saint-Petersburg: In-t russkoi literatury, 2001, Vol. 6, pp. 216-231.
- Krupnik I.I. *Pust' govoriat nashi stariki. Rasskazy aziatskikh eskimosov-iupik. Zapisi 1975-1987 gg.* [Let our old people speak. Stories of the Asian Eskimo Yupik. Notes of 1975-1987]. Moscow: Institut Naslediia, 2000.
- Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire* [The Evenks and the Evens in the modern world]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012.
- Alia Valerie. *Names and Nunavut. Culture and Identity in the Inuit Homeland*. New York - Oxford: Berghahn Books, 2007.
- Balikci Asen. *The Netsilik Eskimo*. Prospect Heights: Waveland Pr. Inc., 1989.
- Dorais Lois-Jacques. *Quaqtaq. Modernity and Identity in an Inuit Community*. Toronto - Buffalo - London: University of Toronto Press, 2001.
- Krupnik I., Chlenov M. The end of «Eskimo land»: Yupik relocation in Chukotka, 1958-1959, *Inuit Studies*, 2007, Vol. 31 (1-2), pp. 59-81.
- Krupnik I., Vakhtin N. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition, *Arctic Anthropology*, 1997, Vol. 34, no. 1, pp. 236-252.
- Krupnik Igor, Chlenov Mikhail. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900-1960*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.
- Laugrand Frédéric, Oosten Jarich. *Inuit Shamanism and Christianity. Transitions and Transformations in the Twentieth Century*. Montreal and Kingston - London - Ithaca: McGill-Queen's University Press, 2010.
- Nuttall Mark. The Name Never Dies: Greenland Inuit Ideas of the Person, *Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief Among the North American Indians and Inuit*. Ed. Mills Antonia, Slobodin Richard. Toronto: University of Toronto Press, 1994.

- Oosten J., Kublu A. Changing Perspectives of Name and Identity Among the Inuit of Northeast Canada, *Arctic Identities. Continuity and Change in Inuit and Saami Societies*. Ed. Oosten Jarich, Remie Cornelius. Leiden: Research School CNWS, School of Asian, African and Amerindian Studies, 1999.
- Saladin d'Anglure Bernard. *Être et Renaître Inuit Homme, Femme ou Chamane*. Paris: Gallimard, 2006.
- Stevenson Lisa. The Physic Life of Biopolitics. Survival, Cooperation and Inuit Community, *American Ethnologist*, 2012, Vol. 39, no. 3, pp. 592-613.
- Stevenson Lisa. The Suicidal Wound and Fieldwork among Canadian Inuit, *Being there. The Fieldwork Encounter and the Making of Truth*. Ed. Borneman John, Hammoudi Abdellah. Berkley - Los Angeles - London: University of California Press, 2009, pp. 55-76.
- Williamson Robert. *Eskimo Underground: Socio Cultural Change In The Canadian Central Arctic*. Uppsala: Institutionen för alimán och jämförande etnografi vid Uppsala Universitet, 1974.

ИНДИГЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЗА РУБЕЖОМ

УДК 316.42

DOI: 10.17223/2312461X/10/4

АВТОХТОННЫЕ ПУЭБЛО ДОЛИНЫ МЕХИКО: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ

Глория Эванхелина Орнелас Таварес
Анна Евгеньевна Солдатова

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы, сложившиеся в историографии антропологического изучения автохтонных пуэбло долины Мехико. Речь идет о бывших сельских поселениях округа современной мексиканской столицы, которые сегодня стали частью мегаполиса. В центре внимания авторов – история появления термина «автохтонные пуэбло» в контексте истории Мексики второй половины XX в., особенности их социальной организации и праздничного цикла, а также ключевые элементы идентичности их жителей в том виде, как они представлены в работах мексиканских антропологов.

Ключевые слова: Мехико, коренное население, пуэбло, праздничный цикл, социальная организация, идентичность, историография

Введение

Автохтонные пуэбло (*исп.* Pueblos originarios) – термин, закрепившийся за бывшими сельскими поселениями округа г. Мехико, включенными сегодня в территорию этого мегаполиса. Жителей поселений-пуэбло связывает социальная организация, основным элементом которой являются община с присущими ей политическими и религиозными функциями, а также обширный праздничный цикл. Идентичность жителей пуэбло невозможно рассматривать в отрыве от региональных особенностей культуры и мировоззрения, участия коллективных и индивидуальных субъектов в политических процессах, а также характерных для Латинской Америки процессов глобализации и внедрения неолиберальной доктрины.

Несмотря на обилие этнографических исследований по данному региону в целом, этнография долины Мехико остается практически неизученной. Стоит также отметить, что в российской литературе тема автохтонных пуэбло до сих пор, по нашим данным, напрямую вообще не рассматривалась.

Целью настоящей публикации является обзор основных направлений антропологического (в широком понимании этого термина) изучения автохтонных пуэбло. Рассмотрение некоторых исторических, территориальных и символических особенностей автохтонных пуэбло долины Мехико, на наш взгляд, позволит получить представление об особенностях идентичности жителей этих поселений.

Исходя из этой цели, в качестве материалов для написания статьи были привлечены основные труды мексиканских антропологов, посвященные автохтонным пуэбло (в том числе одного из соавторов статьи, Глории Эванхелины Орнелас Таварес), в которых используются результаты их исследований последних десятилетий.

Мировоззрение

Несколько слов о термине «мировоззрение», который является ключевым для нашей работы. Андрес Медина, известный мексиканский антрополог, исходит из теоретической важности мировоззрения для исследования автохтонных пуэбло и потому берет в качестве отправной точки своих работ изучение их праздничного и сельскохозяйственного циклов. Основой обоих циклов становится общинная организация, одна из наиболее важных тем в этнографическом изучении Мезоамерики. С точки зрения Медины, мировоззрение возможно изучать посредством анализа ритуального цикла, организованного членами политико-религиозной иерархии пуэбло; в основе властных институтов этой иерархии лежат категории еще мезоамериканского и средневекового происхождения, которые имеют большое значение для современных дискуссий об автономии и местном самоуправлении (Medina 2000: 16).

Под мировоззрением мы подразумеваем весь комплекс практик членов какого-либо сообщества, связанный со средой их обитания, их видением собственной жизни и жизни человека в целом, а также сложный мир религиозных верований. Как указывает Медина (2000: 11–13), мировоззрение включает в себя философию бытия и человека, смысла жизни, осмысление жизненного опыта, экзистенциальные аспекты и объяснение существования мира. Мексиканский этнолог Йоханна Брода, в свою очередь, подчеркивает, что одно и то же явление может объясняться на разных уровнях, но различные объяснения будут соответствовать общему паттерну, будут вписаны в единую культурную матрицу; формы мировоззрения выступают как объединяющие элементы коллективного бессознательного, являются результатом исторического развития, постоянной трансформации общественных отношений (Broda 2001: 18).

Термин «автохтонные пуэбло» и особенности коренного населения Мексики в политических процессах второй половины XX – начала XXI в.

Возникновение термина «автохтонные пуэбло» связано с индейским участием в крестьянском движении 1968 г. и реформой сельского хозяйства, которая закрепляла за индейскими общинами право на лесные зоны, переданные им в колониальную эпоху.

Индейские народы штатов Чиуауа и Дуранго заявляли о своем праве на контроль за эксплуатацией лесных зон. Однако наиболее ошутимое влияние закон оказал на тарасков горной зоны Мичоакана и общинников Мильпа Альты в Федеральном округе. Здесь восстановление контроля над лесной зоной превратилось в сложный интенсивный процесс возрождения индейских общин, сопровождавшийся изобретением-возрождением этнической идентичности и укреплением общинных институтов посредством возрождения древних годовичных церемониальных циклов... [Vázquez, 1992; Zárate Hernández, 1993; Zárate Vidal, 1998; Losada, 2003] (Medina 2007: 183).

Но даже более важными для автохтонных пуэбло стали семидесятые годы. В 1975 г. появилась первая национальная индейская организация – Национальный совет коренных народов (Consejo Nacional de Pueblos Indígenas (CNPI)). Это был период возвращения права на культурную специфичность, права на защиту своих языков и, в особенности, время требования признания политических прав на основе этнических различий. Коренные народы выступали за право на принятие решений в рамках индихенистской политики, а также за право на представительство в законодательных органах. За образец был взят Верховный совет индейцев тараумара, в который входили его традиционные власти и который стал символом преемственности культурной традиции. Каждый Верховный совет представлял этническую группу, критериями выделения которой были наличие особого языка, территории, культуры и особой политической организации (подобный набор далеко не всегда подтверждался этнографическими данными, и реальное его существование является вопросом дискуссионным (Medina 2007: 184)).

Как будет показано ниже, этническая, социальная и культурная идентичность членов автохтонных общин основана чаще всего на самоидентификации и внутреннем и внешнем признании причастности. Это доказывается, например, распространенным участием в общинной организации недавних переселенцев в пуэбло, в случае восприятия ими местных традиций и праздничного цикла. Также большую роль играют общая история и стройная система мировоззрения, которая сохраняется даже в городской среде. Так, те, кто уехал из пуэбло и приобрел жилье

в другой части города, часто возвращаются в пуэбло для участия в праздниках, иногда даже в роли их организаторов.

Таким образом, термин «автохтонные пуэбло», его формирование и различные формы присутствия в городской среде, с нашей точки зрения, что согласуется с мнением Медины (2007), оказываются связанными с дискуссиями о природе этнических групп и различным пониманием этнической принадлежности. Помимо этого, появление самого термина было тесно связано с теми формами участия во внутривнутриполитических процессах, которые стали характерны для представителей коренного населения Мексики на рубеже XX–XXI в.

В 1989 г. Комитет юстиции для индейских народов положил начало масштабным дебатам по вопросу политических прав индейцев, центральной проблемой которых стали община и автономия, причем последняя рассматривалась исходя из особых форм существования общинных политических институтов и сохранения норм обычного права у индейских народов (Medina 2007: 185). Для Мексики в это время была характерна концентрация на экономических и политических процессах, связанных с глобализацией. Соответственно себя позиционировало и правительство. Стратегия по вступлению в Североамериканскую ассоциацию свободной торговли (НАФТА) включала в себя конституционные реформы, затрагивавшие деликатные политические вопросы, такие как статус индейских народов и, в особенности, сельскохозяйственную проблему. И то, и другое до 1982 г. рассматривалось в контексте революционного национализма – идеологии, преобладавшей в Мексике с момента революции. Однако под давлением Международного валютного фонда и Всемирного банка с экономическим и политическим кризисом в этот период было решено бороться путем неолиберальных преобразований.

Подписание Мексикой Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах» подразумевало определенные обязательства государства по отношению к индейским народам. Шли активные дебаты о роли общины и общинного самоуправления (Medina 2007: 185–186). С точки зрения Техеды (1991, цит. по: Medina 2007: 186), главной проблемой индейцев стало отсутствие реальных механизмов представительства. Андрес Фабрегас отмечает: «Речь идет не о защите местной структуры управления, а о том, чтобы понять ее, чтобы осознать, что успешное управление связано с гарантией культурного воспроизводства» (1991: 10, цит. по: Medina 2007: 186). В свою очередь, Эрнандес Наварро (1997, цит. по: Medina 2007: 188–189), утверждает:

Действительно, внутри индейских общин существуют проблемы насилия, авторитаризма и сегрегации. Вопрос заключается в том, насколько они обусловлены этими нормативными системами, или же для выживания в рамках всего общества было необходимо создать эту

бессистемную цепь отношений субординации, которая порождает и поддерживает все эти явления. Индейское сообщество утверждает, что для возрождения индейских народов необходимо полное признание их нормативной системы, и что такая легитимизация позволит искоренить многие антидемократические явления, которые сегодня для нее характерны.

Со своей стороны, Армандо Бартра (2001, цит. по: Medina 2007: 190–191), утверждает:

Когда индейцам предоставлена лишь частичная свобода самоуправления, подразумевается, что их обычаи и традиции варварские, ставятся под сомнение их право на свободу, их человеческий статус... На самом деле, немного найдется примеров практик и дискурсивных элементов, которые изменились в течение последнего десятилетия настолько, как якобы неизменные социальные и ментальные обычаи индейцев. Прямые выборы как способ укрепления касикизма сменяются демократическим консенсусом и отчетностью властей. На смену крайней дискриминации женщин приходит женское участие, которому могут позавидовать другие социальные группы. Наконец, мы наблюдаем болезненный транзит от стыда к гордости, превращение разобщенного, опустившегося населения, являющегося объектом общественной поддержки и научного исследования, в волевой, мобилизованный, активный социальный субъект.

Автохтонные пуэбло долины Мехико сегодня

По данным Гомесесесара (Gomezcésar 2011: V–XII), на территории современного Мехико сегодня существуют более ста пуэбло доиспанского или колониального происхождения. Они расположены на территории 16 городских округов, как в целиком урбанизированных регионах, так и в сельском и полусельском пространстве юга долины Мехико.

В зоне агломерации, которая включает в себя Федеральный округ и пригородную зону, мы обнаруживаем следующие типы пуэбло (классификация Андреса Медины): старинные пуэбло Мильпа Альты, Сочимилко, Тлальпана, Тлауака, Куахимальпы, Санта Росы, Сан Бартоло и Сан Николаса; пуэбло-острова, окруженные со всех сторон городом – Койоакан, Истапалапа, Кульуакан, Пеньон де лос Баньос, Истакалько, Такуба, Мишука и Аскапотсалько; трансформированные пуэбло – Тлателолко, Тепито и Такубайя; наконец, периферийные пуэбло – Тескоко, Амекамека, Чалько, Экатепек и Теотиуакан (Medina 2007: 25). Со своей стороны, Министерство сельского развития и равенства для сельских общин (Secretaría de Desarrollo Rural y Equidad para las Comunidades, SEDEREC) признает существование 143 пуэбло и 171 автохтонного квартала. Эти данные приводятся Комитетом по разработке «Закона об автохтонных пуэбло и кварталах и индейских общинах на территории Федерального округа» в документе, изданном в июле 2014 г.

Как указывает Тереса Лосада, «общая площадь Федерального округа – 1 490 кв. км, и формы землевладения здесь схожи с общегосударственными (частная, коммунальная, федеральная)» (Losada 2007: 177). У нее же, как и у Алехандро Надаля (Nadal 1999), указывается, что в Мильпа Альта землевладение коммунальное, т.е. в условиях режима частной собственности оно может наследоваться только родственниками местных жителей или давними переселенцами. Однако с 1990 г. поправки в Конституцию сделали возможным продажу земли и возможность ее дробления. В пуэбло 98% производителей являются собственниками земли и лишь 2% арендуют свой участок (Losada 2007: 177).

Все эти пуэбло обладают рядом общих характеристик. Во-первых, это старинные сельскохозяйственные общины. Во-вторых, в них существует институциональная база для организации праздничного цикла. В-третьих, это территориальное ядро с символическими референтами, например церковь в честь святого покровителя пуэбло, пространство, обозначающее центр поселения, где находятся церковь, административные здания, школы, рынок и часто старинные здания, которые становятся частью исторической памяти. Планировка пуэбло сохраняет черты городского строительства колониальной эпохи, в котором центральными элементами являются церковь, здание городского совета (кабильдо) и дома знатных семей. Наконец, в каждом пуэбло жители обладают исторической памятью. Другими особенностями можно считать топонимию, наличие годового праздничного цикла, присутствие мезоамериканских сельскохозяйственных практик (подробнее см.: Medina 2007: 15–28).

Как указывает Вероника Брисеньо (2002: 1, цит. по: Tadeo 2005: 25), в округах южной части Федерального округа (Сочимилко, Тлальпан, Тлауак, Мильпа Альта) находятся пуэбло, жители которых считают себя автохтонным населением данной местности по факту нахождения на этой территории до Конкисты. Несмотря на стремительный рост территории города, они сохраняют различные традиционные формы социальной и политической организации, которые позволяют им сберечь идентичность, культуру и территорию. Это является, среди прочего, как считает Брисеньо, залогом сохранения экологии города.

Однако существуют также 156 кварталов, которые относятся к пуэбло долины Мехико, чья история и культура, проявляясь в разнообразных формах, делают очевидным наличие у них своеобразного мировоззрения, в котором сочетаются мезоамериканские и колониальные черты. В частности, в этой системе мировоззрения важное место занимает праздничный цикл как основа социальной организации, дифференциации и солидарности жителей пуэбло. Они могут быть расселены дисперсно и вперемешку с приезжими (которых становится все больше) вследствие особенностей городской застройки. Посредством ритуального цикла происходит реконструкция идентичности и проявляется ис-

торическая способность к самозащите, организации, воспроизведению, актуализации и коммуникации с другими кварталами и пуэбло, а также взаимодействию на различных уровнях, как частном, так и публичном, в контексте модернизации, глобализации и / или неолиберализма (Ornelas, Irigoyen 2015).

Окружные центры, где находятся церковь, рынок, дома старожил, наиболее старые школы, а также органы государственной власти, также несут на себе специфический современный отпечаток. Сами проспекты и шоссе, соединяющие сегодня разные части пуэбло, разделяют кварталы, ранее находившиеся на этом месте. Кварталы и пуэбло и конфликтуют, и взаимодействуют с этой современностью в ходе праздников, которые организуют майордомы-старейшины. Посредством праздничного цикла утверждается идея идентичности, построенная местными жителями и тесно связанная с их гражданским самосознанием (Ornelas 2007b).

Однако самая важная территориальная составляющая исторической памяти – наличие старинных пашенных земель, особое чувство причастности к данной территории, понимание своего права на нее и на защиту ее природных ресурсов. Это – еще один важнейший столп идентичности жителей пуэбло.

Общинная организация

Общинная организация пуэбло оформляется политически и социально в процессе разграничения их земель на той территории, с которой связаны история и мировоззрение жителей (Medina 2007: 178–179). Их право на землю подтверждается документами и в процессе приписывания святого покровителя главному храму пуэбло. На основе этих данных разворачивается борьба за использование земельных и водных ресурсов, начиная с колониальной эпохи силами религиозных орденов, землевладельцев и чиновников и заканчивая сегодняшним днем.

Система должностей является основой общинной организации, которая, с точки зрения Медины, сохраняется и воспроизводится в «общинной матрице индейцев». Она позволяет «образу жизни» индейских крестьян воспроизводиться и конструироваться с точки зрения матричной логики. Эта система (к которой принадлежат майордомии) институционализирует политико-религиозные общинные формы жизни и «вписывается в сельскохозяйственную матрицу общины, обладающую собственной иерархией и церемониальными циклами» (Medina 1995: 29–30).

В отношении переплетения культурного и ритуального Тереса Лосада (2007: 30) указывает:

С точки зрения Медины, соперничество за власть между индейскими общинами и колониальной системой шло в рамках католичества, и общи-

на принимала коллективную идентичность и легитимизировала свою политическую позицию, организуя ритуал вокруг святого покровителя. Это сложное взаимодействие между двумя культурами положило начало коллективным католическим ритуалам в главных пуэбло (названия которых сохраняют индейскую топонимию и католическую привязку), которые стали центром системы должностей. В то же время сельскохозяйственный мезоамериканский ритуал воспроизводился в домах, пещерах, горах, около источников, а также на сельскохозяйственных угодьях.

Этот же автор отмечает совмещение мезоамериканского и католического в религиозных ритуалах (Losada 2007: 30–31):

Майордомии организуют участие общины в религиозных ритуалах, совмещая, с одной стороны, мезоамериканские культурные черты. Это, например, представление о функциях и природе гор, идея о том, что земля внутри влажная, и что пещеры ведут в мифический Тлалокан (López Austin, Millones 2008), царство Тлалока, куда отправляются умершие по причинам, связанным с водой. С другой стороны, здесь присутствуют и элементы католической традиции. Все это сопровождается музыкой, фейерверком, церемонией благословения, вручения подарков, угощения для всех присутствующих на празднестве.

Агирре Бельтран и Посас Арсиньегас утверждают, что система должностей есть проявление связи между национальными и общинными нормативными системами на основе взаимодействия трех типов властных структур – доиспанской, колониальной и современной (Beltrán, Arsiniega 1981: 225).

Общинная организация соответствует культурной традиции, в основе которой лежит система идей, верований и репрезентаций, отражающих локальные представления о власти и символические принципы, которые в течение столетий делали возможным культурное воспроизводство. Общинные должности сохраняют функциональную ценность как в мифологическом нарративе, так и в церемониальных практиках, которые и по сей день обосновывают существование общинной иерархии. Мария Ана Портал объясняет присутствие мезоамериканского мировоззрения у современных обитателей Мехико воспроизводством мифа в общинных ритуалах (Portal 1997: 63):

Как объяснить присутствие доиспанских элементов в мировоззрении метисов, проживающих в Мехико? Каким образом соотносится современное поведение этих групп со столь отдаленными во времени культурными образцами?

С моей точки зрения, миф-верование (*mito-creencia*) воспроизводится в религиозных ритуалах и даже в современных городских общностях продолжает выступать в роли одного из конкретных механизмов упорядочения повседневного опыта. Миф-верование выражается в рамках ри-

туала в той мере, в которой проявляется его фундаментальная характеристика воспроизводства первобытного времени и выражения мировоззрения группы. Таким образом, воспроизводится целостная идеологическая система, уходящая корнями в прошлое, но имеющая полноценную современную проекцию.

Миф-верование включает в себя как минимум два различных способа восприятия мира, мезоамериканское и западное, которые сливаются для того, чтобы дать новое объяснение первобытному времени...

Мезоамериканское мировоззрение пронизывает все сферы жизни обитателей пуэбло, а обычные повседневные вопросы также осмысливаются в рамках религиозного влияния (Losada 2007: 31). Народная религиозность представляет собой особый способ подступиться к осмыслению окружающего мира (Medina 2000: 12–14). Исторический процесс и социальные институты долины Мехико осмысливаются с точки зрения мировоззрения, сочетающего в себе испанское и мезоамериканское.

Некоторые праздники мезоамериканского происхождения особенно существенно затрагивают жизнь города и пуэбло долины Мехико, что говорит о силе этой культурной традиции (9–10). В мезоамериканской религиозной традиции год делится

<...> на две половины, сухой сезон и сезон дождей... что является отражением дуализма, пронизывающего все мезоамериканское мировоззрение и структурирующего характерные для него концепции времени и пространства... Брода <...> указывает, что в случае долины Мехико этот дуализм отмечен двумя основными праздниками, Святого Креста (3 мая) и Днем мертвых, который охватывает дни с 31 октября до 2 ноября. Первый праздник представляет собой прошение дождя, сопровождающееся различными ритуалами... День мертвых представляет собой церемонию сбора урожая... (Medina 2005: 173).

Праздник Сретения Господня (2 февраля) состоит в благословении фигурки младенца Христа. Его наряжают в различные одежды, в зависимости от того, хотят ли воздать благодарность за уже произошедшее «чудо» или исполненную просьбу или же речь идет о новой просьбе. Ритуал происходит в присутствии священника в специальной нише, которую в автохтонных пуэбло наполняют семенами кукурузы, фасоли, пшеницы и / или тыквы, предназначенными для посева в тот же день. Этот праздник, с одной стороны домашний, с другой – многолюдный, стоит в одном ряду с праздником Святого Креста и Днем мертвых:

Весь пуэбло собирается для того, чтобы реализовать ритуальные действия, символически маркирующие территорию, дома, храмы, кладбища, но в особенности домашние алтари. Именно таким образом создается и воспроизводится множество сетей обмена, в которых потреб-

ление еды и алкогольных напитков играет существенную роль... Функция священника ограничена сопровождением процессии, то есть обеспечением собственно обрядовой части католического ритуала. Однако главным местом действия остается дом, и главную роль в происходящем играют хозяева... (Medina 2004: 179).

Праздничный календарь, основанный на мезоамериканском сельскохозяйственном цикле, дополняется общинным циклом. Последний включает в себя праздник святого покровителя пуэбло, который является связующим звеном с другими пуэбло и их святыми покровителями. Таким образом складывается один из важнейших элементов мировоззрения, который транслируется и воспроизводится посредством семей и членов общин.

Как указывает Лосада (2007: 9–10), христианство, насаждавшееся колонизаторами, было вынуждено приспособливаться и вбирать в себя образы доиспанских божеств под маской христианских святых. В результате религиозный ритуал оказался обогащен множеством смыслов, восходящих к мезоамериканскому календарю.

В современную эпоху, когда государственное понимание истории транслируется в рамках школьного образования, рассматриваемые праздничные циклы переплетаются также с государственными праздниками и памяtnыми датами. Наиболее существенными стали День независимости, день начала мексиканской революции, дни рождения национальных героев, дни великих битв. Также среди наиболее значительных праздников можно назвать День матери, День учителя, праздник окончания учебного года. Важную роль играет церемония поднятия государственного флага каждый понедельник. При этом в школах также отмечаются День мертвых, рождественские праздники и день волхвов, Сретение Господне (подробнее о школьных праздничных циклах в автохтонных пуэбло см. Ornelas 2005, 2007a, 2007b, 2010).

Таким образом, мы наблюдаем очевидную взаимосвязь праздничного цикла, общинной организации и идентичности жителей пуэбло. Общинная организация, одна из основных функций которой – поддержание праздничного цикла, уходит корнями, в том числе, в доиспанские политические институты. Этот праздничный цикл порождает широкую сеть социального обмена и культурного воспроизводства, в которую включены жители пуэбло.

Современные проблемы автохтонных пуэбло

Население, затронутое ростом Мехико, далеко от исчезновения в ходе «модернизации». Оно вырабатывает сложную стратегию выживания, которая позволяет ему воспроизводиться и становиться частью общественной и культурной жизни города... Этот факт вступает в противо-

речие с мощным колониальным евроцентристским наследием, которое доминирует в городской культуре, а также статусом мегаполиса, который подразумевает серьезное воздействие глобализации. Однако этот же самый процесс открывает возможность признания и влияния движения индейских народов (Medina 2004: 158).

Антропологи отмечают, что десятки автохтонных пуэбло и кварталов проявляют поразительную способность к сопротивлению и жизнеспособность (Gómezcésar 2011: IX–X). Они сохраняют приверженность своей социальной организации и культуре, где центральную роль играет народная религиозность, основанная на синкретизме католичества и доиспанских верований. Однако наряду с этим некоторые из них сдались под внешним давлением и оказались неспособны противостоять продаже общинных земель. Это приводит к превращению сельскохозяйственных угодий в урбанизированную зону.

Традиционной проблемой для пуэбло, не утрачивающей свою актуальность, можно считать земельный вопрос. Уже с 1940-х гг. вследствие роста мексиканской столицы начался процесс экспроприации земель пуэбло для использования их для жилищного строительства и нужд развивавшейся индустрии города. Этот процесс был отмечен несправедливыми решениями и злоупотреблениями со стороны властей. Например, в Истапалапе 16 пуэбло потеряли свои чинампы¹ в результате президентского декрета и, таким образом, утратили важный элемент своего культурного наследия. Пуэбло Сан Педро Мартир 14 раз подвергался экспроприации земель, включая территории, которые сегодня занимает Военное училище (Gómezcésar 2011: VIII–IX), трасса Мехико – Куэрнавака, Федеральное шоссе, проспект Инсурхентес, экологический заповедник в ведении Комиссии по регулированию землепользования. Эти пуэбло не только лишились земли, их территория была урезана, отчуждена и занята, органы их самоуправления также исчезли, когда они утратили статус муниципального образования и превратились в округа столицы. Это уничтожило сельскохозяйственную основу многих пуэбло, как указывает Гомессесар (VIII–IX).

Сельскохозяйственное законодательство периода президентства Мигеля Алемана имело многогранное влияние на индейское население. Речь идет, в том числе, о создании Национального индихенистского института и внедрении разнообразных антропологических и образовательных программ при поддержке международных организаций:

Сельскохозяйственное законодательство режима Мигеля Алемана (1946–1952) и сопутствовавшие ему политические и экономические мероприятия можно характеризовать как аграрные контрреформы. Связанное с ними строительство больших гидрологических и гидроэлектрических систем больно ударило по автохтонному, преимущественно

индейскому, населению долин задействованных рек... В этих условиях президентским указом от 1 декабря 1948 года был основан Национальный индихенистский институт, во главе которого встал Альфонсо Касо. Первые координационные центры создавались в регионах, густо населенных индейскими общинами... Именно община была объектом программ развития начального образования, которые спонсировались ЮНЕСКО, и программ по прикладной антропологии, внедрявшихся различными агентствами США (Medina 2007: 183).

Как указывает Мария Ана Портал (1997), к концу 1960-х гг. рост Мехико ускорился, строительство дорожных магистралей приводило к вторжению в пригородную зону, в северной части которой осела значительная часть мигрантов, ставших рабочими. Что касается южной части долины, сельское пространство здесь было урбанизировано, что привело к изменению типично сельской социальной структуры.

Несмотря на драматичные испытания, индейские общины вновь и вновь воссоздаются. Это связано с преемственностью сельскохозяйственной деятельности по выращиванию кукурузы, социализирующей ролью больших общинных праздников с их густой сетью обмена, с паломничеством, маршруты которого связывают древние мезоамериканские центры (Medina 1997: 17). Автохтонные пуэбло, хотя и поглощаются городским пространством, превращаются в городские округа. Они теряют свою территорию вследствие городского роста и давления рынка недвижимости.

Новым вызовом для культурной преемственности в пуэбло можно считать переход части жителей пуэбло в протестантизм, что становится препятствием для их участия в церемониальном и праздничном циклах.

Заключение

Около четверти века назад начался процесс укрепления идентичности обитателей автохтонных пуэбло. Это было отражением как внутренних процессов пуэбло, так и политических изменений в Мехико, позволивших населению выйти на новый уровень демократического участия. Одновременно с этим шел крайне сложный и противоречивый процесс строительства новых транспортных узлов и магистралей, затрагивавший сельскохозяйственную и лесную зоны рассматриваемой территории (см., например, Gómezcésar 2011: X–XI). Автохтонные пуэбло впервые получили статус особых социальных общностей по Закону о гражданском участии. У них появилось представительство в форме Советов Пуэбло, а V Законодательная ассамблея Федерального округа начала работу над особым законом об Автохтонных пуэбло и этнических общинах. С 21 июля 2014 г. он получил название «Закон об автохтонных пуэбло и кварталах и коренных общинах Федерального округа».

С точки зрения Клаудии Сапаты (Zapata 2006: 474), в контексте современных движений за права коренных народов Латинской Америки их «культура» рассматривается ими как центральный элемент их участия в политических процессах. Термину «народ» в индейском движении придается политическое значение в рамках международного права, увязывающего этот термин с территорией, суверенитетом и самоопределением (2006: 489). Это верно не только для Мексики, но и для других латиноамериканских стран. В автохтонных пуэбло долины Мехико региональная и этническая идентичность становится основой политических требований, например особых прав на землю, водные и лесные ресурсы.

Такие государственные учреждения, как Министерство сельского развития и равноправия общин (SEDEREC) (GDF VI Legislatura 2014), выдвигают среди своих задач поощрение равноправия, равных возможностей и социальной справедливости посредством реализации программ поощрения мультикультурного характера Мехико – «Дома для всех народов». Это министерство оказывает, в том числе, финансовую поддержку институтам гражданского общества в автохтонных пуэбло и кварталах. Такого рода поддержка, в свою очередь, идет в русле норм международных организаций о разнообразии и поликультурности, документы которых были подписаны Мексикой в течение нескольких десятилетий, а также частично реализует соответствующие конституционные нормы. Тем не менее тезис Бонфиля Батальи о «невидимости» индейского населения частично сохраняет свою актуальность и в современном Мехико, так как борьба за их равноправие далека от завершения. Это справедливо как для индейских мигрантов, так и для автохтонных обитателей территории столицы.

Антропологическое изучение автохтонных пуэбло долины Мехико идет в разнообразном, богатом исследовательском поле. Культурный облик пуэбло представляет собой перекресток сельского и городского, современного и «традиционного». Важно подчеркнуть, что антропологическая работа в рамках этой тематики не направлена на поиск или попытку воссоздания так называемой традиции. Различные элементы, которые представляют собой основу современной реальности и идентичности жителей пуэбло, являются объектом исследования многих дисциплин и частью множества тематических сфер. К числу таких тем относятся, например, общинное землевладение и его связи с исторической памятью, общинная идентичность, что рассматривается в том числе и с позиций антропологии пространства. Праздничный цикл, одна из основ общинной организации, связан с широкой темой мифологического мировоззрения, которое отражается в концепциях, идеях, верованиях, повседневных практиках и ритуалах. Все это, в свою очередь, связано с мезоамериканским мировоззрением. Этнографическое, социо-

культурное и сравнительное изучение автохтонных пуэбло Мехико может играть и, как нам видится, действительно играет фундаментальную роль в объяснении причин сохранения доиспанских и колониальных мировоззренческих и культурных элементов в современных мегаполисах Латинской Америки.

Примечания

¹ Чинампа — земельный участок на искусственном острове, характерный для сельскохозяйственной культуры населения Мезоамерики.

Литература

- Beltrán A., Arciniega P. 1981. 225 p. URL: http://www.nacionmulticultural.unam.mx/100preguntas/pregunta.html?c_pre=29&tema=2 (asseced: 04.10.2015).
- Briseño V. Diagnóstico de las funciones y facultades de los Coordinadores de Enlace Territorial de las Delegaciones del Sur del D.F., Secretaría de Desarrollo Social. Dirección General de Equidad y Desarrollo Social / Dirección de Atención a Pueblos Indígenas / Dirección General de Participación Ciudadana. Gobierno del Distrito Federal. 2002.
- Broda J. Relaciones políticas ritualizadas: el ritual como expresión de una ideología // Economía política e ideología en el México prehispánico / Eds. by Pedro Carrasco y Johanna Broda. México: Editorial Nueva Imagen, 1978. P. 221–255.
- Broda J., Félix Báez J. (Coords.). Cosmovisión, Ritual e Identidad de los Pueblos indígenas de México. México, CONACULTA, FCE (Biblioteca Mexicana), 2001. P. 67–163.
- GDF VI Legislatura, Asamblea de Todos, SEGOB CEDEREC, CEJUR, Consejo de los Pueblos y Barrios originarios del DF (julio 2014), Propuesta de Anteproyecto de Iniciativa de Ley de Pueblos y Barrios Originarios y Comunidades Indígenas Residentes del Distrito Federal. 55 p. URL: <http://sederec.df.gob.mx/sites/default/files/ANTEPROYECTO%20FINAL.pdf> (accessed: 11.10.2014).
- Gómezcésar I. Introducción. Los pueblos y la Ciudad de México // Álvarez, Lucía (Coordinadora) Pueblos urbanos. Identidad, ciudadanía y territorio en la Ciudad de México. UNAM-Centro de Investigaciones Interdisciplinarias en Ciencias y Humanidades-CEUCH/Miguel Ángel Porrúa (México y Democracia. Serie Estudios Urbanos), 2011. P. V–XVI.
- López Austin A., Millones L. Dioses del Norte y Dioses del Sur. Religiones y cosmovisión en Mesoamérica y los Andes. México: Era, 2008.
- Losada T. La morada de los dioses Universidad Nacional Autónoma de México. Facultad de Ciencias Políticas y Sociales. México, 2007. 223 p.
- Medina A. Los sistemas de cargos en la Cuenca de México: una primera aproximación a su trasfondo histórico // Alteridades. 1995. Vol. 5, núm. 9. P. 7–23. México, UAM-I.
- Medina A. Presentación // Portal Ariosa, María Ana Ciudadanos desde el pueblo. Identidad urbana y religiosidad popular en San Andrés Totoltepec, Tlalpan, México, D.F. México. CONACULTA Culturas Populares-UAM Iztapalapa, 1997. P. 9–19.
- Medina A. La textura india de la Ciudad de México // Antropológicas. 2000. Núm. 17. P. 5–17.
- Medina A. Ciclos festivos y Rituales en los pueblos originarios de la Ciudad de México: Las comunidades de Tláhuac // Yanes P. et.al. (coords.) Ciudad, Pueblos indígenas y Etnicidad. México: Universidad de la Ciudad de México, 2004. P. 151–189.
- Medina A. La memoria negada de la Ciudad de México: sus pueblos originarios. México: UNAM/IIA/UACM, 2005.
- Medina A. Sistema de cargos y comunidad. Nuevos aportes a una vieja discusión // Giglia, Ángela, Garma, Carlos y Teresa Ana Paula de (Compiladores) ¿A dónde va la antropología? México, Universidad Autónoma Metropolitana. Unidad Iztapalapa. Departa-

- mento de Antropología #7 Colección Biblioteca de Alteridades. Coedición: Ediciones y Gráficos Eón / Tecnigraf Editorial, 2007. P. 177–217.
- Nadal A. Maíz y medio ambiente: efectos del TCL. La Jornada, México City, 1999. URL: <http://serpiente.dgsca.unam.mx/jornada/1999/abr99/990401/cam-maizmedio.ht> (accessed: 04.10.2015).
- Ornelas G. Práctica docente y dinámica cultural en la escuela primaria. México, Cámara de Diputados LIX Legislatura (Serie: Conocer para Decidir) / UPN/Miguel Ángel Porrúa, 2005.
- Ornelas G. El ciclo festivo escolar en un pueblo del sur de la Cuenca de México // Medina, Andrés (coordinador) La memoria negada de la Ciudad de México: sus pueblos originarios. México, Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Antropológicas-Universidad Autónoma de la Ciudad de México / Centro de Estudios sobre la Ciudad, 2007a. P. 313–342.
- Ornelas G. Narraciones míticas y procesos rituales en la escuela y su entorno. México: Universidad Pedagógica Nacional, 2007b.
- Ornelas G. Cosmovisión en la escuela primaria. Una aportación a la antropología educativa // Cuicuilco. Revista de la Escuela Nacional de Antropología e Historia. 2010. Nueva Época. Volumen 17, núm. 48. Enero-junio 2010. P. 297–321.
- Ornelas G., Irigoyen A. Sistema de cargos y cosmovisión en sujetos educativos en la construcción de ciudadanía // “Circolo Amerindiano” Onlus. Actas del XXXVI Convegno Internazionale di Americanistica Centro Studi Americanistici. Sessioni: Politiche pubbliche, istituzioni e democrazia in America latina, coordinada por la Dra. Beatriz Calvo Pontón, Perugia, Italia, 2015.
- Portal María Ana. Ciudadanos desde el pueblo. Identidad urbana y religiosidad popular en San Andrés Totoltepec, Tlalpan, México, D.F. México, UAM-I/CONACULTA, 1997.
- Tadeo R. Sistema de Cargos y elecciones comunitarias en San Juan Ixtayopan, Tláhuac, Distrito Federal. México: ENAH Tesis de Licenciatura en Etnología, 2005.
- Zapata C. Identidad, nación y territorio en la escritura de los intelectuales mapuches // Revista Mexicana de Sociología 68. 2006. Núm. 3 (julio-septiembre, 2006). P. 467–509.

Статья поступила в редакцию 6 октября 2015 г.

Ornelas Tavarez G.E., Soldatova A.E.

AUTOCHTHONOUS PUEBLOS OF THE VALLEY OF MEXICO: MAIN APPROACHES TO ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article deals with the main approaches which developed in the historiography of anthropological research on autochthonous Pueblos of the valley of Mexico. It is about former rural settlements located around the modern Mexican capital which have become a part of the megalopolis. The focus of authors is placed on the history of emergence of the term “autochthonous Pueblos” in the context of the history of Mexico in the second half of the 20th century, the specific characteristics of their social organization and the holiday cycle as well as the key elements of identity of their inhabitants as represented in Mexican anthropologists’ works.

Keywords: Mexico, indigenous population, Pueblo, holiday cycle, social organization, identity, historiography

DOI: 10.17223/2312461X/10/4

References

- Beltrán A., Arciniega P., 1981, 225 p. URL: http://www.nacionmulticultural.unam.mx/100preguntas/pregunta.html?c_pre=29&tema=2 (Assecced 04.10.2015).

- Briseño, Verónica. *Diagnóstico de las funciones y facultades de los Coordinadores de Enlace Territorial de las Delegaciones del Sur del D.F.*, Secretaría de Desarrollo Social. Dirección General de Equidad y Desarrollo Social / Dirección de Atención a Pueblos Indígenas / Dirección General de Participación Ciudadana. Gobierno del Distrito Federal. 2002.
- Broda, Johanna. Relaciones políticas ritualizadas: el ritual como expresión de una ideología, *Pedro Carrasco y Johanna Broda (eds.)*, *Economía política e ideología en el México prehispánico*. México, Editorial Nueva Imagen, 1978, pp. 221-255.
- Broda, J., Félix Báez J. (Coords.). *Cosmovisión, Ritual e Identidad de los Pueblos indígenas de México*. México, CONACULTA, FCE (Biblioteca Mexicana), 2001, pp. 67-163.
- GDF VI Legislatura, Asamblea de Todos, SEGOB CEDEREC, CEJUR, Consejo de los Pueblos y Barrios originarios del DF (julio 2014), Propuesta de Anteproyecto de Iniciativa de Ley de Pueblos y Barrios Originarios y Comunidades Indígenas Residentes del Distrito Federal.55p. URL: <http://sederec.df.gob.mx/sites/default/files/ANTEPROYECTO%20FINAL.pdf> (Accessed 11.10.2014).
- Gómezcésar, Iván. Introducción. Los pueblos y la Ciudad de México, *Álvarez, Lucía (Coord.) Pueblos urbanos. Identidad, ciudadanía y territorio en la Ciudad de México*. UNAM-Centro de Investigaciones Interdisciplinarias en Ciencias y Humanidades-CEUCH/Miguel Ángel Porrúa (México y Democracia. Serie Estudios Urbanos), 2011, pp. V-XVI.
- López Austin, A., Millones, L. *Dioses del Norte y Dioses del Sur. Religiones y cosmovisión en Mesoamérica y los Andes*. México, Era, 2008.
- Losada, Teresa. *La morada de los dioses Universidad Nacional Autónoma de México*. Facultad de Ciencias Políticas y Sociales. México, 2007, 223 p.
- Medina, Andrés. Los sistemas de cargos en la Cuenca de México: una primera aproximación a su trasfondo histórico, *Alteridades*, 1995, Vol. 5, no. 9, pp. 7-23.
- Medina, Andrés. Presentación, *Portal Ariosa, María Ana Ciudadanos desde el pueblo. Identidad urbana y religiosidad popular en San Andrés Totoltepec*, Tlalpan, México, D.F. México. CONACULTA Culturas Populares-UAM Iztapalapa, 1997, pp. 9-19.
- Medina, Andrés. La textura india de la Ciudad de México, *Antropológicas*, 2000, no. 17, pp. 5-17.
- Medina, Andrés. Ciclos festivos y Rituales en los pueblos originarios de la Ciudad de México: Las comunidades de Tláhuac, *Yanes P. et. al. (coords.) Ciudad, Pueblos indígenas y Etnicidad*. México, Universidad de la Ciudad de México, 2004, pp. 151-189.
- Medina, Andrés. *La memoria negada de la Ciudad de México: sus pueblos originarios*. México, UNAM/IIA/UACM, 2005.
- Medina, Andrés. Sistema de cargos y comunidad. Nuevos aportes a una vieja discusión, *Giglia, Ángela, Garma, Carlos y Teresa Ana Paula de (Compiladores) ¿A dónde va la antropología?* México, Universidad Autónoma Metropolitana. Unidad Iztapalapa. Departamento de Antropología #7 Colección Biblioteca de Alteridades. Coedición: Ediciones y Gráficos Eón / Tecnigraf Editorial, 2007, pp. 177-217.
- Nadal, A. *Maíz y medio ambiente: efectos del TCL*. La Jornada, México City, 1999. URL: <http://serpiente.dgsca.unam.mx/jornada/1999/abr99/990401/cam-maizmedio.ht> (Accessed 04.10.2015).
- Ornelas, Gloria. *Práctica docente y dinámica cultural en la escuela primaria. México, Cámara de Diputados LIX Legislatura* (Serie: Conocer para Decidir) /UPN/Miguel Ángel Porrúa, 2005.
- Ornelas, Gloria. El ciclo festivo escolar en un pueblo del sur de la Cuenca de México, *Medina, Andrés (coordinador) La memoria negada de la Ciudad de México: sus pueblos originarios*. México, Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Antropológicas-Universidad Autónoma de la Ciudad de México / Centro de Estudios sobre la Ciudad, 2007a, pp. 313-342.
- Ornelas, Gloria. *Narraciones míticas y procesos rituales en la escuela y su entorno*. México, Universidad Pedagógica Nacional, 2007b.
- Ornelas, Gloria. Cosmovisión en la escuela primaria. Una aportación a la antropología educa-

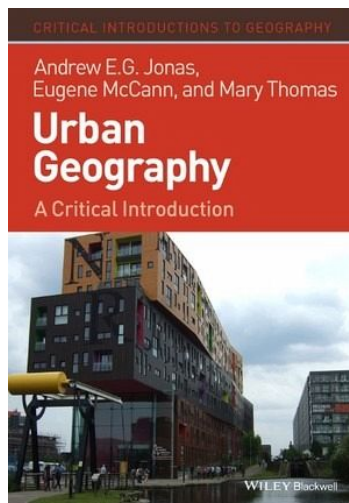
- tiva, Cuicuilco. *Revista de la Escuela Nacional de Antropología e Historia*. 2010, Nueva Época, Volumen 17, no. 48, enero-junio 2010, pp. 297-321.
- Ornelas, G., Irigoyen, A. Sistema de cargos y cosmovisión en sujetos educativos en la construcción de ciudadanía, "*Circolo Amerindiano*" Onlus. Actas del XXXVI Convegno Internazionale di Americanistica Centro Studi Americanistici. Sessioni: Politiche pubbliche, istituzioni e democrazia in America latina, coordinada por la Dra. Beatriz Calvo Pontón, Perugia, Italia, 2015.
- Portal, María Ana. *Ciudadanos desde el pueblo. Identidad urbana y religiosidad popular en San Andrés Totoltepec*, Tlalpan, México, D.F. México, UAM-I/CONACULTA, 1997.
- Tadeo, Rosalba. *Sistema de Cargos y elecciones comunitarias en San Juan Ixtayopan, Tláhuac, Distrito Federal*. México, ENAH Tesis de Licenciatura en Etnología, 2005.
- Zapata, Claudia. Identidad, nación y territorio en la escritura de los intelectuales mapuches, *Revista Mexicana de Sociología* 68, 2006, no. 3 (julio-septiembre, 2006), pp. 467-509.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.01

DOI: 10.17223/2312461X/10/5

Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. *Urban Geography: A Critical Introduction*. Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4 (Е.Г. Трубина)

Урбанистика интересна многим рецептами успешного городского развития, и на первый план часто выходит ее прикладной аспект. Этот же аспект доминирует в том, как урбанистика у нас преподается. Вузовское преподавание должно строиться на основе проверенного и доказанного знания, но ведь студентов нужно ещё и вдохновлять. Возможно, последним объясняется тот факт, что в кругах молодых и не очень молодых урбанистов в России устойчиво циркулируют несколько мифов: о Барселоне, которую проведение Олимпиады 1992 г. и иные меры, предпринятые местными властями, сделали моделью успешного городского развития, о Боготе, в которой прогрессивный мэр раз и навсегда решил транспортную проблему, о городе Мышкине Ярославской области, музейщики которого, вдохновленные консультациями москвичей, так раскрутили тему мыши, что туристский поток не иссякает. В то же время у нас мало изданий, в которых бы подробно и с учетом тенденций последних лет разбиралось, как в действительности обстоит дело в упомянутых городах и с помощью каких аналитических инструментов можно понять, почему успехи того или иного города почти всегда оказываются «стратегически» преувеличены. В учебнике, который с энтузиазмом рекламируется в этой рецензии, Барселона

разобрана подробно, а ее модельный статус упомянут со знаком вопроса (р. 152–153). Авторы рассказывают куда более знакомую нам по отечественным городским процессам историю о том, как язык гражданского участия и демократизации был использован властями каталонской столицы для оправдания неолиберальных схем переустройства города. Привлечение внешних инвестиций для переделки тех кварталов города, что были сочтены устаревшими, шло под аккомпанемент разговоров о городской демократизации. Чтобы построить новые набережные и новый иконический архитектурный комплекс, объединивший отели, порт и офисы, нужно было многое снести, и это пробудило конфликты, которые возглавили радикальные планировщики и архитекторы, анархисты и недавние мигранты. Реальная история современной Барселоны сопряжена с конфликтами, а ее успехи в качестве модели современного городского предпринимательства достаточно скромны. Однако политикам в этом городе, как и их коллегам в разных частях света, приглашенная история об успехах, в которой нет места конфликтам, – гораздо дороже. И она же, приглашенная история, разошлась по урбанистическому миру. Разбираемый автором рецензии учебник как раз выводит конфликты на первый план, подчеркивая их неизбежность в условиях остро неравномерного развития городов, но он хорош не только этим.

Современное географическое знание о городах также включает целый ряд сложных теорий: «не-репрезентативную» и теорию антропоцена, акторно-сетевую и теорию мобильности, реляционную и теорию глобализации. На своих конференциях географы с интересом слушают философов Джудит Батлер и Уильяма Конноли и обсуждают приложимость идей Мартина Хайдеггера для работников парков и Жили Делёза для понимания тонкостей работы камер наружного наблюдения. Все это свидетельствует о том, что концептуальная сложность в самых разных ее вариантах представителями этой группы дисциплин приветствуется. Как они, однако, умудряются все это преподавать? Такой вопрос возникает весьма часто, и в предлагаемой читателю рецензии речь пойдет о том, как городская география «упаковывается» для студентов.

Коллегам удастся это делать, не поступаясь сложностью. Они не только не теряют молодого читателя посередине главы, но и пробуждают в нем критический интерес к происходящему. Такой интерес далеко не всегда находит поддержку и одобрение в рядах отечественных урбанистов. К примеру, на недавней конференции «Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы», прошедшей в ноябре 2015 г. на географическом факультете Московского государственного университета участник панели по микроурбанистике не без раздражения заметил во время дискуссии об использовании властями получаемого нами эмпирического знания:

«Нельзя же все мыслить только в терминах борьбы». Причиной этого упрека было то, что на дискуссии критически обсуждались полученные учёными результаты и возможность их «продажи» властям. Критика интерпретации ряда полученных результатов, насколько понял автор данной рецензии, была интерпретирована некоторыми присутствующими как проявление чрезмерной, «левацкой» непримиримости. Подтекстом этой краткой дискуссии было, по-видимому, допущение, что сейчас дороже всего культивирование социального мира и забота о позитивных эмоциях граждан (и властей). Авторы учебника, о котором здесь идет речь, назвав одну (вторую) главу «Кому предназначены города?», а другую (тринадцатую) «Городской кризис», именно критический взгляд на города ставят в центр учебника, намереваясь использовать город «как линзу для формулирования критических понятий, позволяющих пролить свет на то, как можно изменить широкие (капиталистические, колониальные, расистские, мисогонистские, гетеронормативные) социальные процессы, отношения и структуры власти» (р. 306; здесь и далее номера страниц приведены по электронному варианту книги, купленному в Amazon; перевод мой. – *Е.Т.*).

Авторы предваряют свой текст такими словами: «Мы написали этот учебник, чтобы передать студентам наследие критических городских исследований и подчеркнуть, что центральной для изучения городов является борьба за социальную справедливость. Мы также хотим побудить студентов к мысли о том, как они могли бы далее развить и критическую мысль, и активизм» (р. xiv). Иными словами, современные сложные теории не рассматриваются авторами отдельно от критической теории, а взятые вместе, они не рассматриваются лишь в качестве теорий. Подчеркнем, что безопасно удаленные от обращения к конкретному соотношению сил в городах варианты изложения городской географии тоже, конечно, встречаются. Привлекательность же данного учебника в том, что теории в нем используются для того, чтобы мыслить город как место «радикальных интервенций и альтернативных форм политического действия» (Там же). Более того, объясняя замысел книги, авторы подчеркивают свое желание дистанцироваться от тех учебных нарративов, которые явно либо неявно продвигают интересы и ценности городских элит. Книга, подчеркивают они, нацелена на то, чтобы «раскрыть переживания, жизнь, практики, борьбу и язык простых жителей и разных социальных групп... что требует не только критики преобладающего неолиберального взгляда на город, но и обнажения “обычной географии” города во всех ее формах» (Там же).

Демократичность взгляда авторов сочетается со скепсисом в отношении превращения урбанистики в площадку для преследования интересов экспертов, в частности, продажи ими своей экспертизы городским властям. Но, возможно, достаточно просто устраивать дебаты,

вовлекая горожан в разговоры о городе на доступном им языке? Нет, подчеркивают составители: участие в городской жизни и в качестве простых жителей будет более эффективным, если знать нужные критические понятия. В противном случае вы, объясняют они, будете неосознанно воспроизводить статус-кво, так как повседневное, «простое» понимание города консервативно и в него встроено желание стабильности и нежелание перемен. Лучше, настаивают они, «вооружиться» (их термин) такими понятиями и идеями, которые помогут организации дебатов, а главное, поддержат критический интерес к городу. Этот интерес совсем не обязательно должен реализоваться по месту жительства. Так, «сообщество» (понятие, которое активно обсуждается в России и активистами, и учеными) авторы учебника мыслят не как группу живущих по соседству людей, а как характеризующуюся общностью культуры, ценностей или интересов группу людей, общению которых способствуют коммуникационные технологии (р. 309). Принадлежать к сообществу критически мыслящих городских географов, это значит и принадлежать изучаемому миру городов, и сознавать неполноту понимания этого мира, и быть пристрастным, т.е. быть готовым занять определенную интеллектуальную и политическую позицию, не отождествляясь в то же время с какой-то одной политической ортодоксией, и ставить под вопрос общепринятые ходы мысли о городах и городских исследованиях, и участвовать в попытках изменить города (р. xvi).

В словаре, прилагаемом к учебнику, помимо экономических понятий (к примеру, различные варианты ренты) и хорошо знакомых терминов вроде «зонирование», «бренд», «мобильность», «масштаб», «джентрификация», «пост-колониализм», «креативный класс» и «неолиберализм», мы находим такие, как «жесткая экономия» (*austerity*), «спекуляция», «основанные на спекуляции стратегии развития», «рантье», «тюремно-промышленный комплекс», «экологический расизм», «карцерное общество». Кажется, что для всех самых тревожных сторон жизни современного города – бизнеса на безопасности, последствий реализации безответственных финансовых схем, жесткой сегрегации и разрыва в доходах – географами найдены новые понятия. Мы также находим целый ряд терминов, которые очень любят городские власти, ибо с их помощью удастся отвлечь внимание жителей от насущных проблем и строить дорогое новое на месте исторически значимого старого и т.д. («городское обновление» (*urban renewal*), Hope VI – американская федеральная программа обновления социального жилья (которая нередко только ускоряет превращение жилых домов в зоны смешанного использования)). В словарь включены такие вариации левевского «права на город», как «право присвоения» – стремление обычных горожан к большему контролю над тем, как используются публичные пространства, «право на еду» – определенное международ-

ными организациями и отстаиваемое активистами, борющимися с бедностью, «право на участие», фиксирующее роль горожан в определении городского пространства и исполняемое посредством демократических процедур.

Среди особенностей городской политики авторы рассматривают (глава четвертая «Мир городов») повседневную глобальность, далекую от победных рапортов об экономических победах глобальных городов Токио, Нью-Йорка и Лондона. Они, к примеру, используя понятие «мобильная политика», демонстрируют выстраивание продуктивных связей и обмен опытом городских администраций по работе с проблемными группами горожан. Если в России популярность теорий городской мобильности приводит к тому, что исследователи наблюдают за повседневными практиками пассажиров транспорта и велосипедистов (что тоже важно), авторы учебника сосредоточились в этой главе на мобильности городской политики. Она проявляется в «путешествиях» успешных практик из одного города в другой в лэптопах и слайдах экспертов. То, как именно объединятся в том или ином городе местные и привлеченные ресурсы и популярные модели управления, идеи, почерпнутые в других местах, и местная политическая культура, в точности предсказать нельзя, хотя заметно, что неолиберальные рецепты («креативные кластеры», «устойчивое развитие» и т.д.) более популярны, нежели социально ориентированные. Возможно, именно этим объясняется то, что в качестве примера глобально циркулирующих моделей городского управления авторы рассматривают те, что, скорее, ставят под вопрос преобладающие способы решения городских проблем.

Так, они рассматривают прогрессивные методы работы с «одной из самых маргинальных и стигматизированных групп городского населения» – наркоманами (р. 95–97). Хотя преобладающим является стремление властей «криминализовать» наркоманов, они рассказывают, как сложившийся в Швейцарии так называемый подход четырех опор, был использован в канадском Ванкувере. В Ванкувере в середине 1980-х были зафиксированы большое число смертей от передозировки наркотиков и высокий процент ВИЧ-инфицированных людей. Кроме создания политической коалиции, ратовавшей за изменения в политике по отношению к наркоманам, городское правительство направило своих работников в Европу изучать, в частности, швейцарский опыт четырех опор, включающий стандартные методы предотвращения, лечение, уголовное наказание и иной подход, исходящий из того, что надо пытаться сокращать вред, наносимый наркотиками. Программы, стремящиеся сократить вред, включают раздачу метадона, чистых игл и даже организацию особых мест, где наркоманы могут осуществить инъекцию стерильной иглой и побыть некоторое время под наблюдением специалистов. Это место было в Ванкувере организовано в 2003 г., а в 2011 г.

Верховный суд Канады его легализовал, в 2012 г. им воспользовались свыше девяти тысяч человек. Теперь *Insite* (так называется это необычное место) посещают люди из других мест, включая студентов-географов (в книге приведена их фотография). Такие примеры подтверждают решимость авторов уйти от представления о городской географии лишь как средоточии «позитивных» либо нейтральных знаний о жилой среде, зонировании, креативности и рассказать студентам о том, как в мире работают со стигматизированными горожанами.

Учебник прекрасно иллюстрирован: есть фото протестов рабочих в Гонконге и строителей в Дубае, знаменитого нью-йоркского парка The High Line и критических инсталляций Ай Вайвая, израильских солдат, допрашивающих палестинцев, и популярного в Бразилии ресторана, пустующих в результате кризиса домов в США и рекламы быстрых кредитов там же, протеста Красных рубаш в Бангкоке и тюрем в США, есть сведенные в таблицу сведения о том, сколько проезжают люди от дома до работы и сравнительная характеристика городского развития при фордизме и постфордизме, постер о кризисе доступного жилья в Бостоне и парк, разбитый на месте сталелитейного завода в немецком Дюисбург Норд.

Учебник состоит из четырнадцати глав. Первая («Подступаясь к городу») ведет речь о том, что значит быть географом и быть урбанистом – вопрос, постоянно обсуждаемый и на наших конференциях. В ней также говорится об основаниях дисциплины городской географии. Три главы посвящены экономическим основам городской жизни: третья («Производство, экономика и город»), пятая («Труд и город») и девятая («Формируя и продавая имидж города»). Политика обсуждается в седьмой («Управляя городом») и в двенадцатой главах («Альтернативные городские пространства и политики»). Городской повседневности и ее эстетическому измерению посвящены три главы. В главе шестой («Город и социальное воспроизводство») разбирается, как люди восстанавливаются после работы, какие возможности для сна, отдыха, ухода за собой и детьми, удовольствий город им предоставляет. В восьмой главе («Переживая города») речь идёт о разнообразии городского опыта: глава открывается сообщением о том, что только один из двадцати индийцев имеет возможность справить нужду в уединении туалета, а завершается пересказом документального фильма «Военная зона» (1998), в котором режиссер Мэгги Хадли-Уэст пытается завязать разговор с мужчинами, окликающими ее на улице, и посредством этого понять, почему во многих городах мужчинам гораздо комфортней. В главе одиннадцатой («Городское искусство и визуальная культура») на примере искусства Бэнкси обсуждаются визуальные символы городов и в городах и их создатели, связь между эстетикой и идеологией, строительство небоскребов для демонстрации глобальных амбиций

властей, «художественный способ производства» (понятие, введенное Шэрон Зукин) и в целом экономическое использование искусства, дизайна и архитектуры. В десятой главе «Природа и окружающая среда в городе» также подчеркивается культурное измерение городской природы, в частности, то, что несмотря на последствия урагана Катрина, Новый Орлеан остается связанным с регионом дельты Миссисипи множеством путей – каналами, железными дорогами, инженерными системами, канализацией, пищевыми привычками и даже джазом (р. 227). В пятой главе «Труд и город» географию городского труда авторы разбирают с помощью понятий *динамической зависимости* между практиками найма, рынком труда и социальной географией города, введенных географами Сьюзен Хансон и Джеральдиной Пратт в результате полевых исследований в деиндустриализующемся крупном городе Вустер (штат Массачусетс) (Hanson and Pratt, 1992) и *ненадежного труда*.

В первом случае географы проблематизировали связь между рынком труда в городе, маршрутами людей от дома до работы и изменяющимся соотношением гендерных ролей. Глубинные интервью с работниками и работодателями в промышленности и сфере услуг г. Вустер убедили исследователей в том, до какой степени связаны с местом проживания представления работников о предпочтительных рабочих местах, а работодателей – об идеальных работниках. Наниматели активно используют свои географические знания – иногда они размещают свои фирмы поблизости от проживания желательных для них работников, они также размещают рекламу в местных газетах и рассчитывают, что слухи о привлекательных позициях разойдутся среди живущих поблизости людей.

Классической пространственной моделью, сложившейся после Второй мировой войны в Штатах, было сосредоточение офисной работы в центре, а массового производства и торговли – в пригородах. Гендерное разделение труда выражалось в том, что мужчины в костюмах были готовы покрывать большие расстояния ради хорошо оплачиваемой работы в центре, а женщины, особенно замужние, оставались в пригородах, поближе к дому, и работодатели, зная, что тем деваться некуда, часто им недоплачивали (на этот счет другими географами было сформулировано понятие «пространственная ловушка», в которую, считали они, попадали обитательницы пригородов). Работодатели же, как показали географы, авторы понятия «динамическая зависимость» Сьюзен Хансон и Джеральдина Пратт, стремятся нанимать людей, живущих недалеко от работы, и в итоге обитатели одних и тех же районов интересны нанимателям разных секторов рынка труда. Перемещение немалого числа офисов корпораций в пригороды может быть объяснено наличием большого числа женщин-работниц. Районы города и пригорода дифференцируются на основе того, какие маршруты перемещений между домом и работой формируют люди и какие возможности соци-

альной и культурной жизни для них остаются реальными. Знание города и окружающей местности становится частью опыта и работников, и нанимателей. Они вместе вносят вклад в сегментирование рынка труда, создавая микроскопические местные рынки труда. Последнее доказывает, что далеко не всегда в предпочтениях людей проявляются лишь экономические соображения.

«Ненадежный труд» – термин, фиксирующий кризис стабильной долговременной занятости и новые варианты найма и регулирования труда, такие как работа на основе кратковременных контрактов, работа в условиях полной свободы работодателей увольнять людей либо пересматривать их контракты. Формируются рекрутинговые агентства, специализирующиеся на оперативном найме людей для работы в конкретном проекте. Резонным ответом со стороны работников и городских сообществ является желание сопротивляться попыткам работодателей ограничить их права, и в учебнике рассмотрены процессы оспаривания жителями последствий деиндустриализации в Чикаго и лондонские кампании в защиту малооплачиваемых работников и работающих в сфере неформальной экономики (*living wage campaign*).

Чем ненадежнее занятость, тем важнее доступ к немногим общественным благам, уцелевшим в неолиберальные времена. В двенадцатой главе «Альтернативные городские пространства и политики» авторы ведут речь об изменяющейся природе публичного пространства (р. 259 и далее). Если раньше границы между приватным и публичным были четко очерчены и можно было спокойно радоваться зеленой траве парков, то сейчас не только площади и количество парков сокращаются, но и общественные пространства приватизируются в ходе джентрификации, создания торговых учреждений в центре города, а также спортивных и туристских мест. В зданиях российских университетов в результате их бюрократизации немногие пространства для общения (коридоры, холлы, столовые) сокращаются в результате отведения их частей под те или иные, более значимые с точки зрения администрации, нужды (кабинет для еще одного руководителя, музей или что-то еще).

Авторы справедливо замечают, что вторжение бизнеса в функционирование общественных пространств ставит под вопрос саму публичность города и объясняют популярность борьбы горожан за право на город. В этой борьбе по нарастающей отражается озабоченность милитаризацией повседневной городской жизни (тенденция, рассмотренная в главе о городском кризисе): от военной подготовки полицейских до дискриминации религиозных и этнических меньшинств в рамках борьбы с терроризмом, исчезновение пространственного разделения полиции и военных, что приводит к тому, что военные действуют «дома». Приводятся глубокие идеи Стивена Грэма о том, что военный образ

мышления нормализуется, представление о нации маскулинизируется, насилие романтизируется, в итоге чего между культурами, государствами, технологиями и гражданством формируется новые, милитаристские связи.

Книга компактна, в ней уважительно рассматриваются идеи десятков современных географов (Нила Смита и Дженнифер Робинсон, Моны Домош и Джейми Пека, Алексы Фарбер и Карен Тилл, Стивена Грэма и, конечно, Дэвида Харви). Очень советую ее проработать.

Е.Г. Трубина

Уральский федеральный университет

Литература

Hanson S., Pratt G. Dynamic dependencies: a geographic investigation of local labor markets // *Economic Geography*. 1992. No. 68. P. 373–405.

Рецензия поступила в редакцию 4 декабря 2015 г.

Trubina Elena G., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Review of Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. *Urban Geography: A Critical Introduction*. Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4.

DOI: 10.17223/2312461X/10/5

References

Hanson S. and G. Pratt. Dynamic dependencies: a geographic investigation of local labor markets, *Economic Geography*, 1992, no. 68, pp. 373–405.

УДК 316.347

DOI: 10.17223/2312461X/10/6

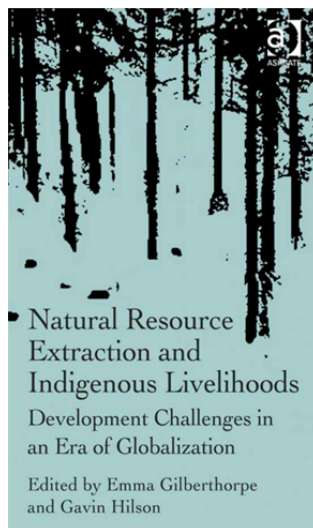
Emma Gilberthorpe and Gavin Hilson
(eds.): *Natural Resource Extraction
and Indigenous Livelihoods: Develop-
ment Challenges in an Era of Globali-
zation*. Surrey, Burlington: Ashgate
Publishing Limited, 2014.

ISBN 978-1-4094-3777-2 (hardback);

ISBN 978-1-4094-3778-9 (ebook);

ISBN 978-1-4094-7268-1 (epub)

(В.В. Поддубиков)*

Взаимоотношения добывающих компаний и местных сообществ – одна из наиболее актуальных и острых тем в современном академическом дискурсе, попадающем в исследовательский фокус социальной и культурной антропологии, а также связанных с ними научных дисциплин. Исследований по данной проблеме к настоящему времени опубликовано достаточно много. В их числе встречаются как попытки теоретического осмысления важнейших аспектов взаимодействия в системе «ресурсоизвлекающая индустрия – локальные сообщества», к примеру, через концепции устойчивого развития или ресурсного проклятия, так и доступные читателю в большом количестве описания отдельных проблемных (конфликтных) ситуаций, возникающих вокруг извлечения и распределения ресурсной ренты, содействия добывающих компаний местному развитию в районах добычи ресурсов, социальной ответственности бизнеса по отношению к уязвимым группам коренного населения и прочее.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (РНФ, грант № 15-18-00112).

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «*Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalization*» («Добыча природных ресурсов и жизнеобеспечение аборигенов: вызовы развития в эпоху глобализации»), изданная в 2014 г. под редакцией британских антропологов Эммы Джилберсорт и Гэвина Хилсона, успешно сочетает в себе оба отмеченных выше момента. С одной стороны, в ней представлен впечатляющий набор выполненных авторами *Case-Study*, иллюстрирующих разнообразие социальных проблем местных сообществ, актуальных в условиях промышленного освоения территорий их традиционного проживания. С другой стороны, представленные в монографии материалы выводят на размышления теоретического характера о содержании широко сегодня обсуждаемых принципов социальной ответственности промышленных корпораций (*Corporate Social Responsibility*), достижения ими модели устойчивого развития (*Sustainable Development*) и справедливой торговли (*Fair Trade*) в их применении к развитию взаимовыгодных отношений между компаниями добывающего сектора и сообществами местного населения.

Важная особенность рецензируемого издания состоит в том, что оно фактически свободно от привязки к какой-либо конкретной отрасли ресурсодобывающей промышленности, географическому региону, общественно-государственной системе или модели социально-экономического развития. Монография содержит подробно описанные примеры взаимодействия коренного населения и добывающих компаний в сфере добычи твёрдых полезных ископаемых и минеральных ресурсов, нефти, лесозаготовок, рыболовной промышленности. Рассматривается опыт многих стран с различным уровнем социально-экономического развития: от африканских государств до северных регионов Канады и США. В результате создается глобальная картина ресурсодобывающих производств и их влияния на локальные сообщества. Широкая палитра различных кейсов, представленных в книге, согласуется с разнообразным предшествующим опытом авторов, среди которых антропологи, экономисты, юристы, представители коренных народов, инженеры и другие специалисты. Их присутствие в составе авторского коллектива делает это издание уникальным с точки зрения обилия различных суждений по существу проблем взаимоотношений коренных народов и добывающих компаний.

Хотя первое прочтение данной книги требует некоторых усилий, всё с лихвой окупается открывающейся возможностью широкого сравнения различных случаев и оригинальных практик в сфере взаимодействия коренного населения с добывающими компаниями. В этом, пожалуй, заключается одна из наиболее ценных особенностей рецензируемого коллективного труда. Для лучшего его восприятия целесообразно

но знакомиться с представленными в книге материалами последовательно, группируя их по признаку применяемых в различных странах моделей управления процессом взаимодействия сообществ коренного населения и добывающих компаний.

Основное содержание рассматриваемой монографии начинается с трёх кейсов, описывающих проблемы в отношениях добывающих компаний и местных сообществ в развитых в социально-экономическом отношении странах с демократическими политическими режимами.

Так, в первой главе, «*Indigenous, Employment, Training and Retention: Successes and Challenges at Red Dog Mine*» (р. 11–36), американские антропологи Шэрман Хэлли и Дэвид Фишер анализируют проблемы взаимодействия общин инупиатов штата Аляска (США) с промышленными компаниями, управляющими свинцово-цинковыми рудниками в районе Рэд Дог Майн. Инупиатам принадлежат права на земли площадью более 2 миллионов акров, включая участки добычи полезных ископаемых, которые были ими добровольно переданы в пользование добывающим компаниям в соответствии с достигнутыми соглашениями (*Social License to Operate*). В регионе действует бизнес-корпорация с участием официальных представителей инупиатов и менеджмента добывающих компаний, на площадке которой обсуждаются все наиболее острые социальные проблемы коренного населения, в том числе ограниченные для него возможности получения образования, препятствующие реализации программ развития трудовой занятости местных жителей, а также проблема учёта культурных потребностей инупиатов, занятых в горнодобывающем производстве: к примеру, потребность практиковать традиционную охоту (*Subsistence Hunt*) и, соответственно, иметь возможность отсутствовать на рабочем месте на протяжении охотничьего сезона. В целом представленный авторами материал – пример успешной реализации добывающей компанией функции драйвера местного социально-экономического развития, основанного на принципах широкого вовлечения населения в управление самим процессом развития (*Strong Indigenous Control Over the Terms of Development*) (р. 33). Этот опыт представляется во многом ценным с точки зрения возможности его применения российскими компаниями энергетического сектора, ведущими разработки месторождений нефти, газа и угля на территориях основного проживания коренных (в том числе малочисленных) народов в северных регионах, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Существующая в настоящее время практика, к сожалению, не всегда опирается на принципы строгой социальной ответственности бизнеса в той части, которая связана с учётом интересов местных сообществ.

Вторая глава, «*Mining in Aboriginal Australia: Economic Impacts, Sustainable Livelihoods and Cultural Difference at Century Mine, Northwest*

Queensland» (р. 37–56), переносит читателя в районы добычи цинковой руды в Квинсленде (Австралия), где существует трёхстороннее соглашение между общинами коренных австралийцев, добывающими компаниями и региональным правительством. Авторы – австралийские исследователи Дэвид Мартин, Дэвид Триггер и Джонни Парментер – отмечают, что по данному соглашению десятки миллионов долларов, ежегодно выделяемых компаниями, направляются на финансирование бизнес-проектов коренного населения, а также нужд развития местной социальной инфраструктуры. Как и в предыдущем случае, опыт Австралии выглядит вполне позитивно и позволяет отметить, что добывающие компании в местных условиях действительно способствует росту благосостояния коренного населения при сохранении основ его культурной специфики (р. 51).

Практику сбалансированного социально-экономического и культурного развития сообществ коренных народов в районах действия добывающих компаний весьма отчётливо демонстрирует также канадский пример, который представили Джинджер Г. Макдональд, Джон Зои и Тэр Сеттерфилд в третьей главе, «*Reciprocity in the Canadian Dene Diamond Mining Economy*» (р. 57–74). Авторы анализируют отношения этнической группы тличо с компанией «Де Бирс», осваивающей месторождение алмазов Гахчо Кыюз на Северо-Западе Канады. Соглашение, подписанное руководством компании и общинами тличо, построено на принципах, учитывающих специфику культурной жизни и традиционного мировоззрения аборигенов, в том числе их представления о справедливом обмене, балансе взаимных интересов сторон, ценности земли и её ресурсов. Исходя из этого, менеджмент «Де Бирс» вынужден, в частности, отказаться от выполнения отдельных технологических операций на сакральных территориях тличо. Также компания с большим вниманием относится к обучению своего персонала, вовлечённого во взаимодействие с местными сообществами, основам традиционной этики и нормативной культуры тличо. Как отмечают авторы, в значительной степени тличо удалось достигнуть столь важного для них соглашения с добывающей компанией благодаря той развитой системе самоуправления, которую они сумели выстроить при поддержке со стороны Правительства Канады.

В четвёртой главе, «*The Money Rain Phenomenon: Papua New Guinea Oil and the Resource Curse*» (р. 75–92), Эмма Джилберсorp представила обзор практического опыта переговоров и выстраивания отношений между локальными группами фасу и иностранными компаниями, осуществляющими добычу нефти и газа в регионе Кутубу (Папуа – Новая Гвинея). Исследователь рассматривает данный кейс в контексте концепции ресурсного проклятия, которое отчётливо просматривается в феномене «денежного дождя», обрушившегося на локальные общины

фасу в виде компенсаций за нарушенную среду обитания и понесённые коренным населением потери в сфере традиционной хозяйственной деятельности. Автор, опираясь на данные собственных многолетних полевых исследований, доказывает, что, несмотря на существенные размеры выплачиваемой ресурсной ренты, она, к сожалению, не формирует основы для устойчивого развития местных сообществ.

Пятая глава, «*Fisheries in Coastal India: Extraction, Livelihoods and a Way of Life*» (р. 93–108), уводит нас от проблем горнодобывающих производств к современным тенденциям коммерциализации традиционного рыболовства у некоторых сообществ коренных народов Индии. Авторы – британский антрополог Дж. Эллистер Макгрегор и его индийские коллеги Винкатеш Салаграма и Адитья Бахадур – рассматривают различные аспекты трансформации традиционных систем жизнеобеспечения местных общин рыболовов в контексте провала политики централизованного регулирования процессов местного развития со стороны Правительства Индии. Данный кейс отчётливо демонстрирует возможную эффективность местного самоуправления на пути содействия устойчивому локальному развитию, а также очерчивает перечень наиболее острых социальных проблем общин коренных народов, возникающих в связи с их интеграцией в пространство коммерческого рыболовства и соответствующие рынки. В данном контексте интересна высказанная авторами мысль о том, что уход индийского государства от проблемы регулирования и поддержки традиционного рыболовства фактически стал главной причиной, предопределившей необходимость самоорганизации общин коренных народов.

Высокая степень централизации государственной политики в сфере промышленного освоения недр, а также регулирования отношений между добывающими компаниями и местными сообществами характерна для опыта Эквадора, описанного британскими исследователями Ксименой Вернарс и Энтони Беббингтоном в шестой главе, «*Negotiable Differences? Conflicts over Mining and Development in South East Ecuador*» (р. 109–128). В данном случае перед нами модель национальной экономики, в существенной степени основанной на добывающей промышленности, которая глубоко противоречит потребностям местных сообществ коренных народов в сохранении среды обитания и основ исконной культуры жизнеобеспечения. Расширенная практика добычи невозобновляемых ресурсов на землях коренных народов Эквадора входит в конфликт с традиционными представлениями этих народов о неразрывной связи человеческого общества и природной среды, что рождает довольно активное протестное движение, выступающее за ограничение добычи полезных ископаемых. Авторы провели глубокий анализ данного рода несоответствий в формулировке целей развития, свойственных традиционной культуре коренных народов, и государ-

ственной стратегии экономического роста, основанной на экстенсивном освоении ресурсов полезных ископаемых. По результатам своих рассуждений авторы обозначают возможные пути снижения конфликтности отношений промышленных компаний и местных сообществ через реализацию идеологии «ответственного производства» (*Responsible Mining*) и «правильной жизни» (*Good Living*), которые должны способствовать достижению баланса между задачами экономического развития страны и сохранения жизненного пространства коренных народов. Уместно отметить, что такая постановка вопроса применительно к опыту Эквадора не нова и в целом развивает призывы к развитию принципов эгалитаризма в политическом курсе этого государства, уже звучавшие в контексте проблем коренных народов и их отношений с компаниями-недропользователями (High 2006: 34–46). В настоящее время эта риторика находится на уровне общественно-государственного дискурса и от своего практического воплощения крайне далека. Вряд ли этому может способствовать высокая степень централизации процесса принятия управленческих решений, характерная для государственной власти Эквадора.

Примеры стран со слабым государственным контролем за добывающим сектором экономики и его развитием отражают отнюдь не меньшее количество проблем в попытках обеспечить реальную защиту прав коренных народов и местных сообществ. Данная категория кейсов, представленных в рассматриваемой книге, позволяет сделать важное наблюдение: в условиях, когда государство в минимальной степени вовлечено в процесс контроля за деятельностью добывающих компаний и фактически не участвует в их диалоге с местными сообществами, а значит не способно гарантировать последним реализацию их прав и законных интересов, данные, государственные по сути, функции берут на себя промышленные корпорации, осуществляя их в рамках программ социальной ответственности (CSR).

Мировой опыт в данной области знает как весьма положительные тому примеры, когда бизнес-корпорации не только успешно реализуют программы социальной ответственности, но и фактически полностью заменяют собой государство в сфере социальной и культурной политики по отношению к сообществам коренного населения в регионах добычи ресурсов (Welker 2014), так и весьма неудачные практики, когда программы социальной ответственности оказываются неэффективными с точки зрения реальной защиты и поддержки коренного населения, фактически лишь маскируя истинные цели добывающих компаний, связанные с ориентацией на получение сверхприбыли и минимизацию затрат, в том числе и в области социальной и экологической ответственности бизнеса. Такого рода примеры встречаются в большом количестве и уже неоднократно описаны в научной литературе (см., к примеру, Whitmore 2012).

Представленный в рецензируемой монографии анализ деятельности нефтедобывающих компаний в африканских странах не относится ни к первой, ни ко второй категории известных случаев и в данном смысле весьма уникален. В этом в полной мере позволяет убедиться седьмая глава, «*Corporate Social Responsibility in Oil-Rich Sub-Saharan Africa: Conceptualizing the Challenges*» (р. 129–146), принадлежащая перу британского бизнес-аналитика Абиджейла Хилсона. По его наблюдениям, с одной стороны, действующие в Африке нефтяные корпорации готовы к реализации развитой политики социальной ответственности, проявляют прямую заинтересованность в ней и выделяют соответствующие ресурсы. С другой стороны, реальная эффективность такого рода действий в настоящее время не очень высока. В чём же причины? Как считает автор (р. 132), нефтяные компании в Африке находятся в «незавидном положении», стараясь соответствовать одновременно и запросам местных сообществ, и интересам государственной власти. Анализируя данные по африканским государствам с «репрессивными» политическими режимами (р. 136), Хилсон формулирует важный вопрос: должны ли нефтяные компании в ситуации отсутствия единства целей государственного, общественного и местного развития удовлетворять запросы всех сторон? Иногда реализация подлинной CSR-политики требует принципиально отказаться от любых попыток балансировать на грани разнонаправленных интересов различных участников процесса извлечения ресурсной ренты и полностью встать на позиции поддержки местного социально-экономического развития, направленного на объективное улучшение жизненных условий уязвимых сообществ (в том числе и коренных народов) в районах добычи полезных ископаемых. Материалы Хилсона показывают, что для транснациональных корпораций, действующих в африканских странах, эти идеалы не всегда оказываются достижимыми.

А как насчёт российской политической и социально-экономической действительности? Допускает ли она подобные возможности? В известной мере на этот вопрос отвечает восьмая глава рассматриваемой книги, «*Land, Oil and Indigenous People in the Russian North: A Case Study of the Oil Pipeline and Evenki in Aldan*» (р. 147–178), подготовленная британской исследовательницей Натальей Яковлевой (University of Winchester). Она на примере эвенков Алданского района Республики Саха (Якутия), попавших под воздействие одного из крупных инфраструктурных проектов российской нефтегазовой отрасли – строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий Океан (ВСТО), – анализирует возможности вовлечения коренных народов северных регионов России в ресурсодобывающие проекты, реализуемые на их традиционных землях. Однако автор не ограничивается лишь описанием отдельно взятого кейса, характеризуя общий контекст защиты прав коренных

малочисленных народов в России. По мнению Н. Яковлевой, в России, экономика которой находится в транзитном состоянии, практика социальной ответственности добывающих компаний не только находится в зачаточном состоянии (р. 149), но и не имеет достаточных стимулов для активного развития. Не в последнюю очередь это объясняется существенным влиянием нефтегазового сектора на внутреннюю политику государства и процесс принятия политических решений, что вполне понятно в условиях зависимости национальной экономики от добычи и экспорта углеводородов. Актуальная политическая повестка российского государства в значимо большей степени ориентирована на решение проблем развития нефтегазового сектора, чем обеспечение реальной защиты прав коренных народов или же иных уязвимых социальных групп. В этом смысле рассуждения Н. Яковлевой весьма близки к уже известному пониманию специфики российской модели ресурсного капитализма и его связей с политическим процессом (Kretzschmar et al. 2013: 771–782).

В рассматриваемой коллективной монографии присутствуют четыре небезынтересные зарисовки, посвященные лесозаготовкам и лесоперерабатывающей промышленности. Все они демонстрируют слабый и неэффективный контроль за хозяйственным использованием ресурсов леса на территориях традиционного проживания коренных народов, что предопределяет существенную уязвимость последних перед лицом угроз разрушения исконной среды обитания, а также снижения количества и качества ресурсов для традиционных практик жизнеобеспечения.

Так, несмотря на наличие развитой законодательной базы в сфере лесопользования на Соломоновых островах (глава 9 «*Timber Extraction in Solomon Islands: Too Much, Too Fast; Too Little, Too Late*», р. 179–200), государство не в состоянии организовать их эффективное освоение. Автор, профессор права Нортумбрийского университета (Великобритания) Сью Фарран, отмечает, что лесозаготовительная промышленность всегда была и остаётся крайне важной отраслью национальной экономики Соломоновых островов, что порождает интенсивную эксплуатацию этого ресурса, которая, по сути, далека от практики устойчивого лесопользования. В этих условиях весьма проблематично для коренного населения добиться фактической реализации его законных прав на компенсации в случае промышленной рубки на территориях традиционного проживания. Это, несомненно, рождает большое количество конфликтных ситуаций, разрешение которых практически невозможно в ситуации, когда в извлечении ренты из хозяйственного освоения ресурсов леса напрямую заинтересовано государство. Еще более развитие конфликтного дискурса заметно в контексте противоречащих друг другу правовых систем: государственного права в сфере лесопользования и сложившихся у коренного населения традиционных

норм и представлений, фиксирующих право аборигенов на управление ресурсами занимаемых ими территорий.

Лесопромышленному комплексу посвящена также десятая глава монографии, «*What Local People Want with Forests: Ideologies and Attitudes in Papua New Guinea*» (р. 201–220), в которой Пол Силлито, антрополог из Даремского университета (Великобритания), и его австралийский коллега Колин Филер предпринимают попытку составления карты фактического лесопользования на территориях коренного населения Папуа – Новой Гвинеи. По собственному признанию авторов, эту работу им завершить не удалось по причине недостатка точных и полных данных. Однако, безусловно, ими создан ценный задел для дальнейшего исследования факторов риска для сообществ коренного населения, связанных с деградацией природной среды на территориях их основного проживания. Так или иначе, даже представленных в данном разделе материалов достаточно, чтобы понять, что эффективного использования ресурсов леса с учётом потребностей локальных групп коренных народов в указанном регионе практически нет. Вместо этого имеет место слабо контролируемая со стороны государства, по сути, браконьерская практика. Фактором, ограничивающим возможности государственного контроля, является географическая специфика страны: расчленённость и связанная с этим затруднённая доступа в отдалённые районы. Последние как раз и являются местами традиционного проживания коренных народов, которые первыми попадают под незаконное хозяйственное освоение и испытывают на себе все негативные экологические, а следом и социальные последствия.

Румынский кейс, приведенный в одиннадцатой главе, «*Conservation, Extraction and Corruption: Is Sustainable Forest Management Possible in Romania?*» (р. 221–240), описывает процессы приватизации лесного фонда, протекавшие в контексте раздела собственности после падения в Румынии социалистического режима на фоне распространения коррупции в органах государственной власти и несовершенства законодательной базы. С этих позиций авторы, Лаура Бориод (Сучавский университет имени Штефана чел Маре, Румыния) и британский антрополог Мариэлла Марзано, рисуют картину отчуждения в частную собственность лесных земель, традиционно осваиваемых сельскими общинами, в экономическом и культурном смысле существенно зависимыми от практики лесопользования (как в части жизнеобеспечения, так и в коммерческом отношении).

В двенадцатой главе, «*Preserving Forests and Protecting Livelihoods: The Challenge of REDD Governance*» (р. 241–260), Марк Хиронс (университет Ридинга, Великобритания) представляет свою оценку эффективности реализации в развивающихся странах политики снижения последствий от исчезновения и деградации лесов (*Reduce Emissions from*

Deforestation and (forest) Degradation), которая учитывает важнейшие трансформации в системах жизнеобеспечения коренных народов, происходящие в результате изменения климата и загрязнения окружающей среды. Это единственная глава в рассматриваемой книге, которая прямо не сфокусирована на оценке влияния на коренные народы (их локальные группы) со стороны ресурсодобывающей промышленности. Главная для автора цель состоит в анализе действующих сегодня правовых механизмов, необходимых для взаимодействия всех заинтересованных сторон в решении вопросов сокращения техногенных выбросов и сохранения лесных экосистем, что необходимо для поддержания стабильного мирового климата.

Особый интерес представляет практика взаимодействия добывающих компаний и местного населения, описываемая в тринадцатой главе, «*Fair Trade Mineral Programs in Sub-Saharan Africa: Some Critical Reflections*» (р. 261–272), в которой речь идёт о реализации идеологии «справедливой торговли» (*Fair Trade*) американской компанией *Columbia Gem House Inc.* и британской *Fairtrade mining LTD*, ведущими добычу драгоценных минералов и золота в африканских странах, включая Сьерра-Леоне, Демократическую Республику Конго и Либерию. Авторы, профессор экономики Суррейского университета Гэвин Хилсон и его коллега Рой Макконахи, характеризуют практику *Fair Trade* как особую модель социальной ответственности добывающих компаний, которые создают условия для местного социально-экономического развития не только в привычной форме субсидирования инфраструктурных проектов или компенсации ущерба, но и (в большей степени) путём поддержки кустарной добычи драгоценных камней и золота самим населением (*In-Home Mining*) при обеспечении достойной оплаты их труда. Обе указанные компании приняли важные документы – Протокол справедливой торговли драгоценными камнями (*Fair Trade Gems Protocol*), а также Стандарты справедливой добычи и продажи золота (*Fairtrade and Fairmined Gold Standards*) – которые в соответствии с требованиями Международной сертификации справедливой торговли устанавливают минимальный уровень допустимых цен на закупаемое у населения сырьё, покрывающих стоимость продукции, расходы на содействие общественному развитию, защите и сохранению природной среды в местах промышленной добычи сырья.

В данном кейсе, с одной стороны, интерес вызывает то, что добыча минералов и драгоценных металлов (является едва ли не единственным доступным источником средств к существованию для большинства сельских общин во всех перечисленных африканских государствах; осуществлялась кустарным способом ещё в колониальные времена до прихода иностранных компаний) в современных условиях весьма эффективно встраивается в бизнес-модели транснациональных корпора-

ций. При этом в целом сохраняется традиционно сложившаяся у коренного населения практика жизнеобеспечения, у него имеются гарантии стабильного дохода и справедливой оплаты труда. С другой стороны, «индустриальный партнёр» местных общин заинтересован в соответствии его бизнеса стандартам справедливой торговли, поскольку имеет возможность увеличения прибыли за счёт обоснования завышенной цены готовой продукции, предлагаемой конечному потребителю, высокими издержками на социальную ответственность, а также эффективной маркетинговой риторики о возможном вкладе каждого покупателя ювелирных изделий в решение проблем бедности и голода в развивающихся странах.

Несмотря на видимую логичность модели справедливой торговли, равно как и её этичности по отношению к местным сообществам, авторы всё же вынуждены констатировать, что в ней более заметно стремление добывающих компаний к коммерческому эффекту, чем истинная нацеленность на решение проблем коренного населения в районах добычи полезных ископаемых. Известный (в том числе и в Африке) опыт применения идеологии справедливой торговли в аграрной сфере (Ruben, Hoebink 2015) или, скажем, туризме (Strambach, Surmeier 2013: 736–752), по-видимому, более эффективен с точки зрения защиты интересов местных сообществ, чем попытки его распространения на добывающую отрасль.

В целом предлагаемое вниманию читателей издание выглядит как ценная коллекция различных *Case-Study*, дающая возможность широкого взгляда на разнообразные практики взаимодействия добывающих компаний с коренными народами и местными сообществами в различных регионах мира, разных экономических и политических условиях и (этно)культурных контекстах. Представленные в книге материалы могут служить хорошими локальными иллюстрациями глобальных процессов широкого вовлечения коренных народов в индустриальную экономику и тех социальных и культурных последствий, которые за этим неизбежно следуют. Особенно стоит подчеркнуть фокус многих авторов на оценке роли государства в регулировании данных процессов, которая, как видно из ряда последовательно проанализированных практик, варьирует от активной медиаторской функции и прямого участия в дискурсе вокруг извлечения ресурсной ренты до уклонения государственной власти от её распределения и обеспечения на этой основе устойчивого местного развития. Материалы, представленные в книге, интересны также предпринятой авторами попыткой расширить устоявшееся понимание ресурсного проклятия путём включения в это понятие отчётливо видных на локальном уровне динамик культурной трансформации и из-

менений социальной ткани сообществ коренных народов (местных сообществ), соответствующих новым вызовам развития.

Книга будет интересна антропологам, этнологам, социологам, экономистам, а также специалистам-практикам, связанным с решением проблем взаимодействия добывающих компаний и местных сообществ.

В.В. Поддубиков

Кемеровский государственный университет,
Московский государственный университет

Литература

- High C.* Oil Development, Indigenous Organizations, and the Politics of Egalitarianism // *Cambridge Anthropology*. 2006. Vol. 26, No. 2. P. 34–46.
- Kretzschmar G.L., Simpson E., Haque M.* Russia's Resource Capitalism – Market vs Political Signaling // *Energy Policy*. 2013. No. 61. P. 771–782.
- Ruben R., Hoebink P.* (ed.) Coffee Certification in East Africa: Impact on Farmers, Families and Cooperatives. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2015. 262 p.
- Strambach S., Surmeier A.* Knowledge dynamics in setting sustainable standards in tourism – the case of Fair Trade in Tourism South Africa // *Current Issues In Tourism*. 2013. Vol. 16, No. 7–8. P. 736–752.
- Welker M.* Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia. Berkeley – Los-Angeles – London: University of California Press, 2014. 306 p.
- Whitmore A.* (ed.) Pitfalls and Pipelines. Indigenous Peoples and Extractive Industries. Baguio City: Tebtebba, IWGIA and Piplinks, 2012. 446 p.

Рецензия поступила в редакцию 20 ноября 2015 г.

Poddubikov Vladimir V., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), Moscow State University (Moscow, Russia)*

Review of Emma Gilberthorpe and Gavin Hilson (eds.): Natural Resource Extraction and Indigenous Livelihoods: Development Challenges in an Era of Globalisation. Surrey, Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2014. ISBN 978-1-4094-3777-2 (hard-back); ISBN 978-1-4094-3778-9 (ebook); ISBN 978-1-4094-7268-1 (epub)

DOI: 10.17223/2312461X/10/6

* The review is written within the framework of the project “The resource curse in the circumpolar areas: Russian and international experience in the field of analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups” (RSCF, grant No. 15-18-00112).

References

- Gilberthorpe E. Fasu Solidarity: A Case Study of Kin Networks, Land Tenure, and Oil High C. Oil Development, Indigenous Organizations, and the Politics of Egalitarianism, *Cambridge Anthropology*, 2006, Vol. 26, no. 2, pp. 34-46.
- Kretzschmar G.L., Simpson E., Haque M. Russia's Resource Capitalism - Market vs Political Signaling, *Energy Policy*, 2013, no. 61, pp. 771-782.

-
- Ruben R., Hoebink P. (ed.) *Coffee Certification in East Africa: Impact on Farmers, Families and Cooperatives*. Wageningen: Wageningen Academic Publishers, 2015. 262 p.
- Strambach S., Surmeier A. Knowledge dynamics in setting sustainable standards in tourism – the case of Fair Trade in Tourism South Africa, *Current Issues In Tourism*, 2013, Vol. 16, no. 7-8, pp. 736-752.
- Welker M. *Enacting the Corporation: An American Mining Firm in Post-Authoritarian Indonesia*. Berkeley – Los-Angeles – London: University of California Press, 2014. 306 p.
- Whitmore A. (ed.) *Pitfalls and Pipelines. Indigenous Peoples and Extractive Industries*. Baguio City: Tebtebba, IWGIA and Piplinks, 2012. 446 p.

УДК 291.11

DOI: 10.17223/2312461X/10/7

Надь З. Васюганские ханты.
Изменение религиозной системы в
XIX–XXI веках / Перевод с венгер-
ского Дианы Пушкаш. Томск: Изда-
тельство Томского государственно-
го педагогического университета,
2011. 294 с. ISBN 978-5-89428-560-3
(В.И. Харитонova)*

«На сегодняшний день уже невозможно установить, какова была в прошлом связь священных мест с социальной организацией. Невозможно, так как эта система давно распалась, пожилые ханты едва или совсем не помнят об этом, а сохранившиеся культы не позволяют сделать никаких определенных выводов по этому поводу» (с. 265), – таким грустным заключением завершается интереснейшее исследование об изменениях религиозной системы у ханты в XIX – XXI вв.

Известный венгерский этнолог Золтан Надь (Zóltan Nagy) в вышедшей на русском языке монографии¹ подводит итоги своих многолетних полевых исследований культуры ханты² на примере небольшой группы, проживающей в бассейне р. Васюган (Томская область Российской Федерации). Автор сосредоточился на изучении религиозной системы васюганских ханты и специфики её трансформации на протяжении последних двух столетий. Основным объектом исследования он сделал священные места и связанные с ними представления, что вполне оправдано. Священные места, как подчеркивает З. Надь, это тот «элемент религии, с которым неизбежно сталкивается любой исследователь» (с. 3). Учитывая степень десакрализации современных религиоз-

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00276.

ных представлений, священные места легко становятся не только отправной точкой общения исследователя и информанта, но и объектом, который дает максимум разнообразных сведений по весьма деликатной теме. Именно это позволяет в последние годы многим антропологам изучать сакральные / священные места и связанные с ними культы в различных аспектах³. Работу этого исследователя отличает стремление продемонстрировать тесную связь социальной структуры небольшого сообщества с окружающим сакральным пространством и культовой практикой, системой божеств и духов, почитаемых местным населением. Размышления над сложными вопросами таких взаимосвязей он даже выносит в названия параграфов своей книги, например «Фратрии – культовые общины?» или «Роды и юрты – культовые общины?»

Надо сказать, что в проведении исследований в современной ситуации «возрождения культур», сложившейся в России и на постсоветском пространстве в целом, есть серьезные проблемы: связанное с сакральной практикой значительно менялось в советский период и сейчас подвергается слишком значимым трансформациям в сфере, в первую очередь, мировоззрения³. Разумеется, также происходило и происходит повсеместное разрушение памятников традиционной культуры, в том числе священных мест. Именно это не позволяет в итоге автору сделать выводы, на которые он изначально рассчитывал. В финале он вынужден печально констатировать, что «отсутствие необходимых сведений позволило всего лишь сформулировать некоторые вопросы и проблемы», так как «сложившаяся картина оказалась весьма отрывочна и условна», поскольку имеющийся материал (подчеркивается, в том числе, случайность источников) «не отличается полнотой и последовательностью, а местами вообще не подлежит интерпретации» (с. 265). Но надо отдать должное исследователю: он умело выбирает материал для анализа, а выводы делает очень аккуратно и с необходимыми оговорками после скрупулёзного изучения полученных данных; там, где нет возможности что-то сформулировать достоверно, З. Надь предпочитает предлагать вопросы для дальнейших исследований.

Рецензируемая монография логично и четко выстроена; она содержит четыре в достаточной степени автономные главы, разбитые на параграфы. Три начальные главы («Ханты на реке Васюган», «Система богов», «Система жертвоприношений»), занявшие треть объема книги, можно считать вводными, но совершенно необходимыми для раскрытия основной темы в соответствии с используемым методом исследования. Автор предлагает вниманию читателя демографические и исторические сведения о ханты на Васюгане, специально останавливаясь на главном объекте своего изучения: местечке Озёрное, которое в начале XX в. считалось частью (заимкой) селения Айполово – хантыйского центра территории Васюгана. Он подробно рассматривает социальную

организацию, останавливаясь на проблеме фратрий. Попутно З. Надь анализирует такие важные с его точки зрения вопросы, как, например, о значении рек в мировоззрении и жизни ханты. Всё это делается при внимательнейшем учёте предшествующих исследований известных современных учёных и родоначальников угроведения.

Вторая глава («Система богов») также представляет многосторонний ретроспективный анализ имеющихся материалов. Автор весьма критично излагает концепции и схемы предшественников, принимая за основу своего исследования труды Карьялайнена. Он рассматривает, обильно цитируя известные материалы и дополняя их собственными наблюдениями, корпус общих божеств, локальных божеств и домашних духов. Важнейшей задачей его анализа является не только описание системы божеств на период рубежа XIX–XX вв., но и выявление изменений, произошедших в ней в конце XX в.

По тому же принципу построена третья глава («Система жертвоприношений»). Анализ сведений по Озёрному и Васюгану в целом сделан на более широком фоне данных обских угров. Отмечу, что сравнительно-сопоставительный выход в хантыйские материалы и материалы наиболее близкого по культуре родственного народа манси автором используется довольно часто. Это необходимо ему и в силу скудости сведений по изучаемой малой группе Озёрного, и для выявления общей картины.

В финале третьей главы Надь останавливается на вопросе о влиянии христианства и русской религиозной (местной) системы на мировоззрение ханты, а также – что не менее интересно – на проблему хантынского влияния на религиозную практику русских. Он анализирует восприятие русскими местных шаманов и их деятельность, верования, отношение к священным местам, указывая на возможные амбивалентные проявления: русские, например, могли грабить и уничтожать священные ценности, но могли их бояться и даже поклоняться им. Иногда, кажется, автор несколько преувеличивает хантизацию русской религиозной практики, но, к чести его, он и здесь подчеркивает необходимость дальнейших исследований проблемы, предпочитая больше формулировать вопросы. Его рассуждения даются со ссылкой на книгу 1999 г. М. Мандельштам Балзер⁴, указавшую на сходство древнеславянских представлений, принесенных русскими переселенцами, с хантыскими верованиями (с. 94). Впрочем, здесь можно сделать общее замечание: сибиреведы порой трактуют исчезнувшие до сих пор древнейшие представления и магико-мистические практики русских как воспринятое ими от соседей, лучше сохранивших свои традиции. Говоря о религии русских, они опираются обычно на православие, не учитывая, что систему верований русских – так называемое народное православие – логичнее рассматривать (что принято в научной практи-

ке славистов) как систему двоеверия, где весьма значима языческая составляющая.

Четвёртая (основная) глава «Священные места» (с. 95–264) делится на две большие части: «Священные места близ Озёрного» (4.1) и «Священные места на реке Васюган» (4.2), а они, в свою очередь, подразделяются по важнейшим вопросам исследования. В части 4.1 выделены «Священные места природной сферы», с разграничением по небольшим разделам. В каждом рассматриваются *жертвенные места* с описанием конкретных святынь: мыс Păi Imi, Колотушкин мыс, дерево Духа земли, мыс Paŋă lok, – и *нежертвенные места* (термин автора), к которым отнесены бывшие жертвенные места, памятные места героического прошлого, кладбище, с характеристиками наиболее важных из них. Далее особо выделены «Священные места гуманизированной сферы» (так Надь обозначает ближайшее пространство, в котором человек обитает). Здесь З. Надь рассматривает жилище с его вертикальным и горизонтальным делением, особо выделяя чердак и священный угол, и останавливается – что вполне естественно для анализируемой культуры – на вопросе хранения медвежьего черепа на чердаке и проведении знаменитого медвежьего праздника, который стал у ханты основой культурно-национального возрождения.

Часть 4.2 «Священные места на реке Васюган» построена по иному принципу: здесь Надь сосредоточился на важнейших с его точки зрения проблемах родственности и локальности, сформулировав прямо в названиях мелких разделов волнующие его вопросы («Фратрии – культовые общины?», «Фратрии и роды – группы, имеющие общих богатырей?», «Роды и юрты – культовые общины?», «Еще раз о родственности и локальности»).

Очевидно, что последняя проблема особенно волнует автора, на что он специально обращает внимание читателя в финале книги, подчеркивая, что сейчас «уже невозможно установить, какова была в прошлом связь священных мест с социальной организацией», так как «эта система давно распалась», а «сохранившиеся культы не позволяют сделать никаких определенных выводов» (с. 265) на этот счет. Золтан Надь жалеет, что вопрос о взаимосвязи божеств, священных мест и социальной организации ханты в научной литературе не получил полного и подробного освещения, указывая, что – с его точки зрения – именно он должен был занимать первостепенное место в изучении религии.

Финал книги, изобилующей интересными полевыми материалами автора и многочисленными данными из различных источников и исследований (на русском, венгерском, английском, немецком языках), полон грусти по утерянным возможностям. При этом З. Надь все же оставляет своим последователям небольшую надежду на возможность сравнительно-сопоставительного изучения данного вопроса на тех хан-

тыйских территориях, которые значительно лучше исследованы в сравнении с Васюганьем. Замечу, что автору удалось сделать достаточно полное описание различных культов и проследить их изменения, особенно в современный период. Ученый обращает внимание, что его выводы по разным вопросам могут относиться только к самому узкому кругу – представителям одного хантыйского поселения, а не всех васюганских ханты. Он проанализировал, как трансформируется религиозная система изучаемого им сообщества, как влияет на это небольшое сообщество всё происходящее в стране, как осуществляется ассимиляция сообщества окружающими инонациональными группами, как воздействуют на существование культов новые знания – от христианской религии до СМИ, ТВ и школьного образования. Такое исследование малой группы ценно само по себе.

Важнейший финальный вывод автора – о «процессе синкретизации» в современной хантыйской культуре, «который зародился ещё при царском режиме и приобрел стремительные темпы» (с. 266) из-за последующих социальных изменений. «В этом синкретизме доминирующую роль играет уже не хантыйская религия, а однозначно русская религиозная система и русское видение мира» (Там же). Такое заключение подчеркивает, что наряду с распространением православия происходит и процесс секуляризации, который автор почему-то считает «отголоском коммунистической идеологии» (Там же). Замечу, что попытки связывать процессы секуляризации в XX в. в Советском Союзе только с «коммунистической идеологией» выглядят странно. Вопросы просвещения и образования в СССР нет смысла трактовать столь однобоко – действительность была гораздо сложнее и интереснее; по крайней мере, нельзя не учитывать наличия всеобщего среднего образования в стране во второй половине XX в. и активного распространения научного знания.

Помимо этого, укажем также на проблему с термином «*синкретизм*»: он чаще всего используется религиоведами в значении, которое по смыслу почти идентично термину «*эklektизм*» (синкретизм – от греч. συνκρητισμός – соединение, объединение; как соединение разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии), а не в первом его значении (синкретизм – нерасчленённость различных видов чего-либо, первоначальная слитность, свойственная ранним стадиям развития представлений, искусства и т.д.). Автор идет по этому пути: он пишет о *синкретизации*, выделяя два типа «синкретических систем» в хантыйском обществе – а) с доминантой православных представлений или б) с доминирующими представлениями, ритуальными действиями и ключевыми понятиями хантыйской религии. Мы полагаем, что в отношении трансформаций религиозных и магико-мистических воззрений современности невозможно говорить о синкретизации (независимо от того,

каким вариантом термина пользуешься); точнее было бы определять происходящее в постсоветских сообществах с помощью терминов «симбиоз» или (опираясь на К. Леви-Стросса) «бриколаж». Конгломерат представлений, создающийся в последние три десятилетия на основе магико-мистических воззрений, отрывочных религиозных знаний, мощного влияния оккультизма (чему способствовали на протяжении последних трех десятилетий СМИ и ТВ), околonaучного (парапсихологического) и собственно научного знания, являет собой достаточно подвижный вариант сведений, которые перманентно корректируются извне. Думаю, что и итоговый вывод автора о том, что «наблюдавшийся на Васюгане процесс синкретизации, в сущности, является процессом распада этнической группы, практически не обладающей общим самосознанием и идентичностью» (с. 268), подтверждает несколько иную суть религиозных трансформаций.

Золтан Надь написал книгу, которая легко читается и может быть интересна не только этнологам / антропологам или религиоведам, но и культурологам, философам, фольклористам и другим специалистам-гуманитариям. Любого читателя будут подкупать исключительная научная честность и чёткое следование предлагаемым методам работы этого автора.

В.И. Харитонova

Институт этнологии и антропологии РАН

Примечания

¹ Русское издание книги является переводом с венгерского оригинала (Nagy 2007).

² Ханты – финно-угорский народ в Западной Сибири, 30 943 чел. (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.); в Томской области проживает лишь 2,3% от общей численности ханты; подавляющее их большинство живет в Ханты-Мансийском автономном округе – 61,6%. Согласно Законодательству РФ ханты входят в группу так называемых коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

³ См. специальную тему номера «“Свой” этнограф в российском сакральном “поле”» // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–65 (статьи В.И. Харитоновой, О.А. Шеглановой и др.).

⁴ В последние годы появились исследования междисциплинарного характера, в которых священные места рассматриваются также с учётом специфики их геофизической приуроченности и, одновременно, с учётом социорелигиозного контекста (см., например: Гомбоев, Ткаченко 2004: 93–103).

⁵ Здесь и в иных местах книги эта автор – Маржори Балзер Мандельштам – представлена как мужчина, а две ее фамилии почему-то пишутся через дефис.

Литература

Nagy Z. Az őseink még hittek az ördögökben. Vallási változások a vaszjugáni hantiknál. Budapest: MTA Néprajzi Kutatóintézete, PTE Néprajz – Kulturális Antropológia Tanszék, L'Harmattan, 2007. 352 p.

- Гомбоев Б.Ц., Ткаченко О.С. Интердисциплинарный подход в изучении сакральных мест (на примере Баргузинской долины Республики Бурятия) // Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами профанов и посвященных» (Москва, 21–30 июня 2004 г.). М.: ИЭА РАН, 2004. С. 93–103 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 10, ч. 2).
- Харитонов В.И. Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние? // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–7.
- Харитонов В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 7–21.
- Шагланова О.А. Диалог «своих» и «чужих» в этнографическом поле // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 21–31.

Рецензия поступила в редакцию 4 декабря 2015 г.

Kharitonova Valentina I., Institute of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

Review of Nagy Z. Vasiuganskíe khanty. Izmenenie religioznoi sistemy v XIX–XXI vekakh [The Khanty of Vasyugan. The Change in the Religion in the 19th to the 21st Century], translated from Hungarian by Diana Pushkash. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2011. 294 p. ISBN 978-5-89428-560-3.

DOI: 10.17223/2312461X/10/7

* The review is written with the support of the Russian Foundation for Humanities, project № 13-01-00276.

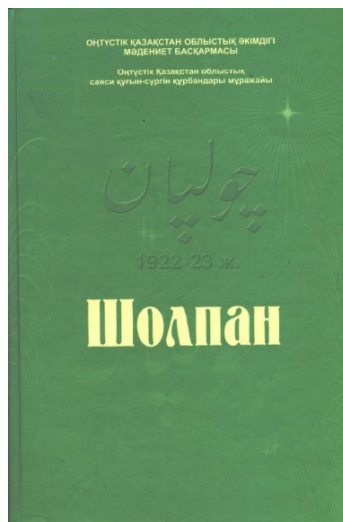
References

- Nagy, Zoltán. *Az őseink még hittek az ördögökben. Vallási változások a vaszjugáni hantiknál.* Budapest: MTA Néprajzi Kutatóintézete, PTE Néprajz – Kulturális Antropológia Tanszék, L'Harmattan, 2007. 352 p.
- Gomboev B.Ts., Tkachenko O.S. Interdistiplinarnyi podkhod v izuchenii sakral'nykh mest (na primere Barguzinskoi doliny Respubliki Buriatii) [An interdisciplinary approach to studying sacred places (on the case of Barguzinskaya valley in the Republic of Buryatia)], *Materialy Mezhdunarodnogo interdistiplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa «Sakral'noe glazami profanov i posviashchennykh» Moskva, 21–30 iyunia 2004 g.* [Proceedings of the international interdisciplinary science and practice-oriented congress 'The sacred through the eyes of outsiders and insiders', Moscow, June 21–30, 2004]. Moscow: IEA RAN, 2004, pp. 93–103 (Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs and practices. Vol. 10, Iss. 2).
- Kharitonova V.I. Vvedenie. Khraniteli i issledovateli sakral'noi kul'tury: dialog ili protivostoianie? [Introduction. Guardians and researchers of sacral culture: a dialogue or a confrontation?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 3, pp. 3–7.
- Kharitonova V.I. Rabota s sakral'nymi znaniyami i praktikami: metodiko-metodologicheskii aspekt [Working with sacral knowledge and practices: a methods and methodology aspect], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 3, pp. 7–21.
- Shaglanova O.A. Dialog «svoikh» i «chuzhikh» v etnograficheskom pole [A dialogue between “us” and “them” in the ethnographic field], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2010, no. 3, pp. 21–31.

УДК 930.23

DOI: 10.17223/2312461X/10/8

Шолпан. Алматы: Ак Арыс, 2010.
440 с. ISBN 978-601-7130-91-6
(Г.А. Жанысбекова,
Г.К. Отарбаева, Д.А. Функ)

«Шолпан» (каз. «Венера») – так назывался журнал, который в начале 1920-х годов являлся центральным печатным органом Коммунистической партии Туркестанской советской республики. Журнал выходил с октября 1922 по май 1923 г. и, как и все издания тех лет в республике, на *төте жазу*, так называемом прямом письме, разработанном Ахметом Байтұрсыновым на основе арабской графики. За этот короткий срок успели появиться всего 8 номеров. Лишь первый номер журнала вышел отдельным выпуском. Все остальные были сгруппированы по два и по три номера. Далее они печатались так: № 2–3, 4–5 и 6–7–8. То есть всего в общей сложности были изданы четыре выпуска. В мае 1923 г. журнал «Шолпан» был закрыт в связи с якобы выявлением в отдельных его статьях «буржуазно-националистических идей» и забыт на долгие десятилетия.

Лишь недавно все номера этого журнала были заново открыты представителями творческой интеллигенции Казахстана в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, скопированы, переведены на современную казахскую кириллицу и изданы в представляемой нами книге.

В структурном плане журнал был достаточно единообразен. Начиная с первого номера в нем присутствовали разделы о политике (*Саяси һәм жалпы бөлім*, букв. «Отдел политики и общий отдел», о хозяйстве

(*Шаруашылық*), о деятельности большевистской партии (*Партия тіршілігі*), об образовании (*Білім бөлімі*), о литературе (*Әдебиет бөлімі*), а также раздел «Приказы и распоряжения» (*Бұйрық-жарлықтар*). Изменение коснулось двух разделов – о народном просвещении и хозяйстве, которые в последующих номерах были объединены в одну рубрику (*Халық ағарту һәм шаруа бөлімі*).

Если бы такой журнал выходил сейчас, в пору подсчета всех и всяческих рейтингов, то он, безусловно, мог бы претендовать на самые высокие места. Его авторами были выдающиеся ориенталисты, поэты, писатели, педагоги, видные государственные и общественные деятели Ахмет Байтурсынов, Халел Досмухамедов, Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин, Мыржакып Дулатов, Мухтар Ауэзов, Абубакир (Абубекр) Диваев и многие другие, выступавшие на страницах «Шолпан» с научными и публицистическими критическими статьями, печатавшие в нём свои художественные произведения. Многие из авторов этого журнала, как и сам журнал, были репрессированы.

Особо следует выделить Ахмета Байтурсынова. Это автор первого казахского букваря, поэт и переводчик, ученый-тюрколог и педагог, публицист и общественный деятель. В 1913 г. Байтурсынов стал первым редактором газеты «Казах», созданной по инициативе казахской интеллигенции, в 1920–1921 гг. был наркомом просвещения края, чуть позже – председателем Академического центра, членом научно-методического совета Наркомпроса, в 1928–1929 гг. являлся профессором Казахского государственного университета. Общеизвестно, что созданная им и названная его именем графическая система позволила быстрее ликвидировать неграмотность, повысить письменную культуру казахов. В журнале «Шолпан» мы встречаем такие его публикации, как «Есің барда етегіңді жап» (смысл буквального перевода будет непонятен даже многим молодым казахам, это иносказание с примерным значением «Приведи страну в порядок, пока ее не раздавили». № 4–5. С. 233–235) и «Ташкендегі қазақ-қырғыз институты туралы» («О казахско-киргизском институте в Ташкенте». № 6–7–8. С. 431–433).

Важную роль в развитии здравоохранения, высшей школы и издательского дела в республике сыграл Халел Досмухамедов, автор более 70 печатных работ, в том числе 20 учебников. В журнале «Шолпан» была опубликована его большая статья «Қазақтіліндегі сингармонизм заңы» («Закон сингармонизма в казахском языке». № 1. С. 39–41; № 2–3. С. 134–139; № 6–7–8. С. 272–280), не утратившая своего значения для тюркологии до настоящего времени.

Научный блок публикаций журнала украшает и важная для своего времени статья Мыржакыпа (Мир-Якуба) Дулатова, великого казахского поэта, писателя, публициста, просветителя-педагога. В его работе «Тарихи мағлұматтар» («Исторические сведения»), напечатанной в по-

следнем выпуске журнала (№ 6–7–8. С. 395–403), был дан панорамный обзор этнической истории казахов и киргизов. Дулатов подробно анализирует известные ему исторические источники, обращается к трудам Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.Г. Георги, Н.П. Рычкова, Ф.Б. Фишера, критикует взгляды Г.Ю. Клапрота, К. Риттера, согласно мнению которых казахов и киргизов следует относить к индо-германцам. С особым одобрением Дулатов относится к А.И. Левшину, автору знаменитого «Описания киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей». Детально, насколько это было возможно на имеющемся материале, Дулатов разбирает вопрос о названиях и самоназваниях казахов и киргизов, пытаясь ответить, в частности, на вопрос о времени, когда казахов стали называть киргизами, затрагивает вопросы ранней этнической истории обоих народов и особо останавливается на процессе и причинах разделения казахов на три жуза и на этнониме «Алаш».

На страницах журнала вышло в свет и значительное число художественных произведений, стихов и прозы. Перу талантливого поэта и писателя Магжана Жумабаева принадлежат такие произведения, как стихи «Қорқыт» (№ 4–5. С. 103–111), «Баян батыр» (№ 4–5. С. 182–194; № 6–7–8. С. 313–321), рассказ «Шолпанның күнәсі» («Вина Шолпан». № 4–5. С. 210–215; № 6–7–8. С. 353–359). Жумабаев, в совершенстве владевший не только родным и русским языками, но также несколькими восточными, с 1923 г. преподавал восточные языки в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, активно участвовал в работе издательства «Восток», много занимался переводами. Его перу принадлежат переводы на казахский язык трудов Маркса, Энгельса, Ленина, художественных произведений Горького, Блока.

Активно (часто под псевдонимами), в каждом номере печатались в журнале поэт и общественный деятель Сакен Сейфуллин и великий писатель, автор трилогии «Абай жолы» Мухтар Ауэзов. Мы находим в журнале их стихи, письма, очерки: например, Сейфуллин С. «Азия (Европаға)» («Азия (Европе)»). № 1. С. 54–56), его же¹, «Түркістанда халық ағарту ісі» («Дело народного просвещения в Туркестане». № 1. С. 56–57); Ауэзов М. «Қазақтағы қалам қайраткерлеріне ашық хат» («Открытое письмо казахским деятелям пера». № 2–3. С. 70–71; «Оқыған азамат» («Грамотный гражданин». № 2–3. С. 114–119; № 4–5. С. 194–201), «Қыр суреттері» («Зарисовки степи». № 1. С. 99–103; № 3–4. С. 179–182).

Журнал «Шолпан» не был узко национальным. Это хорошо видно и по поднимавшимся в нем проблемам, и по составу авторов. Среди них мы встречаем, например, имя выдающегося советского тюрколога, башкира Абубакира Диваева. Известный ориенталист отлично знал казахский язык, благодаря его неутомимой собирательской работе были записаны эпические сказания «Алпамыс», «Кобланды», «Камбар», де-

сятки песен, сотни сказок и образцов малых жанров фольклора казахов. В журнале «Шолпан» Диваев опубликовал статьи «“Орхон жазуы” туралы бірнеше сөз» («Несколько слов об “Орхонском письме”»). № 1. С. 42–43), в которой представил читателям краткий очерк истории открытия, расшифровки и дальнейшей работы исследователей с памятниками древнетюркской письменности, и «Түркістан қырғыз-казактарының ескі тұрмысы туралы жазба сөздер» («О старом быте туркестанских киргизов и казахов»). № 1. С. 43–44), а также рассказ «Әділ би» («Справедливый судья»). № 1. С. 50–51). Оба последних текста содержат интересные этнографические, со вставками фольклорных записей, сведения о казахах и киргизах тех уездов, где Диваев проходил службу в царское время.

Журнал получил вторую жизнь благодаря усилиям большого творческого коллектива (С.О. Карибаев, Н.М. Толеева, И.С. Айтаев, Н.Е. Бабаев) во главе с директором Южно-Казахстанского областного музея жертв политических репрессий, поэтессой Ханбиби Есенкараевой, выступившей в данном случае в роли инициатора проекта и составителя. Переиздание журнала «Шолпан», безусловно, является важным событием в культурной жизни Казахстана, но, на наш взгляд, оно не менее значимо и с точки зрения обеспечения доступа к этому уникальному источнику широкого круга потенциальных его исследователей – историков, этнологов, фольклористов, литературоведов, лингвистов.

Г.А. Жанысбекова

Южно-Казахстанский государственный университет

Г.К. Отарбаева

Южно-Казахстанский государственный университет

Д.А. Функ

Московский государственный университет,

Томский государственный университет

Примечания

¹ Очерк подписан «Сұлу батыр», т.е. «Богатырь-красавец», а этот псевдоним, как известно, использовал именно Сейфуллин.

Рецензия поступила в редакцию 30 ноября 2015 г.

Zhanyzbekova Gulnar A., South Kazakhstan State University (Shymkent, Republic of Kazakhstan), *Otarbaeva Gulzhan K.*, South Kazakhstan State University (Shymkent, Republic of Kazakhstan), *Funk Dmitri A.*, Moscow State University (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Review of Sholpan. Almaty: Ak Arys, 2010. 440 p. ISBN 978-601-7130-91-6.

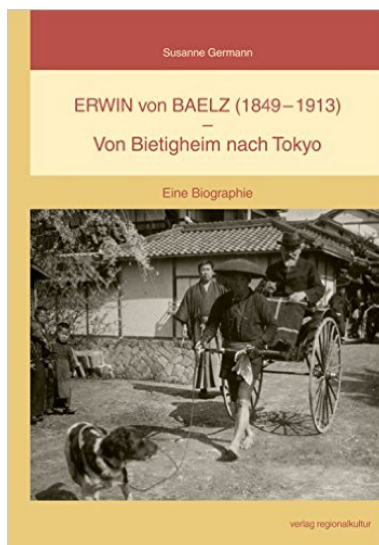
УДК 027.2

DOI: 10.17223/2312461X/10/9

Susanne Germann. *Erwin von Baelz (1849–1913) – Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie.*

Ubstadt-Weiher, Heidelberg, Basel,
Verlag Regionalkultur, 2014. 504 s.
ISBN 978-3-89735-795-2

(Н.С. Любимова)

Эрвин фон Бельц, немецкий врач, всю жизнь проработавший в Японии, является знаковой фигурой как в японской медицине, так и в немецкой японистике. В Японии он считается отцом-основателем современной медицины, а в Германии известен как крупнейший собиратель этнографических коллекций и предметов японского искусства, посредник в культурном общении Японии и Германии и автор значительных трудов по физической антропологии Японии.

С точки зрения антропологии научное наследие Бельца заключается в собранном им обширном антропометрическом и палеоантропологическом материале: археологией и палеоантропологией (в частности, краниологией) в конце XIX – начале XX в. занимался ряд видных ученых, но именно Бельц собрал наиболее значительное количество данных о современном ему населении Японии, провел измерения тысяч людей (японцев, айнов и корейцев). Свою первую антропологическую работу он опубликовал в первой половине 1880-х гг. (Bälz 1883, 1885). Вышедшее в свет исследование было основано на результатах измерения массы тела приблизительно 1 200 мужчин и 200 женщин и 70 отдельных параметров у 50–250 человек – на такую обширную (и репрезентативную) выборку не опирался ни один автор того времени. Бельц предпринял попытку описать население японских островов с точки

зрения физической антропологии, а также определить и объяснить его расовый состав. Интересно также, что Бельц сопроводил свои антропологические рассуждения этнографическими зарисовками, утверждая, что физическое строение тела человека зависит от условий жизни, а значит, их необходимо принимать во внимание. В более поздних работах он призывает «рассматривать также и психическую, социальную и культурную деятельность человека», чтобы таким образом сделать шаг от «соматики» в область «этники» и путем их объединения перейти к «антропике» (антропологии) и далее, в идеале, к сравнительной «антропике» и психологии (Bälz 1901).

Кроме того, Бельц известен как один из апологетов теории принадлежности айнов к кавказской расе. Хотя эта теория изначально подвергалась сомнению и в итоге была опровергнута, она прослеживается в немецкой историографии на протяжении всей первой половины XX в. и даже привлекалась для обоснования своих теоретических построений солидарными с нацистской идеологией авторами (Eickstedt 1934), так что не может не интриговать интересующихся историей науки.

Самостоятельной ценностью обладает введенный Бельцем в научный оборот этнографический материал: собственные наблюдения и коллекции артефактов и произведений искусства, большая часть которых была передана в дар или продана крупным музеям Штутгарта и Берлина.

Автор представляемой книги, Сюзанна Германн, заинтересовалась личностью Бельца, начав работать в штутгартском музее им. Линдена, где хранится одна из его коллекций. В 2006 г. она защитила докторскую диссертацию на философском факультете Боннского университета, в основу которой легла работа с неопубликованными источниками, касающимися личности Бельца (в частности, дневниками) в городском архиве Битигхайма-Биссингена (Германия) и в г. Кусацу (Япония). После этого Германн работала в Японии над организацией посвященных Бельцу выставок, а в 2014 г. вышло в свет ее биографическое исследование.

Примечательно, что это первое за долгое время научное изыскание такого рода, посвященное Бельцу, несмотря на тот факт, что данный исследователь является не только видной фигурой в истории науки, но и считается одним из известнейших уроженцев Битигхайма, память о котором увековечена в музеях и мемориалах города. Классическими источниками информации о жизни этого ученого являются дневники и письма, обработанные и изданные его сыном Току Бельцем (первое немецкое издание 1930 г.), а также биография Феликса Шоттлендера, основывавшегося, в принципе, на тех же самых документах (Schottlaender 1928). Хотя труд Шоттлендера был важен для его современников, Германн отмечает, что Шоттлендер допускает неточности в деталях, не всегда дает внятный исторический контекст и в целом пишет о Бельце в

«почти агиографическом» стиле (S. 20–21). Все это заставляет современного читателя критически относиться к его сочинению, именно данный факт подтолкнул Германн к написанию новой научной биографии Бельца с привлечением гораздо более широкого круга источников.

Несомненным достоинством книги Германн является обширная вторая часть, посвященная восприятию фигуры Бельца как в Германии, так и в Японии. Автор подробно описывает дальнейшую историю семейства Бельц, обстоятельства создания всех более или менее значимых работ о нем, судьбу его японских коллекций, историю появления мемуаров, вписывая все это в контекст эпохи. Автор рассказывает о том, как память об ученом привлекалась на службу государственной культурной политике в нацистскую эпоху (Бельц как один из «великих немцев»; причем его образ эксплуатировался не только на его малой родине, в Битигхайме, но и в Штутгарте, и Берлине) (S. 24–28) или помогала восстанавливать былые культурные связи Японии и Германии в послевоенный период (S. 78–81).

Третья часть книги посвящена жизненному пути Бельца и его работе. Она насыщена историческими экскурсами, дающими исчерпывающее представление об атмосфере, в которой он жил и работал, и обстоятельствах, которые влияли на его решения и умянастроение. Большое внимание уделено взрослению ученого, причем тут Германн углубляется в историю его семьи, дает живописное описание его родного города Битигхайма, обращается к истории и устройству всех учебных заведений, которые Бельц посещал, и предпринимает экскурс в историю становления современной медицины в Германии. Не обходит вниманием автор и круг общения Бельца: о главных друзьях и спутниках его жизни всегда дается полная биографическая справка. Тех же принципов Германн придерживается и в дальнейшем, пытаясь во всех красках представить картину того времени. И хотя такая насыщенность фактологией порой затрудняет чтение, текст книги нельзя назвать сухим, поскольку одновременно автор рассказывает о мыслях и переживаниях Бельца, дошедших до нас в его дневниковых записях и письмах. Часто она приводит обширные цитаты из этих источников, предоставляя слово самому ученому, и нередко в комментариях и описаниях Сюзанны Германн сквозит искренняя симпатия и сочувствие к её герою.

Четвертая часть монографии посвящена событиям, последовавшим за смертью Бельца. В ней описываются история семейного кладбища семьи Бельц в Германии, а также последние годы жены Эрвина фон Бельца, Ханы. Будучи уроженкой Токио, после смерти мужа она решила вернуться назад на родину, где сыграла свою роль в сохранении памяти о его трудах и заслугах.

Отдельно стоит отметить внимание Германн к научным заслугам Бельца. Автор подробно разбирает содержание его важнейших сочинений

(например, Bälz 1883, 1885, 1901, 1907, 1930), оценивая как их значимость для современников Бельца, так и актуальность для современной науки. Можно заметить, что основное внимание в книге уделяется трудам по медицинской тематике, включая физическую антропологию, и несколько меньше близким к этнографии сочинениям, особенно последних лет жизни Бельца после возвращения в Германию. Однако, строго говоря, эта сторона его деятельности отошла на второй план совершенно естественным образом: осев в Германии и потеряв возможность собирать новый материал, Бельц мог только доводить до завершения работу над старым.

Тем не менее другая сторона его деятельности, непосредственно связанная с этнографией, нашла в книге Германн исчерпывающее представление. Бельц являлся одним из крупнейших немецких собирателей японского искусства и этнографических предметов; его коллекции обогатили несколько немецких музеев, в том числе Этнологический музей в Берлине и штутгартский музей им. Линдена. Германн подробно излагает обстоятельства собирания этих коллекций и передачи их в музеи, а также прослеживает их судьбу от смерти Бельца до наших дней.

Представленное сочинение не только способно удовлетворить практический интерес историков науки, но и легко увлекает удивительной биографией ученого, в которой в равной степени присутствуют и экзотика малопонятной тогда европейцам страны, и искренняя увлеченность, и позитивистская вера в науку и прогресс – сочетание, благодаря которому рубеж XIX–XX вв. можно назвать одной из самых романтических эпох истории.

Н.С. Любимова

Московский государственный университет

Литература

- Bälz E.v.* Über die körperlichen Eigenschaften der Japaner. 1. Teil // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Bd. III: 1880–1884, Heft 28. 1883. S. 330–359.
- Bälz E.v.* Über die körperlichen Eigenschaften der Japaner. 2. Teil // Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Bd. IV: 1884–1888, Heft 32. 1885. S. 35–103.
- Bälz E.v.* Menschen-Rassen Ostasiens mit specieller Rücksicht auf Japan // Zeitschrift für Ethnologie, 33. 1901. Vol. 3. S. 166–189.
- Bälz E.v.* Zur Vor- und Urgeschichte Japans // Zeitschrift für Ethnologie, 39. 1907. Vol. 3. S. 281–310.
- Bälz T.* Das Leben eines deutschen Arztes im erwachenden Japan. Tagebücher, Briefe, Berichte. Stuttgart, 1930.
- Eickstedt E.F.v.* Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.
- Schottlaender F.* Erwin von Baelz 1849–1913. Leben und Wirken eines deutschen Arztes in Japan. Stuttgart, 1928.

Рецензия поступила в редакцию 6 октября 2015 г.

Lyubimova Natalia S., Moscow State University (Moscow, Russia)

Review of Germann, Susanne. Erwin von Baelz (1849–1913) – Von Bietigheim nach Tokyo. Eine Biographie. Ubstadt-Weiher, Heidelberg, Basel, Verlag Regionalkultur, 2014. 504 s. ISBN 978-3-89735-795-2.

References

- Bälz, E.v. Über die körperlichen Eigenschaften der Japaner. 1. Teil, *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Bd. III (1880–1884), Heft 28, 1883, S. 330-359.
- Bälz, E.v. Über die körperlichen Eigenschaften der Japaner. 2. Teil, *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Bd. IV (1884–1888), Heft 32, 1885, S. 35-103.
- Bälz, E.v. Menschen-Rassen Ostasiens mit specieller Rücksicht auf Japan, *Zeitschrift für Ethnologie*, 33, 1901, 3, S. 166-189.
- Bälz, E.v. Zur Vor- und Urgeschichte Japans, *Zeitschrift für Ethnologie*, 39, 1907, 3, S. 281-310.
- Bälz, T. *Das Leben eines deutschen Arztes im erwachenden Japan*. Tagebücher, Briefe, Berichte. Stuttgart, 1930.
- Eickstedt, E.F.v. *Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit*. Stuttgart, 1934.
- Schottlaender, F. *Erwin von Baelz 1849–1913. Leben und Wirken eines deutschen Arztes in Japan*. Stuttgart, 1928.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКИЕВА ГУЛЬСИФА ТАКИЮЛЛОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тобольск, Россия.

E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

ЖАНЫСБЕКОВА ГУЛЬНАР АМИРБАЕВНА – кандидат исторических наук, и.о. доцента, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауэзова, г. Шымкент, Казахстан.

E-mail: amirbaevag@mail.ru

ЛЮБИМОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА – аспирантка кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: nslyubimova@mail.ru

ОПАРИН ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: dimaoparin@hotmail.com

ОРНЕЛАС ТАВАРЕС ГЛОРИЯ ЭВАНХЕЛИНА – преподаватель и научный сотрудник Национального педагогического университета (Мехико), член Национальной системы исследователей Национального совета по науке и технологии, г. Мехико, Мексика.

E-mail: gloriaornelas2000@yahoo.com.mx

ОТАРБАЕВА ГУЛЬЖАН КОБЕЕВНА – кандидат исторических наук, и.о. доцента, Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауэзова, г. Шымкент, Казахстан.

E-mail: gul_4979@mail.ru

ПОДДУБИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ – заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета, г. Кемерово, Россия; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: poddub@gmail.com

СОЛДАТОВА АННА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: aesoldatova@gmail.com

ТРУБИНА ЕЛЕНА ГЕРМАНОВНА – доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: elena.trubina@gmail.com

ФУНК ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Томского государственного университета, г. Томск, Россия.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

ХАРИТОНОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, доцент, руководитель группы медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН, президент Ассоциации медицинских антропологов, г. Москва, Россия.

E-mail: medanthro@mail.ru, Valkharit@iea.ras.ru

ABOUT THE AUTHORS

BAKIEVA GULSIFA TAKIYULLOVNA – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of Problems of Development of the North (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences), Tobolsk, Russia.

E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru

FUNK DMITRI ANATOLIEVICH – Dr.Sc. (History), Professor, Chair, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Chief Research Fellow, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

KHARITONOVA VALENTINA IVANOVNA – Dr.Sc. (History), Associate Professor, Head of the Medical Anthropology Group, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Sciences), President of Association of Medical Anthropologists, Moscow, Russia.

E-mail: medanthro@mail.ru, Valkharit@iea.ras.ru

LYUBIMOVA NATALIA SERGEEVNA – Postgraduate Student, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: nslyubimova@mail.ru

OPARIN DMITRIY ANATOLIEVICH – Cand.Sc. (History), Senior Lecturer, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: dimaoparin@hotmail.com

ORNELAS TAVAREZ GLORIA EVANGELINA – Lecturer and Research Fellow, National Pedagogical University (Mexico), Member of National System of Researchers of the National Council for Science and Technology, Mexico, Mexico.

E-mail: gloriaornelas2000@yahoo.com.mx

OTARBAEVA GULZHAN KOBEEVNA – Cand.Sc. (History), Acting Associate Professor, M.O. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Kazakhstan.

E-mail: gul_4979@mail.ru

PODDUBIKOV VLADIMIR VALERIEVICH – Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: poddub@gmail.com

SOLDATOVA ANNA EVGENIEVNA – Cand.Sc. (History), Junior Research Fellow, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: aesoldatova@gmail.com

TRUBINA ELENA GERMANOVNA – Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Ural Federal University n.a. the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: elena.trubina@gmail.com

ZHANYSBEKOVA GULNAR AMIRBAEVNA – Cand.Sc. (History), Acting Associate Professor, M.O. Auezov South Kazakhstan State University, Shymkent, Kazakhstan.

E-mail: amirbaevag@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрации просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.
для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indentation 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimal Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the «et al» is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the «et al» even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapov 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Dieckhoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный периодический журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2015. № 4

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 21.12.2015 г. Формат 70х108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,7. Гарнитура Times.
Тираж 200 экз. Заказ № 1534.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru